ШЕКСПИР XXI ВЕКА

ДЖАНЕТ УИНТЕРСОН

Разрыв во времени

Пересказ:
Уильям Шекспир «Зимняя сказка»

«Разрыв во времени» — пересказ «Зимней сказки» эпохи мегакорпораций, видеоигр и межрасовых семей.

18+

Разрыв во времени
Дженет Уинтерсон

Аннотация
Джанет Уинтерсон. Разрыв во времени. Пересказ «Зимней сказки» Уильяма Шекспира
Оригинал
Кавер-версия
  Действие первое
    Новый месяц
    Паук в чаше
    Планета-сводня
    Все это – ничего?
    Шипы, колючки, осиные жала
    И жизнь моя во власти ваших снов
    Перо, колеблемое ветром
    В чуждом месте
    Хищные птицы, медведи, волки
  Антракт
  Действие второе
    Движение вперед
    Праздничный вечер
    Со временем откроется для вас
  Антракт
  Действие третье

Дух, что покоя не обрел
Без ее любви я не ценил бы ничего
Здесь, в городе
Коль это колдовство...
Пусть звуки музыки ее пробудят
Благодарности

Аннотация

Джазовый пианист и владелец небольшого бара Шеп находит подброшенную к больнице девочку-младенца – вместе с чемоданом денег. Шеп удочерит Пердиту, вырастит как свою и вложит в нее всю душу. Оба они не будут догадываться о том, что Пердита – брошенное дитя ревности. Ее настоящий отец – жестокий руководитель финансовой компании, приревновавший жену к лучшему другу. Удастся ли Пердите сомкнуть разрыв во времени и узнать правду о своем происхождении?

ШЕКСПИР
XXI ВЕКА

Джанет Уинтерсон
Разрыв во времени. Пересказ «Зимней сказки» Уильяма Шекспира

Посвящается Рут Ренделл 1930—2015

Прожив полвека, понимаем с удивлением и ощущением убийственной свободы: все то, что замышляли мы и не сбылось, на самом деле не могло осуществиться – и надо постараться сделать лучше.

«Городу Шеридану» Роберт Лоуэлл

Jeanette Winterson
THE GAP OF TIME

Copyright © 2015 by Jeanette Winterson First published as The Winter's Tale by Jeanette Winterson. The Author has asserted the right to be identified as the author of the Work.

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Дизайн серии и оформление переплета: *Александр Кудрявцев*, студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Оригинал

Место действия. Пьеса начинается на Сицилии, одном из многих вымышленных шекспировских островов.

Время действия. Вымышленное.

Сюжет. Поликсен, король Богемии, уже девять месяцев гостит у своего друга детства Леонта, короля Сицилии. Поликсен надумал вернуться домой. Леонт пытается уговорить друга остаться еще ненадолго, но тот не поддается на уговоры.

Гермиона, беременная супруга Леонта, тоже просит Поликсена остаться, и он соглашается.

Леонт вдруг вбивает себе в голову, что Гермиона изменяет ему с Поликсеном и что ребенок, которого она носит под сердцем, Поликсенов.

Леонт вызывает к себе Камилло, знатного сицилийского вельможу, и велит ему отравить Поликсена. Однако Камилло не выполняет приказ и предупреждает Поликсена, что Леонт вознамерился его убить. Поликсен бежит с Сицилии. Камилло бежит вместе с ним.

Узнав об этом, Леонт впадает в ярость и публично обвиняет жену в измене. Он бросает ее в

темницу, не слушая возражений придворных, и особенно — знатной дамы Паулины, единственной, кто нашел в себе мужество открыто противостоять самодуру Леонту.

Леонт взбешен тем, что никто не верит его безумным обвинениям в адрес жены, и, опасаясь, как бы его не назвали тираном, посылает гонца к Дельфийскому оракулу.

Тем временем Гермиона рожает девочку. Леонт не признает ее своей дочерью и повелевает умертвить младенца.

Паулина приносит дитя Леонту в надежде, что его сердце смягчится, когда он увидит малышку. Однако Леонт разъяряется еще пуще и грозится выбить ребенку мозги. Но Паулину не так легко запугать, и Леонт соглашается, чтобы ребенка увезли с острова и бросили где-нибудь на произвол судьбы. Об этом должен позаботиться Антигон, муж Паулины.

Антигон уезжает. Леонт приводит Гермиону в суд, где всячески ее унижает. Но чем больше он оскорбляет жену, тем с большим достоинством отвечает она на его сумасшедшие обвинения.

В разгар потешного суда входит гонец с прорицанием от оракула. Дельфийский оракул называет Леонта ревнивым тираном и утверждает,

что Гермиона и Поликсен невиновны и новорожденное дитя тоже невиновно, и у Леонта не будет наследника, пока он не отыщет ребенка.

Леонт снова впадает в ярость и называет оракула *лжецом*. В ту же минуту приходит известие, что единственный сын Леонта, юный Мамиллий, умер.

Гермиона падает без чувств. Леонт раскаивается, но уже поздно.

Королева мертва.

Место действия. Богемия. В настоящее время входит в состав Чехии. Выхода к морю там никогда не было.

Сюжет. Антигон оставляет маленькую Пердиту на берегу Богемии, вместе с деньгами и несколькими памятными вещами — знаками ее королевского происхождения, — и спешит вернуться на корабль, пока не начался шторм. Его корабль идет ко дну. Сам Антигон погибает. Его смерть обозначает ремарка, наверное, самая знаменитая за всю историю театра: *Убегает, преследуемый медведем.*

Местный бродяга Автолик все замечает, но не делает ничего, разве что совершает пару-тройку карманных краж. Пердиту находят бедный пастух и его полоумный сын по прозвищу Клоун.

Пожалев брошенного ребенка, они забирают девочку себе.

Время действия. Шестнадцать лет спустя.

Принц Флоризель, сын Поликсена, влюбляется в Пердиту. Он думает, что она — дочь пастуха.

В селении проходит праздник по случаю стрижки овец. Наш пастух и его сын Клоун теперь богаты благодаря деньгам, найденным вместе с Пердитой.

Флоризель притворяется обыкновенным парнем, совсем не принцем. В порыве страсти он просит Пердиту стать его женой и приглашает в свидетели двух пожилых незнакомцев.

Как вскоре выяснится, незнакомцы — это переодетые Поликсен и Камилло.

Пока Пердита и Флоризель признаются друг другу в любви, бродяга Автолик шарит по чужим карманам, врет напропалую и развлекается на празднике.

Автолик — самый приятный из всех злодеев Шекспира: предприимчивый, неунывающий, остроумный. По сути, он никому не желает зла.

Клоун развлекает своих подружек-пастушек Мопсу и Доркас, старый пастух поздравляет всех с праздником. И тут Поликсен объявляет, кто он такой на самом деле, и грозит смертью всем

присутствующим.

Преисполненный ярости, он приказывает Флоризелю забыть о Пердите. Камилло видит, что у него появился шанс возвратиться домой. Он предлагает Флоризелю и Пердите бежать на Сицилию. Те соглашаются и уезжают.

Следом за ними едут старый пастух, Клоун и Автолик.

Место действия. Сицилия.

Время действия. Стремительное настоящее.

Сюжет. Флоризель и Пердита прибывают ко двору Леонта. Царя влечет к юной красавице, но вскоре он узнает, что она — его дочь, как только Пастух и Клоун предъявляют ему содержимое сундучка, найденного вместе с ребенком.

Поликсен, бросившийся в погоню за беглецами, мирится с Леонтом и Флоризелем. Конец уже близко. Паулина приглашает всех к себе домой полюбоваться на мраморную статую Гермионы. Статуя стоит как живая, и Леонт бросается к ней, чтобы поцеловать, но Паулина предупреждает его и предлагает убрать статую. В конце пьесы, безо всякого объяснения, предупреждения или психологического обоснования, наши герои устремляются в новую жизнь, обретенную после «разрыва во времени», когда они пребывали в

разлуке. Что ждет их дальше? Время покажет.

Кавер-версия

Действие первое
Новый месяц

Сегодня ночью случилось странное.

Я шел с работы домой, ночь была жаркой, гнетущей, как всегда и бывает в это время года, когда кожа вечно лоснится от пота, а рубашка не высыхает ни на секунду. Я весь вечер играл на пианино в баре, где в то время работал, и никто не желал уходить, и пришлось задержаться там дольше обычного. Сын обещал, что заедет за мной на машине, но не заехал.

Я шел с работы домой. Было, наверное, около двух часов ночи, и бутылка с холодным пивом нагревалась у меня в руке. Я знаю, распитие спиртного на улице запрещено, но я подумал, какого черта, человек вкалывал без перерыва девять часов, подавал выпивку, когда в баре было затишье, и играл на пианино, когда в баре было полно народу. Под живую музыку люди пьют больше, это факт.

Я шел с работы домой, когда небо разломилось надвое и дождь обрушился ледяным градом. Это и был град. Градины размером с мячик для гольфа,

твердые, как резиновые мячи. Улица впитала в себя весь жар этого дня, этой недели, этого месяца, этого лета. Градины падали на землю, словно кубики льда — во фритюрницу. Как будто буря рвалась вверх с земли, а не низвергалась с небес. Я мчался сквозь ледяную шрапнель, мелкими перебежками от подъезда к подъезду, и не видел своих ног сквозь шипящий пар. На крыльце церкви я остановился передохнуть на минутку. Внизу бурлила и пузырилась белая пена. Я промок до нитки. Деньги у меня в кармане слиплись друг с другом, мокрые волосы облепили голову. Я смахнул с глаз капли дождя. Слезы дождя. Моя жена умерла год назад. Без толку прятаться. Лучше скорее добраться до дома. Я решил срезать путь. Обычно я не хожу той дорогой. Из-за «окна жизни».

Приемник для новорожденных, от которых отказались родители, установили в больнице около года назад. Я наблюдал за строителями каждый день, когда навещал жену. Я видел, как заливали бетонную оболочку, видел, как устанавливали стальную коробку и самоблокирующуюся дверцу со стеклянным окошком, как туда проводили тепло, свет и сигнализацию. Один из строителей отказался работать. Считал, что это неправильно,

аморально. Знак времени. Впрочем, у времени столько знаков, что если вычитывать их все, можно запросто умереть от разрыва сердца.

В «окне жизни» тепло, безопасно. Когда внутрь кладут ребенка, дверца закрывается и блокируется, в больнице звенит звонок, и очень скоро кто-то из медсестер спускается за малышом, но не прямо сразу, а так, чтобы у матери было время уйти. Перекресток буквально в двух шагах. Завернула за угол — и все, ее нет.

Однажды я видел такое. Я побежал следом за женщиной. Я крикнул ей:

— Подождите!

Она обернулась и посмотрела на меня. Одна секунда из тех секунд, которыми держится мир. Но она миновала, время двинулось дальше, и женщина ушла прочь.

Я вернулся к приемнику. Он был пуст. Через несколько дней умерла моя жена. Поэтому я не хожу домой той дорогой.

У «окон жизни» есть своя история. Разве не у всего есть история? Думаешь, что живешь в настоящем, но прошлое не отступает. Оно всегда за спиной, словно тень.

Я немного изучил вопрос. В Европе, в Средние века, когда бы они там ни были, тоже существо-

вали приемники для брошенных младенцев. Их называли «колесами подкидышей»: круглые окна в монастырях, куда можно было засунуть младенца и сбежать, уповая на Божью милость.

А еще можно было оставить младенца в лесу, на воспитание волкам или собакам. Оставить младенца без имени, но с чем-то, с чего начнется история.

Машина проносится мимо. Меня обдает водой из канавы, как будто мне мало. Как будто я и так не промок насквозь. Вот урод! Подъезжает другая машина. Это мой сын, Кло. Я забираюсь внутрь. Он вручает мне полотенце, я вытираю лицо, благодарный и внезапно измученный.

Мы проезжаем пару кварталов. В машине играет радио. Прогноз погоды. Суперлуние. Высокий прилив, волнение на море. Река выходит из берегов. Без необходимости не выходите на улицу. Сидите дома. Это не ураган «Катрина», но и не лучшая ночь для прогулок. Машины, припаркованные у тротуара, утонули в воде до середины колес.

И тут мы видим…

Впереди — черный «БМВ» шестой серии, врезавшийся в стену капотом. Обе двери открыты, и с водительской стороны, и с пассажирской.

Впилившись в багажник «БМВ», стоит маленькая машина, явно не из дорогих. Два парня в низко надвинутых капюшонах бьют человека, лежащего на земле. Мой сын жмет на клаксон, едет прямо на них, опускает стекло и кричит: «КАКОГО ХРЕНА?! КАКОГО ХРЕНА?!» Нашу машину резко заносит: один из парней в капюшоне выстрелил нам в переднюю шину. Сын выворачивает руль, машина с глухим стуком ударяется о бордюр у тротуара. Капюшоны запрыгивают в «БМВ» и уносятся прочь, отпихнув маленькую машинку через всю улицу. Избитый мужчина лежит на земле. На вид лет шестидесяти. В хорошем, добротном костюме. Мужчина истекает кровью. Дождь смывает кровь с его лица. Он что-то говорит. Я опускаюсь рядом с ним на колени. Его глаза широко распахнуты. Он мертв.

Сын глядит на меня — я его отец: что нам делать? Где-то уже завывает сирена, далеко-далеко, словно на другой планете.

— Не трогай его, — говорю я сыну. — Разворачивайся и поедем.

— Надо дождаться полицию.

Я качаю головой.

Со спущенной шиной мы кое-как доезжаем до угла, заворачиваем и медленно едем по улице

мимо больницы. «Скорая помощь» выруливает с больничного двора.

— Надо поменять колесо.

— Заезжай на больничную стоянку.

— Надо сказать полицейским о том, что мы видели.

— Он мертв.

Сын заглушает мотор и идет за инструментами в багажнике, чтобы поменять колесо. Я сижу на промокшем сиденье. В больничных окнах горит свет. Я ненавижу эту больницу. Точно так же я сидел в машине, когда умерла жена. Смотрел сквозь лобовое стекло и не видел вообще ничего. Прошел целый день, наступила ночь, и ничего не изменилось, потому что изменилось все.

Я выхожу из машины. Помогаю сыну снять колесо. Он уже достал из багажника запаску. Я запускаю пальцы в раскуроченную резину убитой шины и достаю пулю. Только этого нам не хватало. Я бросаю ее в водосток на краю тротуара.

И вот тогда я вижу свет.

«Окно жизни» освещено.

Почему-то я знаю, что тут все связано: «БМВ», маленькая машина, мертвый мужчина, ребенок.

Потому что там есть ребенок.

Я иду к «окну жизни», словно в замедленной

съемке. Ребенок спит, сосет пальчик. За ним еще не пришли. Почему никто не пришел за ребенком?

Я вдруг понимаю, почти безотчетно, что у меня в руках монтировка. Почти безотчетно открываю дверцу. Это несложно. Я беру ребенка на руки, и он весь светится, как звезда. *Она* светится, как звезда.

> *Пребудь со мной, уж меркнет свет дневной,*
>
> *Густеет мрак. Господь, пребудь со мной!*
>
> *Когда лишусь опоры я земной,*
>
> *О Бог всесильный, Ты пребудь со мной.*[1]

Сегодня утром церковь переполнена. Нас собралось около двух тысяч. Наводнение никому не помешало прийти. Пастор говорит: «*Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее*» [2].

Это из Песни Песней царя Соломона. Мы поем

---

[1] Примечания: 1

«Пребудь со мной» (Abide with Me) — христианский гимн, сочиненный Генри Фрэнсисом Лайтом (1793–1847) в 1847 г., за три недели до смерти. *Перевод И. М. Бессмертной*

[2] Примечания: 2

Песнь Песней 8:7.

то, что знаем.

Церковь Божественного Завета начиналась с лачуги, выросла в большой дом, а потом — в небольшой городок. В основном сюда ходят черные. Но и белые тоже. Белым труднее поверить в то, что у них есть, во что верить. Они цепляются за конкретику вроде семи дней Творения или воскресения Христа. Меня самого эти вопросы не мучают. Если Бога нет, то после смерти мне хуже не будет. Я просто умру. Если Бог есть… Да, я слышу, как вы говорите: «И где он, твой Бог?»

Я не знаю, где Бог, но мне кажется, что Бог знает, где я. У него есть первый в мире навигатор с функцией поиска. Найти Паста.

Паст — это я.

Мы живем вдвоем с сыном Кло. Ему двадцать лет. Он родился здесь. Его мать была из Канады, ее родители — из Индии. Я прибыл сюда на невольничьем корабле — ну, не я лично, а мои гены, в которые вписана Африка. И вот мы здесь, в Новой Богемии, бывшей французской колонии. Сахарные плантации, колониальные особняки, ужас и красота, слитые воедино. Кованые балюстрады, столь любимые туристами. Здания восемнадцатого века, покрашенные розовой, желтой или голубой краской. Деревянные рамы магазинных

витрин. Аллеи с темными дверными проемами, что ведут к проституткам.

Есть и река. Широкая, словно будущее, каким оно было раньше. Есть и музыка: всегда где-то поет женский голос, старик играет на банджо. Может быть, просто парочка погремушек в руках девчонки за кассой. Может быть, скрипка, напоминающая о маме. Может быть, песня, что рождает желание забыть. Что есть память на самом деле, как не мучительное прекословие с прошлым?

Я где-то читал, что каждые семь лет человеческий организм полностью обновляется. Все до единой клетки. Даже кости отстраивают себя заново, как кораллы. Так почему же мы помним все, что должно было пройти и забыться? Какой смысл в наших шрамах и унижениях? Какой смысл помнить старые добрые времена, когда их больше нет? Я люблю тебя. Я по тебе страшно скучаю. Тебя уже нет.

— Паст! Паст?

Это пастор. Да, спасибо, у меня все хорошо. Да, ночка выдалась еще та. Божий суд над миллионом людских преступлений. Верит ли в это сам пастор? Нет, он не верит. Он верит в глобальное потепление. Господу незачем нас наказывать. Мы

наказываем себя сами. Вот почему мы нуждаемся в прощении. Люди не знают, что такое прощение. «Прощение» такое же слово, как «тигр»: есть видеозаписи с тиграми, их существование доказано, но лишь немногие люди видели тигра вблизи, в дикой природе, и осознали, что он существует на самом деле.

Я никогда не прощу себе то, что я сделал…

Однажды ночью, поздней, глубокой ночью, в мертвый час — его не зря так называют — я задушил свою жену на больничной койке. Она была слабой. Я — сильным. Она лежала, подключенная к аппарату искусственного дыхания. Я снял маску с ее лица, зажал ей рот и нос двумя руками и взмолился Иисусу, чтобы он забрал ее на небеса. Он услышал мою молитву.

Монитор запищал. Я знал, что уже очень скоро в палату придут. Меня не волновало, что будет со мной. Но никто не пришел. Пришлось идти самому и кого-то искать. Медсестер было мало, а пациентов чересчур много. Они не знали, кого винить, хотя я уверен, что подозревали меня. Мы накрыли ее простыней, а потом пришел врач и записал в карте: «Остановка дыхания».

Я не жалею о том, что сделал, но никогда себе этого не прощу. Я поступил правильно, но это

было неправильно.

— Вы поступили неправильно, но из правильных побуждений, — сказал пастор. Тут я с ним не согласен. Со стороны, может быть, покажется, что мы просто играем словами, однако разница есть. Он имел в виду, что отбирать у человека жизнь — это неправильно, но я отобрал жизнь жены, чтобы избавить ее от страданий. А я был уверен, что имел право лишить ее жизни. Мы были муж и жена. Единая плоть. Но мои побуждения были неправильные, и вскоре я это понял. Я убил жену не для того, чтобы она не страдала; я убил ее, чтобы не страдать самому.

— Хватит думать об этом, Паст, — говорит пастор.

Я вернулся домой из церкви. Сын смотрел телевизор. Малышка не спала. Она тихонько лежала, глядя в потолок, где свет из окна прочертил полоски теней от жалюзи. Я взял ее на руки, вышел на улицу и понес в больницу. Она была теплой и очень легкой. Легче, чем был мой сын, когда только родился. Мы с женой только-только перебрались в Новую Богемию. Мы верили в мир, в Бога, в будущее, в любовь, и, самое главное, мы верили друг в друга.

Шагая по улице и прижимая к себе малышку,

я провалился в дыру во времени, где два разных потока сливаются воедино. Моя спина распрямилась, шаг сделался легче. Я был молодым человеком, женатым на красивой девушке, и вдруг мы с ней стали родителями.

— Придерживай маленькому головку, — сказала она, когда я нес его на руках. Новая жизнь у меня в объятиях.

Всю неделю после его рождения мы с женой не вставали с постели. Мы спали и ели в кровати, а наш ребенок лежал между нами. Всю неделю мы просто смотрели на него и никак не могли налюбоваться. Мы его сотворили. Без образования и опыта, без университетских дипломов и научных бюджетов, мы сотворили человеческое существо. Что это за безумный, отчаянный мир, где мы творим человеческие существа?

Не уходи.
Что вы сказали, мистер?
Прошу прощения, я замечтался.
Какая славная у вас малышка.
Спасибо.

Женщина проходит мимо. Я вдруг понимаю, что стою посреди людной улицы со спящим ребенком на руках и разговариваю сам с собой. Но

я разговариваю не с собой, а с тобой. До сих пор. Всегда. *Не уходи.*

Понимаете, что я имею в виду, когда говорю о памяти? Моей жены больше нет. Ее уже не существует. Ее паспорт был аннулирован. Банковский счет закрыт. Кто-то другой носит ее одежду. Но в моих мыслях она жива. Если бы она никогда не жила на свете, а жила лишь в моих мыслях, меня отправили бы в дурку с бредовым расстройством. А так я просто скорблю.

Я понял, что значит скорбеть: жить с кем-то, кого больше нет.

Где ты?

Рев мотоцикла. Машины, в которых играет радио. Детишки на скейтбордах. Лает собака. Разгружают машину доставки. Две женщины спорят на тротуаре. Все вокруг говорят по мобильным. Парень орет в мегафон: «НИЧЕГО НЕ ОСТАНЕТСЯ».

Ну и ладно. Забирайте все. Машины, людей, товары на распродаже. Пусть не останется ничего, кроме земли у меня под ногами и неба над головой. Выключайте все звуки. Стирайте картинки. Пусть ничего не останется между нами. Увижу ли я, как ты идешь мне навстречу под конец дня? Как это бывало прежде, когда мы оба

с тобой приходили домой с работы, смертельно уставшие? Подними голову и увидишь меня, мы увидим друг друга, сперва далеко, а потом — все ближе и ближе. Твоя душа вновь в человеческом облике. Атомы в форме твоей любви.

— Это ничего, — сказала она, когда узнала, что умирает.

Ничего? Но тогда весь мир со всем, что в нем — ничто, и небо — ничто, и земля, и твое тело — ничто, и то, как мы занимались любовью — ничто…

Она покачала головой.

— Смерть — ничтожная часть моей жизни. Какая мне разница? Меня просто не будет.

— Но я-то буду, — сказал я.

— В том-то и ужас, — сказала она. — Если бы я могла пережить свою смерть для тебя, я бы пережила.

«ТОТАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА. ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ. НИЧЕГО НЕ ОСТАНЕТСЯ».

Так уже ничего не осталось. Я подхожу к больнице. Вот оно, «окно жизни». Девочка у меня на руках просыпается. Я чувствую, как она зашевелилась. Мы смотрим друг на друга. Ее зыбкие голубые глаза находят мой сумрачный взгляд.

Она поднимает крошечную ручку, нежную, как цветок, и прикасается к жесткой, колючей щетине у меня на щеке.

Поток машин в обе стороны не дает перейти улицу. Анонимный мир в непрестанном движении. Мы с малышкой застыли на краю тротуара. Она как будто понимает, что нам предстоит сделать выбор.

Но выбор ли это? Все самое важное в жизни происходит по чистой случайности. А все остальное можно и распланировать.

Я заворачиваю за угол и говорю себе, что непременно об этом подумаю, но ноги сами несут меня к дому. Иногда надо просто принять, что подсказывает тебе сердце. Сердце знает.

Когда я вернулся домой, сын смотрел новости по телевизору. Уточнения по поводу вчерашней бури. Представители властей говорят, что всегда говорят в таких случаях. А потом — объявление. Просьба ко всем, кто был свидетелем происшествия, обратиться туда-то и туда-то. Мертвый мужчина. Антоний Гонсалес, гражданин Мексики. При нем найден паспорт. Ограбление. Убийство. Ничего необычного для этого города, не считая погоды.

Но кое-что необычное все-таки было.

Он бросил ребенка.

— Откуда ты знаешь, что это он, папа?

— Я знаю, что знаю.

— Надо пойти в полицию.

Как я вырастил сына, который доверяет полиции? Мой сын всем доверяет. Я за него беспокоюсь. Я качаю головой. Он показывает на малышку.

— Если ты не пойдешь в полицию, что мы будем с ней делать?

— Оставим у нас.

Сын глядит на меня, ошарашенный. Нельзя просто взять и оставить себе новорожденного ребенка, чужого ребенка. Это незаконно. Но меня не волнуют вопросы законности. Помощь беспомощным. Разве я не могу ей помочь?

Я покормил ее и поменял ей подгузник. Я купил все, что нужно, по дороге домой. Если бы жена была жива, она бы сделала то же, что делаю я. Мы бы сделали это вместе.

Как будто мне дали жизнь взамен той, что я отобрал.

Как будто это мое прощение.

Вместе с ребенком лежал портфель-дипломат, словно малышку заранее готовили к карьере в бизнесе. Портфель закрыт на кодовый замок. Я говорю сыну, что если мы сможем найти роди-

телей девочки, то мы их найдем. Мы открываем портфель.

Кло напоминает плохого актера в низкобюджетном телесериале. Челюсть отвисла. Глаза, как блюдца.

— Святые угодники, — говорит Кло. — Они настоящие?

Свеженькие, хрустящие банкноты в толстых пачках, как реквизит в фильме про гангстеров. Пятьдесят пачек. Десять тысяч долларов в каждой.

Под пачками денег лежит мешочек из мягкого бархата. Бриллиантовое ожерелье. Бриллианты — не мелкая крошка. Крупные камни, щедрые, как женское сердце. В глубине переливается чистое время. Словно смотришь в хрустальный шар.

Под бриллиантами — нотный лист. Ноты расписаны от руки. Песня называется «ПЕРДИТА».

Значит, ее так зовут. Утрата. Потерянная малышка.

— Ты теперь на всю жизнь обеспечен, — говорит Кло. — Если не загремишь в тюрьму.

— Она наша, Кло. Теперь она твоя сестра. А я — ее папа.

— Как ты распорядишься деньгами?

Мы переехали в дальний пригород, где нас никто не знал. Я продал квартиру и на вырученные деньги, присовокупив к ним наличные из портфеля, купил бар «Овчарня». Заведение принадлежало мафии, им надо было по-быстрому прикрыть лавочку, так что они не возражали против наличных. Вопросов нет. По рукам. Бриллианты я положил в банковский сейф на ее имя. До ее восемнадцатилетия.

Я играл песню и научил этой песне малышку. Она запела еще до того, как научилась говорить.

Я учусь быть ей отцом и матерью. Она спрашивает про свою настоящую маму, и я отвечаю, что нам ничего не известно. Я всегда говорил ей правду. По крайней мере, часть правды. Она белая, мы с сыном черные. Она знает, что я ей приемный отец.

Истории надо с чего-то начаться.

Паук в чаше

Жил-был человек, и жил он в аэропорту.

Лео и его сын Мило смотрели в огромное, во всю стену, окно в лондонском офисе Лео. Из окна виден пригородный аэропорт и эстуарий Темзы. Мило нравилось наблюдать за взлетающими са-

молетами. Ему было девять, и он знал на память расписание всех вылетов и прилетов. На стене кабинета висела огромная карта маршрутов, которые обслуживал аэропорт — красные линии, словно артерии на схеме кровообращения мира.

— Он находится в розыске, этот человек? — спросил Лео.

— Никто его не разыскивает, никому он не нужен, — ответил Мило. — Он сбежал от всех и стал сам по себе. Вот почему он живет в аэропорту.

Лео объяснил, что имел в виду, не разыскивает ли того человека полиция.

Мило задумался. В школе им задали написать сочинение. Учитель просил, чтобы они постарались придумать такую начальную строку, которая содержала бы в себе всю историю. Как в сказках, которые начинаются с «Было у короля три сына» или «Жил-был тролль, влюбленный в принцессу».

— Он не убийца, этот человек, который живет в аэропорту, — сказал Мило. — Но у него нет дома.

— Почему? — спросил Лео.

— Потому что он бедный, — ответил Мило.

— Может быть, ему стоило больше работать, — сказал Лео, — и тогда он сумел бы купить билет на самолет. Смотри… «Британские авиалинии».

Рейс в Нью-Йорк с пересадкой в Шанноне.

Они наблюдали, как самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы, словно гигантская невероятная птица.

— На самом деле динозавры не вымерли, — сказал Лео, — они просто спрятались и дождались, когда можно будет вернуться в облике самолетов.

Мило улыбнулся. Лео взъерошил ему волосы. С сыном Лео был нежен и мягок.

— Когда мы умрем, мы тоже где-нибудь спрячемся, а потом вернемся уже в другом облике? — спросил Мило.

— Твоя мама считает, что да. Потому что она буддистка. Поговори с ней об этом.

— А ты как считаешь? — спросил Мило. — Смотри! «СитиФлаер», парижский рейс.

— Я никогда не задумывался об этом, — сказал Лео. — Послушай совета, малыш: не стоит задумываться о том, о чем тебе думать не надо.

Лео уволили из банка, когда Мило было четыре года. Две тысячи восьмой. Год, когда грянул мировой финансовый кризис, чему содействовал и сам Лео, накапливая «безрассудные потери», как это назвал генеральный директор. Лео считал это несправедливым. Все, что он делал с деньгами,

было рискованно и безрассудно, но никто не пытался его уволить за безрассудную прибыль.

Когда он вышел из банка в последний раз, в элегантном костюме от «Хьюго Босс» и туфлях «Джон Лобб», какие-то юные демонстранты, противники капитализма, принялись бросать в него яйца. Он на мгновение застыл, глядя на сырую яичницу у себя на пиджаке. Потом сбросил пиджак, схватил двух мальчишек и швырнул их на землю. Третьего Лео впечатал в стену и сломал ему нос.

Кто-то из оставшихся демонстрантов записал все на видео, и на следующий день Лео арестовали. Генеральный директор банка, бывший начальник Лео, узнал его в записи.

Лео признали виновным в простом нападении без отягчающих обстоятельств, но адвокат отмазал его от тюрьмы на основании частичной вменяемости (человека уволили с работы) и достаточной провокации (яйца). В любом случае пострадавшие были безработными смутьянами. Похоже, никто не заметил, что Лео тоже безработный.

Больше всего его возмущала несправедливость происходящего, когда он выплачивал штраф и покрывал судебные издержки. Не Лео придумал

капитализм — его работа заключалась в том, чтобы делать деньги внутри системы, существующей для того, чтобы делать деньги. И терять деньги тоже; по сути, кризис был игрой в музыкальные стулья — пока играет музыка, никого не волнует, что на всех стульев не хватит. Кому охота сидеть, когда можно плясать? Было дело, он терял суммы, сравнимые с ВВП маленького государства, но всегда возвращал все обратно и даже с лихвой. Когда музыка останавливалась, он — временно — приставлял к своим стульям кредитное плечо.

После трехмесячного запоя он угодил в клинику реабилитации алкоголиков, где пробыл три недели, после чего его выписали и посоветовали обратиться к психологу на предмет повышения самооценки.

В течение полугода Лео дважды в неделю ездил на такси из своей Маленькой Венеции в Хэмпстед на встречи с именитым психологом из Восточной Европы. Он ненавидел бесшумную дверь в кабинет. Ненавидел кушетки, обтянутые гобеленом, ненавидел часы и коробку с бумажными носовыми платками. Он ненавидел тот факт — на самом деле два факта, по одному на каждую ногу, — что психолог носил коричневые сандалии с

черными носками и постоянно заводил разговор об АМБИ-ВАЛЕЙНТНОСТИ, как это звучало в его произношении.

— Вы одновременно и любите, и ненавидите свою мать, — сказал доктор Вартц.

— Нет, — сказал Лео. — Просто ненавижу.

— Фсе дело в хорошей грути и плохой грути.

Лео думал о женской груди, пока психолог говорил о Мелани Кляйн. В следующий раз Лео принес на сеанс мужской журнал. Вручил его доктору Вартцу вместе с маркером и попросил обвести в кружок хорошие груди и зачеркнуть крестиком плохие.

— Типичная объективация объекта, одновременно любимого и ненавистного, — сказал доктор Вартц.

Лео вспомнил, что доктор Вартц написал книгу под названием «Объективация объекта». Он принялся размышлять об истории объекта в истории человечества, поскольку стал понимать, что это слово следует произносить дважды, чтобы оно звучало весомо.

Сначала объектов не существовало — была только энергия. Потом, после Большого взрыва или сотворения мира Господом Богом, в зависимости от того, какой вы придерживаетесь точки

зрения, сам мир стал объектом (мета-объектом?), наполненным другими объектами. Их надо было как-то назвать — отсюда Наименование объектов. Потом люди изобрели кучу всяких вещей: Изобретение объектов. Потом, рассуждал Лео, началось Уничтожение объектов из-за многочисленных войн и всеобщего человеческого идиотизма.

И есть еще Объект желания. Его желудок сжался в комок.

Потом он подумал об инвентаризации, архивах, каталогах, описях, списках и системах классификации: Регистрация объектов. У его жены была книга, которая ей очень нравилась. Книга какого-то американского автора. «Безопасность объектов». Сам Лео знал все, что вообще можно знать, о Статусе объектов, что в его понимании означало Объекты статуса, к примеру, его личный вертолет (продан). С появлением квантовой теории мы имеем Странность объектов и, если хорошенько подумать, Смысл объектов. А как же Бессмысленность объектов?

Да. Когда у тебя много денег и ты можешь купить что угодно, ты приходишь к тому, о чем знали Христос и Будда: земные сокровища не стоят вообще ничего. Его забавляла сама мысль

о том, что подобное знание обретается на пути, прямо противоположном великим духовным традициям мира.

Он спросил:

— Можно ли по-настоящему узнать другого человека?

— Нельзя разделять наблюдателя и наблюдаемое, — сказал доктор Вартц.

Почему нельзя? Можно! — подумал Лео, когда вернулся к себе в кабинет. — *Для этого и придумали камеры слежения*.

Вскоре Лео сообразил, что ему вовсе незачем платить пятьсот фунтов в неделю за два сеанса по пятьдесят минут, чтобы понять, что его недолюбили в детстве. И что он заполнил свою пустоту «чрезмерными барышами», как сформулировал это доктор.

— Мы все занимаемся самолечением, — сказал Лео доктору Вартцу. — Мое чудо-снадобье — деньги. Алкоголь — просто стрессовая реакция. Теперь с ним покончено.

Лео бросил психотерапию, завязал с выпивкой и создал собственный хедж-фонд. Он занялся скупкой — разумеется, с кредитным плечом — недооцененных компаний, из которых можно

было вывести все ценные активы и потом загрузить по горло долгами. Фонд принес неплохие барыши инвесторам и, конечно, своему создателю. Лео назвал его «Сицилия». Звучно. С легким намеком на мафию. Его мать была итальянкой.

Очень скоро портфель «Сицилии» оценивался в шестьсот миллионов фунтов, и Лео всерьез нацелился на миллиард. Кризис ликвидности в реальном секторе — идеальная возможность делать деньги из воздуха.

Там, у себя в кабинете с видом на аэропорт, Лео увидел, что его замечание смутило Мило. Мило был задумчивым и мечтательным мальчиком — в этом смысле он пошел не в отца, а в мать. Общение Лео с сыном ограничивалось простыми, приземленными вещами, и рассуждения о жизни и смерти к ним не относились. Лео возил Мило на футбол и в бассейн. Он не делал с сыном домашних заданий и не читал ему книжек — этим занималась Мими.

— Мама скоро придет, — проговорил Лео, не зная, что еще сказать.

— Я, наверное, сяду писать сочинение? — спросил Мило.

Лео кивнул.

— Садись в кухне. Возьми там молока и пече-

нья, да?

Мило нравилось приходить на работу к папе. Там всегда были люди, которые с ним возились и угощали чем-нибудь вкусным, и самое главное — там были самолеты.

Лео обнял Мило. Они любили друг друга. По-настоящему.

— Жил-был человек, и жил он в аэропорту, — сказал Мило, выходя из кабинета.

Лео уселся за стол, сделанный из русской березы, отполированной до зеркального блеска. В его кабинете все было белым: снежные стены, полярный кожаный диван, сахарный ковер. На стене висела огромная, увеличенная до размеров плаката черно-белая фотография жены. Цифровой вариант той же самой фотографии стоял у Лео обоями на экране айфона. Единственное пятно цвета — красный неоновый знак на стене. Дизайн Трейси Эмин.

Знак состоял из двух слов: «РИСК = ЦЕННОСТЬ». Это была переделанная цитата, которую Лео однажды увидел на демонстрации антикапиталистических «оккупантов»: «То, чем ты рискуешь, показывает, что ты ценишь». Этот лозунг беспокоил его до тех пор, пока он его не переделал. Когда Лео основал свою новую компанию, он

заказал и неоновый знак.

Лео склонился над селектором:

— Веб-Камерон! Зайдите ко мне!

Когда Камерон вошел, Лео еще не успел отсмеяться над собственной шуткой. Камерон — бывший военный. Он знает, как выполнять приказы.

— Камерон. Я хочу, чтобы вы установили веб-камеру в спальне моей жены.

Камерон услышал распоряжение, но не понял услышанное.

— Вы хотите установить камеру визуального наблюдения в спальне вашей жены?

Лео раздраженно поморщился.

— Вы отвечаете за безопасность и транспорт в «Сицилии». Это деликатный вопрос. Я не хочу привлекать никого со стороны. Я хочу, чтобы картинка с камеры выводилась сюда, на мой рабочий компьютер.

Камерон явно чувствовал себя неловко.

— Я видел подобные штуки на порносайтах, но…

— Я не собираюсь дрочить на оцифрованные сиськи моей жены, если вас это тревожит. И мы не будем выкладывать ее видео в Интернет по двадцать фунтов за каждые семь минут для ка-

кого-нибудь прораба, запустившего руку себе в штаны. Это чисто семейное дело. Развод.

— Вы собираетесь развестись с миссис… женой?

— Странный вопрос. У вас в Шотландии все так говорят? Что значит «миссис жена»? Просто жена. У меня нет «мистера жены».

И тут Лео подумал о Ксено. Эта мысль взорвала ему мозг.

— На самом деле, Камерон, я подозреваю, что Мими мне изменяет. И хочу поймать ее с поличным. Вы же знаете, почему веб-камера так называется?

— Это камера, подключенная к Интернету, — медленно проговорил Камерон.

— К мировой паутине. Это ловчая сеть, Камерон. Чтобы ловить насекомых. Я не могу спать по ночам, потому что у меня в постели копошатся насекомые.

— Ваша жена ждет ребенка, — сказал Камерон.

— Вы считаете, что свиноматка не может визжать от удовольствия, если у нее в утробе зреют поросята?

Камерона бросило в жар. Галстук как будто сдавил горло.

— Вы говорите о вашей жене и ребенке.

— О *моем* ребенке? О чьем-то ублюдке. — Лео сломал карандаш, который вертел в руках.

— У вас есть основания подозревать, что Мими вам изменяет?

— В смысле, видел ли я ее с кем-нибудь? Нет. Сумел ли частный детектив, который следит за ней третий месяц, узнать что-то такое, чего я не знаю сам: куда она ходит, с кем встречается, с кем ведет переписку по почте и эсэмэс? Нет.

— Вы говорите, что ни с кем ее не видели…

— Не видел.

— Но тогда это просто безумие.

— Вы называете меня безумцем, Камерон? Вы называете меня безумцем?

Лео швырнул на стол две половинки карандаша, резко поднялся и подошел к Камерону. Камерон замер, расслабил колени и напряг мышцы живота. Он знал, как держаться. И знал о крутом нраве Лео. Лео подошел так близко, что Камерон видел поры у него на лице. Он старательно избегал зрительного контакта.

Лео сделал шаг назад и отвернулся к окну.

— Амстердам, — сказал он, глядя на взлетающий самолет. Потом добавил, не оборачиваясь: — Она может видеться с ним каждый день, и никто ничего не заподозрит. Никто, кроме меня.

Я постоянно об этом думаю.

— Лео, я не понимаю, о чем вы, — сказал Камерон.

— Это Ксено.

Камерон помедлил, переваривая услышанное.

— Ксено ваш близкий друг. И деловой партнер.

— Держи друзей близко, а врагов еще ближе, да, Камерон?

— Но вы сами сказали, что у вас нет оснований для подозрений.

Лео резко обернулся.

— Интуиция есть не только у женщин, Камерон. Я знаю Ксено всю жизнь.

Знаю Ксено всю жизнь.

С тринадцати лет. Они познакомились в школе-интернате, куда их обоих определили отцы, отсудившие родительские права у никчемных матерей. Мать Лео ушла от отца к другой женщине. Мать Ксено была психически неуравновешенной алкоголичкой. Интернат был самым обычным, не особо престижным, без каких-то специальных учебных программ, зато отцы тешили себя мыслью, что воспитывают сыновей как должно, хотя сыновья почти никогда не бывали дома.

На выходных в интернате было тихо и скучно — большинство воспитанников разъезжались

по домам. Лео с Ксено выдумывали миры, где им хотелось бы жить.

— Я живу в лесу, — говорил Ксено. — У меня свой деревянный дом. Приходят кролики, я в них стреляю. Пиф-паф.

— Я живу на Луне, — говорил Лео. — Она сделана из моцареллы.

— Как же ты будешь ходить по комку сыра? — спрашивал Ксено.

— Там не надо ходить, — отвечал Лео. — На Луне нет силы тяжести.

Они слушали Дэвида Боуи, певшего про майора Тома, а Ксено прибился к музыке кантри. Иногда он представлял себя в образе Эммилу Харрис[3].

Они не стремились к тому, чтобы быть как все, и это устраивало их обоих, потому что они и не были такими, как все остальные мальчишки.

К пятнадцати годам они стали неразлучны. Они вступили в школьный стрелковый клуб и состязались друг с другом в тире. Ксено чаще попадал в цель, потому что не торопился и всегда сохранял спокойствие. Лео стрелял быстрее и иной раз выигрывал просто за счет того, что делал больше выстрелов. Они придумали игру:

---

[3] Примечания: 3

Эммилу Харрис — американская певица, автор-исполнитель музыки в стиле кантри.

РУЖЬЕ — ПУЛЯ — МИШЕНЬ. Выигрываешь два тура подряд — ты ружье. Один тур проиграешь — ты пуля. Проиграешь два тура подряд — ты мишень. Потом Ксено добавил ДВИЖУЩУЮСЯ МИШЕНЬ и сказал, что так чувствует себя свободнее. Лео этого не понимал. Ему просто хотелось всегда быть ружьем.

Однажды вечером после тира они занялись сексом. Все было банально. Душ. Эрекция. Трехминутное взаимное дрочилово. Никаких поцелуев. Но на следующий день Лео поцеловал Ксено на велосипедной стоянке. Поцеловал и погладил Ксено по лицу. Лео попытался что-то сказать, но не знал, что говорить. Ксено тоже ничего не сказал. Он вообще был молчаливым. Все равно Ксено немного похож на девчонку, подумал Лео. Ксено, с его огромными серыми глазами и мягкими, темными волосами, падавшими на лицо.

Лео был крепче, выше и сильнее. По комплекции — настоящий регбист. Его уверенные движения лишены всяческого изящества. Зато у Ксено изящества — хоть отбавляй, и это тоже нравилось Лео.

Однажды они пошли купаться. Вода была теплой, небо — хмурым и низким. Чайки носились над мелководьем, высматривая рыбешек. Лео

плыл шумно и быстро, явно рисуясь, и быстро устал. Ксено не торопился, но в итоге заплыл дальше.

Лео вышел на берег, оставляя глубокие следы во влажном песке. Он обернулся, уперев руки в боки, и что-то крикнул Ксено. Солнце светило в глаза. Он не увидел Ксено, и на секунду его пронзил страх.

Но Ксено, конечно, никуда не делся. Вот он, уже плывет к берегу, легко и грациозно, словно дельфин. Лео казалось, что Ксено движется, как волна над водой.

Ксено накатил на берег вместе с прибоем. Лео обнял его за талию и вытащил на песок.

— Ты думаешь о девчонках, когда мы занимаемся этим самым? — спросил Ксено.

— Да, — солгал Лео.

Ксено уже стал тревожиться за себя, что он гей.

Позже, уже у себя в комнате, которую они делили на двоих, они валялись в кровати, сплетясь ногами, и смотрели «Бунтаря без причины»[4].

---

[4] Примечания: 4

Бунтарь без причины (англ. *Rebel Without a Cause*) — американский художественный фильм Николаса Рэя (1955), молодежная драма. Три номинации на премию «Оскар», в 1990 году фильм был внесен в Национальный реестр фильмов США, имеющих «культурную, историческую или эстетическую» ценность. Главную роль в фильме исполнил актер Джеймс Дин — икона подростков середины 50-х гг. XX века.

Обоим хотелось быть Джеймсом Дином, но Ксено хотелось еще и спать с Джеймсом Дином.

— Джеймс Дин был геем, — сказал Ксено.

— А Элвис тоже был геем?

— Нет, он сношался с чизбургером.

— Лично мне не хотелось бы вымазать член в майонезе.

— Даже если я его оближу?

У Лео тут же случилась эрекция. Он расстегнул штаны. Ксено встал на колени и облизал его яйца. Лео погладил Ксено по голове. А потом вдруг рассмеялся. Ксено поднял глаза.

— Я в детстве трахал арбуз, — сказал Лео. — Проковырял ножом дырку и засандалил. Это было волшебно. Потом я всегда просил маму купить арбузы, но никогда их не ел. И вот однажды мама заходит в кухню, и я там стою со спущенными штанами и с насаженным на член арбузом.

— Ну, ты извращенец! Она тебе всыпала?

— Еще как! И заставила папу прочитать мне лекцию о недопустимых объектах желания.

— Это ты обо мне? — спросил Ксено.

— Продолжай, — сказал Лео.

Интернат располагался на побережье, и после обеда в субботу, когда остальные мальчишки разъезжались по домам, Лео с Ксено садились на

велосипеды и ехали к скалам.

Однажды Лео предложил:

— Давай, кто быстрее доедет до края. Как в той гонке из «Бунтаря».

Ксено не хотел затевать гонку. Но Лео стал над ним насмехаться.

Они сорвались с места. Оба крутили педали стоя, выкладываясь в полную силу. Лео был ближе к краю. Он въехал в рытвину и чуть замедлился. Ксено вырвался вперед. Лео пригнулся к рулю и поднажал. Он сравнялся с Ксено и пошел на обгон. Его заднее колесо задело переднее колесо Ксено.

Ксено упал. Велосипед оторвался от его тела, рухнул с обрыва и полетел вниз, переворачиваясь, словно в замедленной съемке.

— КСЕНО!

Ответа не было. Лео увидел, как велосипед грохнулся в воду.

Ему надолго запомнилось то мгновение, словно выпавшее из времени. Его бешеное после гонки сердцебиение, что потихонечку замедлялось. Пот у него на груди. Одинокий крик чайки, такой же пронзительный, как его собственный крик.

— КСЕНО!

Лео помчался обратно к школе, сил не было

никаких — его подгонял только страх. Его стошнило прямо на ботинки дежурного воспитателя. Воспитатель вызвал полицию. Лео проводил их к утесам. Рация в полицейской машине трещала. Над водой кружил вертолет.

Ксено лежал без сознания на скалистом уступе, не видимом с края обрыва. У него был перелом подвздошной кости и сотрясение мозга, но он упал в густые заросли вереска и только чудом не свалился с уступа.

Врачи «Скорой помощи», прибывшие на вертолете, подняли Ксено на канате и отвезли в больницу, откуда он вышел лишь под конец учебного года.

Лео забросил учебу. Каждый день он ходил на то место на краю утеса. Ходил пешком.

Отец приехал, чтобы с ним поговорить. Свою речь он начал так:

— Я знаю, что мы с тобой никогда не были особенно близки…

И закончил тем, что надо взять себя в руки.

Лео хотел честно признаться, что это он виноват в том, что случилось с Ксено. Он подошел к двери директора интерната. Постоял снаружи. Ушел восвояси. И так — несколько раз.

Наконец он нашел в себе силы навестить Ксено

в больнице. Ксено был худым и изможденным. Он лежал под капельницей на вытяжке, весь в гипсе. С перебинтованной головой. Лео, одетый в школьную форму, присел на стул у его койки. Ксено взял его за руку.

И вот тогда Лео расплакался. Тихие слезы, как крупный план в фильме. Ему казалось: все это не по-настоящему. Это чья-то чужая жизнь, не его. В реальности так не бывает. Он чуть не убил своего лучшего друга.

Ксено вернулся в школу на следующий год, выпускной. На экзаменах он хорошо сдал математику, информатику и английскую литературу, а все остальное завалил. Лео завалил вообще все. Но это было не важно. Отец обеспечил ему место в банке Барклейз.

Когда Ксено исполнилось восемнадцать, он купил жилой автофургон, потратив часть денег из страхового возмещения, которое во внесудебном порядке выплатили его отцу местные власти за то, что дорога на прибрежных скалах не отвечала нормам безопасности.

У Ксено было достаточно средств, чтобы прожить несколько лет, не заботясь о том, как добывать хлеб насущный. Он взял из приюта собаку, отрастил длинные волосы и превратился

в этакого бродячего неохиппи с уклоном в рейв. Он мотался с фестиваля на фестиваль и нигде не задерживался подолгу. Минимум вещей. Никакого мобильного телефона.

Его красота несла в себе некую хрупкую уязвимость. От женщин не было отбоя. Им нравился его безмятежный, задумчивый взгляд. И то, что он читал книги и слушал классическую музыку, даже оперы.

Лео, крупный и плотный, с густыми, по-скандинавски светлыми волосами, зачесанными назад, с приятной манерой речи, отлично смотрелся в деловом костюме и очень неплохо справлялся в банке. Вкалывал по шестнадцать часов в сутки без всяких жалоб, каждый день в шесть утра ходил в спортзал и напивался каждый вечер, что совсем не влияло на его способность получать прибыль. Очень скоро он разбогател.

В первые три года после школы он виделся с Ксено всего однажды. Ему стало неловко за своего неустроенного, бродячего друга, ничего не добившегося в жизни. Он предложил Ксено деньги.

Ксено лишь посмотрел на него этими бледными, серыми глазами, которые Лео когда-то любил, и покачал головой. Ему не нужны деньги. Да, денег у него немного, но хватает на все, что

нужно: на еду, бензин, книги и на все, что ему хочется делать.

Это расстроило Лео. Как же так? Всем нужны деньги.

— Поживи у меня пару дней, — предложил он. — Хотя бы примешь горячий душ. Сейчас же ноябрь. В твоем этом фургоне все окна так запотели, что вообще ни хрена не видно, что там снаружи. Я возьму отгулы на несколько дней.

Как раз в эти несколько дней Лео узнал, что его друг занимается разработкой компьютерных игр.

Лео играл в «Большой угон» на приставке, и тут в комнату вошел Ксено и швырнул в экран телевизора банановую кожуру.

— Эй! — возмутился Лео. — Ты чего?

— В компьютерных играх новейшие технологии сопрягаются с доисторическим уровнем человеческого развития, — сказал Ксено. — Сплошные тачки, драки, воровство, риск, девочки и награда в конце.

Лео не понимал, в чем проблема. Это как раз его жизнь. Почему в играх должно быть иначе?

— Женщины не играют в компьютерные игры, потому что им это скучно, — продолжал Ксено. — Таким образом, теряется половина по-

тенциального рынка. Почему игры не могут быть такими же интересными, как книги?

Лео считал, что игры намного интереснее книг. Он не читал книги. Ему нравились кино– и телефильмы, некоторые театральные постановки, но книги — они слишком тихие. Такие тихие, что слышно, как шелестят страницы.

— Выстраивание отношений. Моральные дилеммы, — сказал Ксено.

— В играх тоже надо заключать союзы.

— Да, но это лишь средство для достижения цели. Я использую тебя, ты используешь меня. В любом случае игры слишком инертны. Книги меняют мировоззрение.

— Нет, не меняют, — ответил Лео. — Если их не читают.

— Почему игры не могут стать настоящим прорывом в мировоззрении? — сказал Ксено. — Почему игры не могут открыть нам глаза, помочь понимать лучше и чувствовать глубже? Неужели тебе самому не хочется чувствовать что-то, кроме прилива адреналина?

— Ты гей? — вдруг спросил Лео.

Ксено пожал плечами. У него были девушки, но большую любовь он не встретил. Он никогда не влюблялся, но женщины ему нравились. Ему

нравилось, когда можно по-настоящему поговорить. Лео тоже еще никогда не влюблялся.

Вечером они пошли в бар. Крепко выпили. Когда они вернулись домой, Лео пошел к себе в спальню и разделся. Обычно он перед сном смотрел порно. Чтобы лучше спалось. Он позвал Ксено.

— Хочешь, вместе посмотрим на девочек?

Но Ксено не отозвался.

Камерон вышел из кабинета. Лео резко развернулся к окну. Он ненавидел своего друга за то, что тот спит с его женой. Неужели мало других женщин? Куда бы он ни приходил: в бары, клубы, отели — везде были женщины в поисках мужика. Женщины, не отличимые друг от друга. Длинные волосы, длинные ноги, огромные темные очки вполлица, силиконовые груди, большие сумки, высоченные каблуки. Их можно было арендовать на выходные, это не называлось арендой, но обе стороны знали, кто платит, а кто продается. Можно взять одну такую вместе с прокатной машиной в аэропорту. Он улыбнулся. Это было бы выгодное предприятие. «Авис», «герц», «баджет». Выбирайте модель. Тип кузова. Литраж двигателя. Вид страховки.

Мужчины не торопятся обзаводиться семьей.

Все его друзья откладывают женитьбу лет до сорока, иногда — до пятидесяти. Но уж если женятся, то не торопятся разводиться. Немного понимания прямо в аэропорту могло бы существенно изменить дело. Мужчина нуждается в понимании, потому что он экзистенциально одинок. Он смотрит во тьму.

В этом-то и заключается разница между мужчиной и женщиной, подумал Лео. Мужчинам нужны компании и банды, клубы и спорт, учреждения и женщины, потому что мужчины знают: есть лишь пустота и неуверенность в себе. Женщины вечно пытаются устанавливать связи, выстраивать отношения. Как будто один человек может узнать другого. Как будто один человек… тут запищал интерком… может по-настоящему знать другого.

— Здесь Ксено, — сообщила Паулина.

— Я занят, — сказал Лео.

— Он идет к вам, — сказала Паулина.

У людей с положением Лео всегда есть личные помощники, а вернее, помощницы, которые могли бы подрабатывать супермоделями в обеденный перерыв. У Лео была Паулина. Когда она начинала работать в его бывшем банке, ей было тридцать, она свободно говорила на трех языках,

имела диплом экономиста и степень магистра по управлению бизнесом и только что сдала экзамены по бухгалтерскому учету — просто ради развлечения. Она была более образованной, более профессиональной, чем Лео, и с человеческой точки зрения она была лучше него, но она никогда не пыталась использовать свои таланты, чтобы пробиться наверх. Проработка деталей всегда была ее сильной стороной — она могла просмотреть за час двести страниц отчетов по комплексной предынвестиционной проверке и предоставить Лео список основных тезисов, касательно потенциальных партнеров. Она не раз спасала его от сомнительных сделок. Когда Лео уволили из банка, Паулина — единственная из бывших коллег — звонила ему постоянно и справлялась, как у него дела. Когда Лео затеял свое собственное предприятие, он пригласил Паулину работать с ним.

Лео заключал сделки. Паулина прорабатывала детали.

Она знала Лео пятнадцать лет, за которые превратилась из стройной тридцатилетней женщины в дородную, уверенную в себе сорокапятилетнюю матрону. Она вела дела так, как считала нужным, и не боялась высказывать свое

мнение.

Благодаря Паулине «Сицилия» стала законопослушной, открытой компанией, возможно, не с самой высокой этикой, но у них были свои стандарты. Лео относился к этому спокойно.

Паулина открыла дверь.

— Я же сказал, что я занят, — пробурчал Лео.

— Ничем ты не занят, — ответила Паулина. — Это я занята.

— Стерва, как она есть, — сказал Лео.

— Гроб, — ответила Паулина.

— Что? — не понял Ксено.

Ксено был стройнее и изящнее Лео и одевался, как творческий человек с хорошим вкусом: зауженные книзу черные брюки из тонкой шерсти, серые замшевые ботинки на шнуровке, серая льняная рубашка — под цвет глаз. Воротник и манжеты рубашки были пепельно-розовыми. Для парня с нормальной ориентацией он как-то уж слишком ухожен, подумал Лео, который нисколько не сомневался, что без мальчиков тут не обходится.

— Я подарю тебе на Рождество идиш-английский разговорник, а пока можешь воспользоваться аудиовизуальным помощником, стоящим прямо перед тобой. Здравствуй, Лео. Я видела

обезьян, которые были лучше воспитаны. До свидания, Ксено. Мы будем скучать.

Паулина встала на цыпочки и поцеловала Ксено в щеку.

— Ты же с ним завтра увидишься на банкете, — крикнул Лео вслед Паулине. Когда она вышла, закрыв за собой дверь, он повернулся к Ксено: — Это потому, что она еврейка? Или потому, что женщина?

— В смысле?

— Почему я ее не контролирую?

— Зачем ее контролировать? Она прекрасно справляется со своими обязанностями. И тебе тоже полезно, что рядом есть такой человек. Тебе нужен кто-то, кто не боится тебе перечить.

— Она хочет меня обанкротить. Знаешь, сколько «Сицилия» тратит на благотворительность? «Спасем детей». Завтра у них банкет, который мы оплатили полностью. Обед для двухсот спонсоров. Лучший диджей. Мими дает бесплатный концерт. Мы сами жертвуем сто тысяч фунтов.

— Можете себе позволить. Лео, я пришел попрощаться. Сегодня я уезжаю. Мне надо вернуться в НоБо.

— С каких пор она так называется?

— Ну, это, как с Сохо… скоро и с Новой Богемией

так будет.

— С чего такой спешный отъезд?

— Мне позвонили из школы Зеля. Он снова молчит на уроках.

— Что с ним такое?

— Никто не знает. Он ходит к психотерапевту.

— Восьмилетнему ребенку не нужен психотерапевт.

— Да? Нам-то точно был нужен.

— Нам были нужны родители.

— Вот и я о том же. Я еду домой.

— А где его мать?

— Она с ним… слушай, я знаю, тебе это странно. Что у меня есть ребенок от женщины, с которой я не живу и которую не люблю. Но мы с ней знали, что делаем.

— И почему же Зель не разговаривает?

— Это удар ниже пояса, Лео.

Лео отвернулся и проговорил:

— У нас завтра встреча с инвесторами.

— Семьи бывают разные, — сказал Ксено. — Правильно?

— Все и вправду так просто и так культурно? — спросил Лео.

— Семейная жизнь — просто один вариант из многих.

— Наряду с изменами и разводом.

— Да что с тобой?

— Я злюсь, что ты пропускаешь важную встречу.

— Мой сын важнее любой важной встречи.

— Хочешь сказать, я плохой отец?

— Нет… это ты только что намекнул, что я плохой отец. Давай больше не будем об этом. У нас были кошмарные семьи. У каждого нового поколения есть возможность жить лучше.

— Ты говоришь, как ведущий видеокурса по саморазвитию.

— А ты как психопат-трудоголик.

— Я хотя бы нормальный. Я не гей, притворяющийся натуралом, не натурал, притворяющийся геем, и я не использую своего сына как живой щит.

— Все, с меня хватит! — Ксено подхватил свою сумку и направился к выходу. Лео хотел, чтобы Ксено ушел, и хотел, чтобы Ксено остался. Все, как всегда.

— Ксено! Уезжай, если хочешь, но не ищи отговорок. Ты никогда не умел называть вещи своими именами. Каждый раз уклоняешься в сторону.

Ксено поставил сумку на белый диван и обернулся к Лео.

— Хочешь взглянуть на игру? Я кое-что изменил. Давай покажу прямо сейчас. У тебя будет час времени?

Ксено расстегнул сумку и достал ноутбук. Лео подошел к питьевому фонтанчику и сделал большой глоток.

— Ты ее сделал жестче? А то инвесторы говорят, у тебя вечно сплошные любовь, мир, дружба и власть цветов в волшебной стране.

— Да, все правильно. За убийство уличной проститутки у меня очки не начисляются. — Ксено открыл ноутбук и запустил игру. — Она еще не готова, и я буду ее дорабатывать, но уже можно сказать, что я создал кое-что необычное. Я думал об этом несколько лет, думал, как ее сделать… игру всей моей жизни.

— Лучше думай о том, что будет продаваться. Нет кровищи — нет продаж.

— То есть я не могу экспериментировать, потому что тебе не видится быстрая прибыль?

— Так, прекращай философию художника с тонкой душевной организацией. Просто покажи мне игру.

Ксено открыл меню выбора места действия. Иконки городов узнавались сразу: Биг-Бен, Эйфелева башня, Бранденбургские ворота, Хар-

бор-Бридж, Эмпайр-стейт-билдинг…

— Можно выбрать один из девяти городов: Лондон, Париж, Рим, Берлин, Барселона, Нью-Йорк, Гонконг, Сидней, Шанхай. Меня тошнит от черных плащей и утесов над бурным морем. От мрачных разбомбленных пейзажей. Троллей. Тестостерона. Угнанных автомобилей. В этой игре нет никаких автомобилей.

— Никаких автомобилей? Кто купит такую игру?

— Город захвачен темными ангелами. Можно играть на стороне ангелов, можно — на стороне Сопротивления. У ангелов по два крыла, по четыре или по шесть. У некоторых на крыльях есть глаза. У всех ангелов по два члена.

— То есть все ангелы мужского пола? — уточнил Лео.

— Нет. Но у них по два члена.

— И кого они трахают?

— Всех и каждого. Но это не важно. Они стерильны. Ангелами не рождаются, а становятся… как вампирами.

— А в Сопротивлении?

— Там все смертные. По ходу игры получаешь суперспособности. Если сражаешься с ангелом и побеждаешь, его сила переходит к тебе.

— А сюжет?

— Сюжет такой: потеряно самое важное, что есть в мире. Темные ангелы не хотят, чтобы ты это нашел. Если играешь за Сопротивление, тебе надо найти его раньше ангелов. Если ангелы найдут его первыми, они его уничтожат. И город перейдет к ним навсегда.

— И что это?

Ксено пожал плечами.

— Надо выяснить самому. Там есть приманки, ловушки, обманки, фальшивки. Трудно распознать сразу. Но мне кажется, это ребенок.

— Ребенок?

— Да, такое уже было. Того младенца звали Иисусом.

— Не понимаю.

— Вспомни все сказки о похищенных или подменных детях. Вспомни «Омен» или «Чужого». Ребенок-самозванец, ребенок-дьявол и ребенок-спаситель. Как король Артур или Зигфрид. Новая жизнь. Сияющая сердцевина.

— И где он, этот ребенок?

— Растет где-то в глуши, никому не известный. Нужно ее найти…

— То есть это девочка?

— Или его… Главное, не ошибиться и не при-

вести не того ребенка. По ходу игры *не тех* будет много.

— Думаю, Сопротивлению нужны танки.

— Я так и знал, что ты что-то такое скажешь.

Ксено выбрал иконку в меню.

— Это Париж.

— Это квартира Мими, — удивился Лео. — Что ты там делаешь?

— Там-то все и началось. Во дворе.

Лео бросило в жар.

— Что началось? Почему идет снег?

— Это не снег. Это перья.

— Что вы там делали? Дрались подушками?

— Так размножаются ангелы… но перья должны упасть на воду или в огонь… В игре, конечно, есть несколько уровней. На четвертом уровне само время становится игроком. Оно может остановиться, замедлиться или ускориться. Независимо от того, за кого ты играешь, на этом уровне ты играешь и против времени. Сама игра называется «Разрыв во времени».

— Что еще за название?

У Лео опять запищал интерком. Это была его жена.

Мими вошла в кабинет. Пока Лео огибал стол,

чтобы поцеловать жену, к ней уже подошел Ксено. Лео увидел, как Ксено положил руку ей на поясницу, как Мими подалась ему навстречу. Она чмокнула Ксено в щеку, и они обнялись. Всего на пару секунд, и тем не менее.

Мими подошла к Лео и поцеловала его в губы. Она улыбалась и буквально лучилась счастьем в своей поздней беременности. Она забежала сюда по дороге на репетицию к завтрашнему благотворительному концерту. Ксено отправил ей сообщение, что уезжает.

Она узнала об этом раньше меня.

Мими предложила подбросить Ксено до дома.

И по-быстрому перепихнуться на дорожку, подумал Лео, но вслух сказал совершенно иное:

— Уговори его остаться до понедельника. Я честно пытался, теперь твоя очередь.

Мими усадила Ксено на белый диван и присела рядом. Она взяла руку Ксено и развернула ладонью вверх.

— Ксено научил меня гадать по руке, — сказала она Лео.

Кто бы сомневался… подумал Лео, а вслух сказал:

— Очередная нью-эйдж-бредятина?

Мими склонилась над ладонью Ксено, водя

пальцем по линиям. Он наклонился вперед, его темные волосы упали на лицо. Волосы упали на лицо. Лео вдруг стало дурно, потому он видел, как падает Ксено… падает и отдаляется от него.

— Я вижу, что ты отправишься в дальнее путешествие, — сказала Мими. — Через океан.

Они оба рассмеялись. Так задушевно, как могут смеяться лишь близкие люди. *Очень* близкие люди. Лео, белый как мел, с бешено бьющимся сердцем, невидимым снаружи, чувствовал себя лишним. Как будто его здесь нет.

Мими закрыла глаза.

– *Mais, je vois un retard. Je vois…* что ты останешься в Лондоне на выходные. *Je connais…* один твой друг будет петь, *et voilà!*

Ксено взял руку Мими и перевернул ладонью вверх.

— Я вижу красивого, удивительного ребенка, — проговорил он. — Уже совсем скоро.

Когда они оба ушли, забрав с собой Мило, и Лео остался один, он встал у окна и смотрел, как они все садятся в розовый «фиат» Мими.

Как будто они — семья, подумал он.

Он сел за компьютер и открыл страницу Мими в Википедии. Фотография та же самая, что у него на стене. Мими как сгусток чистейшей энергии.

МИМИ

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Гермиона Дюлане, более известная под псевдонимом **Мими** (род. 6 ноября 1977) — франко-американская певица, актриса и автор песен.

Содержание

1 Ранние годы
2 Музыкальная карьера
3 Личная жизнь
4 Дискография
4.1 Сольные альбомы
4.2 Совместные записи
5 Награды
6 Примечания
7 Ссылки

Полное имя	Гермиона Дюлане
Дата рождения	6 ноября 1977 (39 лет) Нью-Йорк, США
Жанры	Шансон
Профессии	Певица, актриса, автор песен
Годы активности	2000 — настоящее время
Супруг	Лео Кайзер (брак заключен в 2003)
Дети	1
Лейблы	Virgin Records, EMI
Сотрудничество	«Разрыв во времени»
Сайт	www.mimi-music.com

Ранние годы

Мими родилась в Нью-Йорке (США) и выросла в Париже (Франция). Ее отец был французским дипломатом, и семья много ездила по миру. Мать Мими была американкой, так что девочка с раннего детства говорила на двух языках, английском и французском. Свою первую песню собственного сочинения «Une Femme Abandonée» Мими исполнила в шестнадцать лет, после развода родителей. В начале 2000-х годов начала проявлять интерес к босанове. Выступала в парижских джаз-клубах и очень скоро привлекла к себе внимание крупных фирм звукозаписи. Дебют Мими на театральной сцене состоялся в 2002 году, в Национальном театре Шайо, в постановке Деборы Уорнер по роману британской писательницы Дженет Уинтерсон «Книга силы».

Музыкальная карьера

В 2001 году Мими подписала контракт с «Virgin Records». Ее первый студийный альбом, «Les Fleurs du Mals», вышедший в 2002 году, соединил в себе музыкальные стили новой волны и босановы. В 2005 году вышел второй сольный альбом Мими, «Ярость». Все песни, вошедшие в этот альбом, исполняются почти без аккомпанемента. Альбом получил золотой статус. Считается, что источником вдохновения «Темного ангела»,

заглавной песни альбома, послужила история французского поэта Жерара де Нерваля, которому приснился сон об ангеле, упавшем с неба и не сумевшем выбраться из узкого двора-колодца. Также есть мнение, что в песне отражены бурные отношения певицы с мужем, Лео Кайзером.

Личная жизнь

В 2003 году Мими вышла замуж за Лео Кайзера. В настоящее время семья проживает в Великобритании.

1 апреля 2014 года у Мими и Лео родился сын Мило.

Лео закрыл страницу. *Темный ангел. Темный ангел. Темный ангел.*

Новый 2000 год Лео, которому тогда было двадцать пять лет, встретил в Париже, в компании пьяных банкиров из «BNP Paribas». Праздничный ужин обошелся им в четыре тысячи евро на шестерых. Лео почти ничего не ел. В какой-то момент между сменой блюд он вышел на улицу и взял кебаб и кока-колу в передвижном киоске на набережной Сены. В своем костюме от «Хьюго Босс» он уселся на каменные ступени, ведущие к реке. Там был какой-то парнишка с крошечной гитарой, певший песню о том, что ты делаешь, моя малышка, когда лежишь в постели одна?

Лео дал ему пятьдесят евро, просто чтобы он заткнулся.

В соборе Парижской Богоматери звонили колокола. Где-то вдалеке гремели пушки. Двухтысячный год. Вроде как приближается конец света?

Лео доел кебаб и встал, чтобы отлить у стены. Чья-то рука легла ему на ягодицу. У него за спиной стояла женщина. Она предлагала себя за деньги. Сколько? Пятьдесят или сотня. Смотря что будем делать.

Не проронив больше ни слова, они зашли под арку Нового моста. В темноте женщина прислонилась спиной к стене и достала из сумочки презерватив. Она расстегнула пальто и вывалила грудь из бюстгальтера. Лео мял ее грудь, пока дожидался эрекции. Женщина задрала юбку и на минуту просто зажала его член между бедрами. Ему это понравилось. Потом она надела на него презерватив и вставила член куда надо. Трусов она не носила. Он смутно осознавал, что здесь и сейчас присутствует лишь его член. Все остальное было не нужно, не важно, где-то совсем в другом месте. И все же она была теплой, тугой и очень даже неплохо двигалась. Он быстро кончил, вжавшись лицом в ее шею. От нее пахло

жасмином.

Как только он кончил, она достала из сумочки упаковку бумажных салфеток, одну выдала Лео, подтерлась сама и швырнула использованную салфетку в реку. *Он подумал, что станет отцом русалок.*

Он расплатился. Она чмокнула его в щеку, пожелала счастливого нового года и пошла прочь, стуча каблуками по каменным ступеням.

Лео хотелось окликнуть ее. Попросить задержаться. Он сам не знал, почему. Наверное, она ему понравилась. Но он просто стоял и смотрел, как она поднимается вверх по ступеням, из темноты к свету. Потом двинулся следом, поддавшись минутному порыву.

Наверху он увидел, как она подошла к другой женщине, намного старше, явно не в деле. Та держала коляску со спящим годовалым ребенком, укутанным в теплое одеяло. К остановке подошел автобус, женщины сели в него и уехали.

Пошатываясь на ходу, Лео вернулся в ресторан. Похоже, никто не заметил, что он уходил. Они говорили о винах Шато д'Икем, вкус которых напоминал Лео кукурузный сироп, смешанный с перегноем.

У него кружилась голова. Ему хотелось домой.

Но его приятели уже загружались в лимузин, чтобы ехать в джаз-клуб. Лео не любил джаз. Он сидел в крошечной темной комнате, пил мексиканское пиво, играл в игры на телефоне и даже не пытался делать вид, что ему нравится это вычурное затяжное соло на расстроенном саксофоне.

Вино и устрицы, съеденные в ресторане, както не подружились с кебабом, кока-колой и пивом. Лео подташнивало. Он чувствовал себя несчастным и одиноким, поэтому говорил громче обычного, с шумом отодвигал стул, картинно пил пиво прямо из бутылки, хотя на самом деле ему хотелось выпить воды и лечь спать.

Внезапно раздались аплодисменты и свист, и миниатюрная, худенькая, похожая на мальчишку, молодая женщина с лицом хорошенького морячка, с ярко-красной помадой, в простом черном платье, держащая микрофон так, словно сейчас он скажет ей что-то важное, запела, не дожидаясь аккомпанемента. Фортепьяно вступило только потом. Барабанщик принялся отбивать ритм.

Мими пела. Ее сильный, чувственный голос пробирал до глубин души. Лео не понимал слов, но сидел, подавшись вперед, словно внимал инструкциям по заданию, которое нельзя про-

валить. Лео буквально физически ощущал, как что-то меняется в его сердце.

Он не подумал, а скорее почувствовал: где это место, где я был счастлив? Надо вернуться туда, даже если придется расстаться с жизнью.

Он вспомнил тот день в скалах. До того, как Ксено упал.

Но время не повернешь вспять.

Ксено упал. И теперь он всегда будет падать. Как бы близки они ни были, как бы они ни пытались сблизиться, теперь их навсегда разделяют те пятьдесят футов.

Лео в больнице, Ксено держит его за руку. Ксено ни в чем его не винил. Он ни разу не заговорил о том случае ни с Лео, ни с кем-то еще. Это сам Лео себя не простил. Это сам Лео установил между ними дистанцию.

Нет, подумал Лео, дистанция была всегда. Я не знал, как сократить этот разрыв, и нарочно его увеличил.

Мими пела:

– Он падает, падает… он влюбляется, как падает в бездну.

Лео помнил по школьным собраниям, что Падение было изгнанием из рая и на страже у райских врат встал грозный ангел с огненным мечом.

Я помню то место, не думал, а чувствовал Лео. Восторг. Уверенность. Узнавание. Радостное возбуждение. Защищенность. Да.

Мысли не дают спать, думай об этом, думай, дай мне день или два, посмотрим, может быть, я надеюсь, не уверен, что да.

Да, да, да, да, да.

Осенью падают листья, деревья стоят голыми и беззащитными. Лео чувствовал себя осенним деревом. Он терял свой покров. Он был голым и беззащитным. Чувствовал, как сквозь него дует ветер. Он был таким легким. Она дула сквозь него, как соленый морской бриз. *Хотел бы я, чтоб стала ты морской волной, и вечно-вечно колебалась в движенье плавном*[5].

— Я встретил женщину, — сказал он Ксено. — Хочу тебя с ней познакомить.

Ксено был шафером на свадьбе Лео. Вечером, накануне дня свадьбы, они пошли в бар, только вдвоем. Лео хотел, чтобы Ксено повел его к алтарю — чтобы именно Ксено передал его Мими. Но он лишь отдал Ксено кольцо — так положено. Обручальное кольцо невесты должно храниться

---

[5] Примечания: 5

Здесь и далее: «Зимняя сказка» Шекспира цитируется в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

у шафера, который потом вручит его жениху.

Ксено открыл коробочку и достал кольцо с бриллиантом. Лео не поскупился. Ксено поднял кольцо к свету. Потом надел его себе на мизинец. Лео рассмеялся счастливым смехом.

— Я ее недостоин, — сказал он.

— Докажи, что достоин, — ответил Ксено. — И не толкай ее близко к краю.

Лео хотел заговорить. Он сглотнул, облизнул губы. Ксено наблюдал за ним с кошачьей сосредоточенностью. Потом снял кольцо, протер его о рубашку, убрал обратно в коробку, а коробку опустил в карман. Он подлил им в бокалы вина и поцеловал Лео в губы — так стремительно, словно и не целовал вовсе.

Планета-сводня

Вот же безмозглый мудак!

Камерон установил веб-камеру, но не подключил звук! Лео швырнул в экран белую диванную подушку. И что прикажете делать? Читать по губам?

Там была Мими. Там был Ксено. В ее спальне. Вдвоем.

Ксено лежал на кровати. Он лежал на кровати

Мими! Сама Мими стояла посреди комнаты, но, возможно, они уже закончили заниматься сексом в огромной ванной. Нужно будет установить камеру и в ванной тоже.

Мими открыла дверь гардеробной. Она что-то сказала Ксено. Лео швырнул в экран смятую упаковку от шоколадных драже.

ЧТО ТЫ СКАЗАЛА, СУЧКА?

Ксено встал и вошел в гардеробную следом за Мими.

ЧЕРТ!

Надо установить камеру в гардеробной. Возможно, они там сношаются на меховых шубах. Надо установить камеры по всему дому. Установить камеру у нее во влагалище. Тогда Лео спрячется в ней и увидит, как в нее входит этот маленький член, обрезанный, чистенький и аккуратный. Лео спрячется в ее матке и будет ждать, открыв рот, когда Ксено проникнет внутрь.

Лео попробовал приблизить изображение, но картинка расплылась. Что за дешевое говно приобрел Камерон? А потом Лео увидел, как Ксено приобнял Гермиону. Нет! Он расстегивает ее платье! Лео остановил запись и нажал «Сохранить кадр». Вот оно, доказательство для твердой уверенности. Ха-ха. У Ксено там явно все затвердело.

Пока он расстегивал платье его жены.

Лео смотрел. Платье упало на пол. Мими вошла в спальню в одном белье. Боже, какая она красивая! Большая грудь, изящные тонкие руки, аккуратный живот, где зреет ребенок. Ягодицы крепкие и подтянутые — пилатес три раза в неделю. Великолепные ноги. Она надела чулки на резинке. Для него. Нет, она надела чулки на резинке для Ксено. Лео развязал галстук.

Ксено вышел из гардеробной с платьем в руках.

ДАВАЙ, ПИДОР, ЗАПРАВЬ ЕЙ СЗАДИ, ЧТОБЫ Я ТЕБЯ ВИДЕЛ!

Мими смеялась. Надевая платье, она оперлась о руку Ксено. Она с ним так раскованна, так естественна. Человек так раскован лишь с теми, с кем спит. Мими надела платье, расправила его на большом животе и повернулась спиной к Ксено, чтобы тот застегнул ей молнию. Он застегнул молнию и разгладил ткань, сморщившуюся на ягодицах.

УБЕРИ СВОИ ТОНКИЕ НЕЖНЫЕ ПАЛЬЦЫ С ЗАДНИЦЫ МОЕЙ ЖЕНЫ!

(Лео помнил прикосновения этих тонких и нежных пальцев к своей собственной заднице.)

Мими встала перед зеркалом (ИМ НРАВИТСЯ

ДЕЛАТЬ ЭТО ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ?), потом обернулась к Ксено, который сморщил нос, обрисовал в воздухе фигуру Мэрилин Монро в виде песочных часов и вильнул — вильнул! — своей пидорской задницей, словно тайский трансвестит.

ЧТО ТЫ ЕЙ ГОВОРИШЬ, ИЗВРАЩЕНЕЦ?

Гермиона кивнула и повернулась к нему спиной. Ксено расстегнул молнию на ее платье и поцеловал ее в шею — лишь на миг приложился губами, но все равно это был поцелуй. Потом Ксено ушел в гардеробную и вернулся с еще двумя платьями, держа их на вытянутых руках, словно двух дохлых кроликов.

Мими указала на одно из платьев, и вся пантомима началась заново. Молния, сморщенная материя, надутые губы, улыбки, смех, зеркало, запрокинутая голова, взметнувшиеся волосы.

ВЫ, БОЛЬНЫЕ, ДАВАЙТЕ УЖЕ, НАЧИНАЙТЕ.

Дверь спальни открылась, и вошла Паулина.

Лео подумал, что его сейчас стошнит. Паулина! Она заодно с ними. Она их покрывает. Они трахаются у Лео под носом, и Паулина об этом знает.

ОНИ ЧТО, РАЗРЕШАЮТ ТЕБЕ СМОТРЕТЬ, СТАРАЯ ТЫ КОРОВА?

Паулина передала Ксено какие-то распечатки. Лео вновь увеличил изображение. Но рассмотрел

только какие-то кракозябры, напоминавшие арабскую вязь.

Значит, пока Лео вкалывает, зарабатывая для всех деньги, они собираются устроить оргию у него дома.

У Ксено есть несколько собственных комнат в доме Лео, потому что всем нравится, когда Ксено рядом.

КОНЕЧНО, ВАМ НРАВИТСЯ, КОГДА ОН РЯДОМ, ГРЯЗНЫЕ ШЛЮХИ.

Лео забыл, что Паулина была совладельцем «Сицилии».

МАНДА В КОСТЮМЕ ИЗ «МАРКСА И СПЕНСЕРА», ХОТЯ НА КАЖДОЕ РОЖДЕСТВО Я ДАРЮ ТЕБЕ СЕРТИФИКАТЫ «ЭНН ТЕЙЛОР».

Он забыл, что у Ксено достаточно денег, чтобы остановиться в отеле.

ДАЖЕ НЕ МОЖЕТ СНЯТЬ НОМЕР, НЕТ, ПЯЛИТ МОЮ ЖЕНУ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ.

Лео забыл, что у Мими есть свой доход и свой собственный дом.

ВЫШВЫРНУ ТЕБЯ НА УЛИЦУ, ШЛЮХА.

Сводни, шлюхи и воры.

Убил бы всех собственноручно.

ЧТО ТЕПЕРЬ?

Мими была голой. Сняла белье. Голая. Паулина

болтала с Ксено, сидя на кровати. Что там у них? «Убийство сестры Джордж»? Паулина — лесбиянка! Это все объясняет! Не может раздобыть себе мужика и сводит баб с мужиками, чтобы потом присоседиться. Уродина, пьяница и лесбиянка. Ну, хорошо. Паулина не пьет. Назовите меня лжецом за бутылкой виски. Трезвая и уродливая лесбиянка.

ЭТО ЖЕ СЕКС ВТРОЕМ!

Сейчас Паулина снимет пиджак и платье из «Маркса и Спенсера». Под платьем будут огромные панталоны, тоже из «Маркса и Спенсера», и бюстгальтер в цветочек на толстых бретельках. Или, может быть, корректирующие трусы от «Спанкс». Лео знал о продукции «Спанкс». Он был одним из инвесторов. Паулина стащит с себя колготы и возляжет своими жирами в сто пятьдесят тонн — ну, хорошо, фунтов — на его жену. Ее обвисшие груди прижмутся к груди Мими — Паулина же будет сверху? Все знания Лео о лесбийском сексе были почерпнуты на порносайтах, но он был уверен, что кто-то всегда должен быть вверху, а кто-то — внизу. Но у Мими живот… Она на восьмом месяце. Она не может заниматься сексом, лежа на спине. Значит, если не может внизу — и вверху тоже не может, по-

тому что она, черт возьми, его жена, — остается только на боку. Лесбиянки занимаются сексом на боку? Наверное, да. Сейчас он все увидит. Его голая жена ляжет на бок, и…

Паулина сбросила туфли, забралась с ногами на постель и принялась рыться в сумке… Что она ищет? И тут до Лео дошло: она ищет вибратор.

Паулина достала из сумки малиновый силиконовый вибратор длиной в восемь дюймов, с креплением на ремешках. Она стянула с себя панталоны, закрепила на поясе ремешки. Малиновый монстр гордо торчал из побитых молью, густых седых зарослей у нее на лобке.

На самом деле Паулина все еще рылась в своей необъятной сумке. Она достала очки, айфон и… какую-то длинную штуку из красной кожи.

ВИБРАТОР РАЗМЕРОМ С ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ, ВОТ ЖЕ СТАРАЯ ИЗВРАЩЕНКА!

Это был обыкновенный пенал. Паулина достала ручку и принялась решать кроссворд в «Гардиане».

МАРКСИСТСКИЙ БОЖЕ!

Дверь спальни открылась. Вошла хорошенькая девица, которую Лео видел впервые в жизни. В руках у девицы был пластиковый чехол для одежды, закрытый на молнию.

А НУ БРЫСЬ ИЗ МОЕЙ СПАЛЬНИ, ПРОДАЖНАЯ ТВАРЬ!

Ксено забрал у нее чехол.

ОРГИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЯМИ!

В чехле был синий льняной мужской костюм с приталенной белой рубашкой без воротника. Ксено разложил одежду на кровати и начал расстегивать свою рубашку. У Лео пересохло во рту. Голая грудь его друга, голая спина. Стройная, мальчишеская фигура. Шрам на плече еще виден. Память о том падении со скалы. Паулина рассматривала полуголого Ксено. Крошечное золотое колечко в одном соске. Крошечное золотое колечко в одном ухе. *Паулина выпятила бедра. Запустила руку под юбку, схватила себя за промежность. Ксено подошел и взгромоздился на нее. Из гардеробной вышла Мими. Забралась на кровать и прижалась к Ксено. Он обернулся к ней и провел языком ей по горлу.*

Но Мими все еще была в гардеробной — и вышла полностью одетой. В маленьком черном платье без рукавов, под которым ее живот казался просто огромным. Словно она собиралась дать жизнь целому миру.

Ксено положил руку ей на живот.

Мими положила руку поверх его руки и вдруг

пошатнулась и буквально упала на стул рядом с трюмо. Ксено принес ей воды.

Паулина встала и что-то сказала. Мими кивнула и пошла к кровати.

Мими прилегла. Паулина подложила подушку ей под голову.

Ксено подошел и встал рядом. Его член, выпиравший из тесных брюк, оказался прямо перед лицом Мими.

ДАВАЙ, ОТСОСИ ЕМУ!

Мими положила ладонь на промежность Ксено. Она расстегнула молнию на его джинсах и выпустила член на волю. Ксено не носил трусов. Мими легла на бок, беременная, лицом к Ксено и принялась целовать его член. Ксено гладил ее по волосам. Потом она взяла его в рот целиком.

Лео вдруг понял, что у него эрекция. Стоя перед экраном компьютера, он расстегнул молнию у себя на брюках и принялся наяривать — грубо и жестко. Он кончил прямо на изображение жены, лежавшей на кровати. Его лучший друг ласково наклонился над ней, предлагая стакан воды.

Все это – ничего?

Мими, Ксено и Паулина поехали в Раундхаус все вместе.

Раньше в этом здании располагалось трамвайное депо, а теперь его перестроили под театр и концертный зал.

Ксено все-таки уговорили остаться.

— Что с Лео? — спросил Ксено в машине, когда они проезжали мимо Лондонского зоопарка. — Какая муха его укусила? Он как медведь, в попу ужаленный.

— Мешугенер, как он есть.

— Что значит «мешугенер»?

— Лео псих! Он всегда получал то, что хочет, и все делал по-своему. Поэтому он не умеет контролировать свои чувства, желания и вспышки ярости. Лео — типичный альфа-самец. Они никогда не взрослеют, просто становятся злее.

— Это из-за ребенка, — сказала Мими. — Он не хочет второго ребенка.

— Все будет хорошо, — сказала Паулина. — У Лео доброе сердце.

— Он меня больше не любит.

Ксено и Паулина посмотрели на Мими. А потом

заговорили разом.

Конечноонтебялюбитонтебябоготворитон безтебяжизнинемыслиттыдлянего всеонзнаетчтобезтебяегожизнь будетпустойутебяпростотакой периодподавленноесостояниеэтонормально когдаужескоророжатьдаможетбытьонневсегдапроявляетзаботуноон следитзакаждымтвоимшагом

— Мне кажется, у него кто-то есть.

Ксено и Паулина промолчали.

— Когда мы познакомились с Лео, — сказала Мими, — он только и делал, что важничал и похвалялся. Хотел произвести на меня впечатление дорогущей машиной, шикарными ресторанами, золотой кредиткой, открывающей доступ в музеи и художественные галереи после закрытия. Он водил меня в Лувр и музей Орсе в часы, закрытые для посещения. Нанял нам персонального экскурсовода. Лео хотел рассмотреть поближе «Мону Лизу» и «Происхождение мира».

— Супермодель и порнозвезда, — сказал Ксено. — Узнаю старика Лео.

— Он купил открытки с репродукциями обеих картин и рассматривал их в машине по дороге в отель. «Самая знаменитая женщина в мире после Мадонны, — сказал он, глядя на «Происхождение мира», — и никто не знает, как она выглядит».

— Я сказала: «Это порнография в чистом виде. У нее нет головы. Нет лица. Нет личности». Он напрягся и сказал: «Это писалось как порнография, но стало истолкованием всей порнографии. Две эти картины, если поставить их рядом, объясняют, почему мужчины воспринимают женщин как угрозу. Из вашего тела выходит мир и… — тут он взмахнул репродукцией «Моны Лизы», — мы понятия не имеем, что у вас в голове. Знаешь, как это страшно?»

— Он так сказал? Лео?

— Да. И рассказал, что когда его мать уходила от его отца, она пришла попрощаться с Лео, и он не понимал, почему она уезжает, и она сказала, что он еще маленький и все поймет, когда вырастет. «И вот я вырос, — сказал мне Лео. — И до сих пор не понимаю».

— А потом?

— А потом он разорвал обе открытки и выбросил их в окно.

— Почему ты мне никогда не рассказывала об этом?

— Почему ты считаешь, что у Лео есть любовница? — спросила Паулина.

— Лео — собственник, но он боится сближаться с людьми. Если он заведет любовницу, тем самым

он оттолкнет меня от себя.

Или просто столкнет… подумал Ксено, но вслух не сказал.

Пока Мими беседовала со звукорежиссером на сцене, Паулина отозвала Ксено в сторонку.

— Нам надо поговорить.

— Что случилось, Паулина?

— Я беспокоюсь. Есть одна старая поговорка: «Беда к беде липнет». Мими права. Лео ведет себя странно. Последние две-три недели. Он тебе что-нибудь говорил? О ребенке? О Мими?

— Нет. Просто он бесит меня больше обычного, но он мой друг, и я не обращаю внимания на его закидоны. Ты меня знаешь: в неприятности я не лезу.

— Думаешь, у него кто-то есть?

Ксено покачал головой.

— Наоборот. У него нет никого. Вообще *никого*. Понимаешь, о чем я? Потому что он просто в упор никого не видит. Я думал, это из-за того, что он весь в работе. Но он весь в себе, да?

— Да, он замыкается на себе. В этом он мастер. Но что-то тут есть еще… Ксено… почему ты уезжаешь?

— У меня есть дела. Я нужен сыну. Но если честно, то да… я чувствую, что мне здесь не рады и я

уже злоупотребляю гостеприимством.

— Ты — член семьи.

— Ты — еврейка.

— Ну, так сделай приятное еврейской тете, мечтающей о большой дружной семье. Да, это только мечта, но ведь хорошая же мечта, правда?

— Мне надо уехать, самое позднее — в понедельник.

— Мими нужен друг. А Лео не самый устойчивый человек.

— Мы все неустойчивы в какой-то мере. Он словно карикатура на неустойчивого человека, вот и все.

— Он словно карикатура на неустойчивого человека, который в конечном итоге такой и есть.

Лео лежал на белом диване в своем белом кабинете и наблюдал, как взлетают самолеты. Он думал о фильме про Супермена, в котором Лоис Лейн погибла и Супермен раскрутил Землю в обратную сторону и повернул время вспять. Катастрофы не происходит. Лоис Лейн не умирает.

Как сделать так, чтобы Мими не умерла?

Мими не умерла — она готовится дать новую жизнь.

В моем понимании она умерла.

Кого колышет твое понимание?

Меня. Мне нужен душевный покой.

Лео думал о прошлом, поворачивая время вспять. Банковские дела требовали его присутствия в Англии. Он попросил Мими поехать с ним, выйти за него замуж, но она отказалась. Он вернулся в Англию. Он не звонил Мими. Она не звонила ему.

А потом…

Потом он попросил Ксено поехать в Париж и разыскать Мими.

В Париж Ксено приехал на поезде, вышел на Северном вокзале, спустился в метро, на четвертую линию, доехал до Сите, а дальше пошел пешком. Мимо здания префектуры полиции, по мосту через Сену. Собор Парижской Богоматери был слева. Книжный «Шекспир и компания» [6] — прямо по курсу. Когда-то Ксено там работал — целое лето — и спал в подсобке среди стопок книг, на кровати, оккупированной блохами.

Он перешел через дорогу и увидел у входа в магазин его владельца, вспыльчивого грубияна Джорджа Уитмена. Тот сидел на древнем красном мопеде и беседовал с Мими.

---

[6] Примечания: 6

«Шекспир и компания» — легендарный книжный магазин. В 20-х годах XX века в нем собирались такие писатели, как Эзра Паунд, Эрнест Хемингуэй, Джеймс Джойс и Форд Мэдокс Форд.

Джордж любил хорошеньких девушек. Ему самому было уже хорошо за восемьдесят, а его дочери — двадцать с чем-то, что говорило о Джордже немало. А еще он любил книги и писателей. Если мужчина не был писателем, Джордж его ни в грош не ставил. Ксено не был исключением.

Ксено подошел к ним. Джордж сердито нахмурился.

— Ты кто такой?

Ксено протянул руку для рукопожатия.

— Добрый день, мистер Уитмен… Я Ксено. Я здесь работал… Я…

— Ксено? Что еще за имечко? — пробурчал Джордж. — В первый раз тебя вижу.

— Это мой друг, — сказала Мими.

Джордж кивнул и завел мопед. Клубы черного дыма окутали проходивших мимо туристов.

— Я уеду на час, а твой друг пусть поможет тебе присмотреть за магазином, — сказал Джордж. — И постарайтесь меня не разорить.

— Привет, Ксено, — сказала Мими. — Добро пожаловать в Париж.

Мими вошла в магазин и уселась за кассой напротив входной двери.

— Я часто присматриваю за его магазином.

— И тебя никто не узнает?

— Люди думают, что я просто похожа. На меня. А я на себя похожа, да.

Ксено рассматривал книги на полках, пока Мими обольщала американских туристов, чтобы те купили всего и побольше.

— Я хочу создать игру, которая будет как книжный магазин, — сказал Ксено. — Смысловые пласты, уровни, поэзия и сюжет. Шанс потеряться и снова найти себя. Ты мне поможешь? Мне нужна женщина.

— Почему женщина?

— Вы видите мир по-другому.

— Я не интересуюсь компьютерными игрушками.

— Поэтому мне и нужна твоя помощь. Я запущу время по кругу, как в календаре майя. Каждый уровень в этой игре будет как интервал времени — отдельный, но прозрачный, чтобы за тобой могли наблюдать с других уровней и ты сам сознавал, что есть и другие уровни. Может быть, ты сможешь действовать на разных уровнях одновременно, я пока не решил. Знаю только, что это будет игра о том, чего нам не хватает.

— И чего нам не хватает?

— Я хотел, чтобы ты мне сказала. Чего нам не хватает?

Мими вдруг погрустнела. Она долго молчала, а потом спросила:

— Тебя прислал Лео?

— Да… Мими, ты знаешь, зачем я здесь. Лео тебя любит.

— Так любит, что за год ни разу не позвонил?

— А ты ему позвонила?

Мими вновь промолчала.

Джордж вернулся в отвратительном настроении и привез новую кошку. Сказал, чтобы все выметались из магазина, потому что кошатине надо освоиться. Туристов и местных книголюбов вытолкали на улицу. Джордж запер дверь на замок.

— Разве это не плохо для бизнеса? — спросил Ксено.

— Я не теряю деньги, только когда магазин закрыт. Так никто не крадет книги.

Дверь распахнулась и снова захлопнулась.

Мими и Ксено оказались снаружи. Мими рассмеялась и взяла Ксено за руку.

— Теперь нам не хватает только омара, — сказала она.

— Чтобы съесть?

— Чтобы выгуливать на поводке. Ты читал Жерара де Нерваля?

Ксено даже не знал, кто это.

— Он тебе понравится. Один из моих любимых французских поэтов. У него был домашний питомец, омар, и Нерваль выгуливал его на поводке по набережной Сены.

— Что с ним стало?

— С омаром?

— С поэтом.

Ксено на секунду приобнял Мими за плечи.

— Он жил в девятнадцатом веке, — сказала она. — Еще до того, как Осман разрушил весь старый Париж. Это был средневековый город. Жерар де Нерваль жил в доме, похожем на мой: постройка семнадцатого века, маленькие комнаты, маленькие окна, выходящие в крошечный двор-колодец. Квадратик неба, как крышка. Он влюбился в женщину из низов и стыдился своей любви. Однажды ночью ему приснилось, что во двор упал ангел, величественный и огромный. Падая, ангел сложил крылья и оказался в ловушке. В темные окна летели перья. Одна старуха принялась набивать ими подушку. Если бы ангел попробовал вырваться, расправив крылья, он бы снес все ближайшие дома. Но если не вырвешься, то умрешь. Через несколько дней Жерар де Нерваль повесился в подвале под решетчатым

люком на улице. Человек, проходивший мимо, глянул вниз и увидел, как он болтается там в одиночестве и темноте.

— Ужасная история, — сказал Ксено.

— Но что делать, — сказала Мими, — если, чтобы освободиться, надо разрушить все вокруг?

— А если нет, то умрешь? — спросил Ксено.

— Да. Если нет, то умрешь.

Был август. Набережные Сены превратились в приморскую фантасмагорию, отчасти — *plage*, отчасти — ряды палаток с едой и кафе на открытом воздухе. Стояла жара. Люди были расслаблены и беспечны.

Ксено сказал:

— Насчет Лео…

Мими кивнула и стиснула его руку. Отчасти — поддержка, отчасти — понимание.

Какое-то время они шли молча.

Ксено нравилось держаться за руки с женщинами, которые ему нравились. Ему нравились женщины. До тех пор, пока они не пытались с ним сблизиться. А они вечно пытались — и некоторым казалось, что у них получилось. С мужчинами было проще. Честный, бесхитростный секс, часто — вообще анонимный. Незнакомец из тьмы, чье имя (на одну ночь) было любовь.

Ксено не выносил избыток душевной близости. Он был одиночкой и интровертом, с пылом и страстью к жизни, которую люди ошибочно принимали за общительность. Его интересовало буквально все, он проявлял к людям искреннюю заботу и доброту, и если он присутствовал рядом, то присутствовал целиком. Но никогда не боялся закрыться и быть один.

Лео отправил Ксено к Мими, чтобы тот попросил ее дать ему — Лео — еще один шанс.

— Я сам все испорчу. Увижу ее — потеряю голову. Ты объяснишь лучше.

— Что ты хочешь, чтобы я ей сказал?

— Я не знаю! Подробную форму «Я тебя люблю».

Лео дал Ксено листок бумаги, исписанный от руки.

— Вот подробная форма.

Ксено начал читать и едва не рассмеялся, но его друг был так серьезен и так взволнован, что пришлось сдержать смех. Ксено только кивнул и продолжил читать.

— Я много над этим работал, — сказал Лео.

1) Могу ли я жить без тебя? Да.

2) Хочу ли я жить без тебя? Нет.

3) Часто ли я думаю о тебе? Да.

4) Скучаю ли я по тебе? Да.

5) Думаю ли я о тебе, когда я с другой женщиной? Да.

6) Считаю ли я, что ты не такая, как все остальные женщины? Да.

7) Считаю ли я, что я не такой, как все остальные мужчины? Нет.

8) Речь идет о сексе? Да.

9) Речь идет только о сексе? Нет.

10) Чувствовал ли я что-то подобное раньше? Да и нет.

11) Чувствовал ли я что-то подобное после встречи с тобой? Нет.

12) Почему я хочу на тебе жениться? Меня бесит сама мысль о том, что ты выйдешь замуж за кого-то другого.

13) Ты красивая.

Им захотелось пить, и они зашли в бар, где продавали *l'eau* в красивых синих бутылках. Ксено достал из кармана листок бумаги и передал его Мими. Она рассмеялась.

— Нет, послушай, — сказал Ксено. — Пусть оно смотрится неуклюже, но он пишет правду. У него такой способ, чтобы быть уверенным.

Мими покачала головой:

— Я не знаю.
— Тогда скажи «да».
– *Pourquoi?*

Они пошли дальше. Они говорили о жизни, как о потоке. О небытии. Об иллюзии. О любви, как теории, испорченной практикой. О любви, как о практике, испорченной теорией. Они говорили о неосуществимости секса. Для мужчин секс воспринимается иначе? Секс с мужчиной? Что ощущаешь, когда влюбляешься? А когда разлюбляешь?

Любовь, как падение в бездну.

Почему надо *падать*?

— Существует одна теория, — сказал Ксено. — Ее придумали гностики в пику христианам, в самом начале: наш мир создан не Богом, который отсутствует в мире, а падшим ангелом наподобие Люцифера. Неким темным ангелом. Мы не грешим и не сбиваемся с пути истинного; это не наша вина. Мы такими рождаемся. Все, что мы делаем, — это падение. Даже ходьба — контролируемое падение. Но это не грех и не слабость. Если мы это поймем — если примем гностицизм, — нам будет легче переносить боль.

— Боль любви?

— А что еще у нас есть? Любовь. Недостаток

любви. Потеря любви. Положение в обществе, власть… даже страх смерти… Это само по себе вторично. То, на чем мы стоим — или падаем с этой платформы, — только любовь.

— Весьма романтичные речи для человека, который не связывает себя никакими обязательствами.

— Мне нравится сама идея, — сказал Ксено. — Но мне также нравится идея жить на Луне. К сожалению, она далеко, и там нет воды.

— Но ты приехал сюда, ко мне, потому что ты хочешь, чтобы я вышла замуж за Лео.

— Я всего лишь посланник.

Они зашли в ресторанчик на углу и сели на открытой веранде. Неподалеку какой-то мужчина выгуливал двух далматинцев. Бросал им красный теннисный мячик. Черный, белый и красный. Черный, белый и красный. К вечеру стало прохладнее.

Они заказали артишоки и морского окуня. Они сидели бок о бок, и Мими помогала Ксено читать меню на французском.

— А ты? — спросила она.

— Я переезжаю в Америку — вся игровая индустрия сосредоточена там.

— Но мы же не потеряемся?

— Мы никогда не потеряемся.

А что, если бы у нас не было тел? Если бы мы общались, как бесплотные духи? Тогда я не заметил бы твою улыбку, твои изящные формы, *как волосы падают тебе на глаза,* твои руки на столе, с тонкими золотистыми волосками, *как ты ставишь ноги на перекладину стула,* не заметил бы, что у меня глаза серые, а у тебя зеленые, *что у тебя глаза серые, а у меня зеленые*, изгиб твоих губ, не заметил бы, что ты маленькая, но у тебя длинные ноги, длинные, как предложение, которое я не могу закончить, *что у тебя тонкие, нежные руки, и ты сидишь рядом со мной, сидишь совсем близко, чтобы я объяснила тебе французские названия блюд*, и мне нравится твой акцент, мне нравится, как ты говоришь по-английски, и то, как ты говоришь «морской окунь», так никто еще не говорил, и это уже не копченая рыба, а слово, похожее на (слово, первым пришедшее на ум, слово, которое ты гонишь прочь: слово «любовь»). *Ты всегда не застегиваешь верхнюю пуговицу на рубашке? Только самую верхнюю пуговицу? Чтобы я представила твою грудь по звериной лапке волос, которая мне видна?* Она не блондинка. Нет. Мне кажется, от природы она брюнетка, но мне нравится, как она красит

волосы прядями. Мне нравится, как она сбросила туфли, спрятав ноги под стол. Я смущаюсь, когда ты так на меня смотришь, пока мы беседуем. *О чем мы говорим?*

Она заказала ром.

Официант принес бутылку «Сент-Джеймса» и грохнул ею о стол.

— Иногда я себя чувствую Хемингуэем, — сказала Мими. — В одиннадцать утра — устрицы и коктейль с черносмородиновым ликером. Позже, для вдохновения, ром «Сент-Джеймс». Очень брутально.

Ксено понюхал. Жидкость для розжига угля. Но он все равно налил себе.

Мими пила кофе. Мимо прошла пара, мужчина и женщина. Они громко ругались из-за химчистки. Вот так оно и бывает. Встречаешь кого-то, и весь горишь, и ждешь не дождешься, когда можно будет раздеться. А через год вы ругаетесь из-за химчистки. Несовершенство заложено в конструкцию.

С другой стороны, подумал Ксено, красота потому и красота, что она несовершенна.

Мими сидела, приподняв колени. Голые ноги. Глаза, как светлячки.

Ксено улыбнулся. Что там было у Лео в трина-

дцатом пункте списка? *Ты красивая*.

Они доели и собрались уходить, как вдруг из окна дома на другой стороне маленькой площади донеслась музыка. «Останься» Джексона Брауна.

Ксено поднялся и стал танцевать. Мими взяла его за руки. Они обнимали друг друга, и улыбались, и танцевали.

— Останься… еще ненадолго.

— Хочешь, дам тебе книжку Жерара де Нерваля? — спросила Мими. — У меня дома есть сборник.

Они подошли к дому на Сен-Жюльен-ле-Повр, держась за руки.

На лестнице было темно. Ксено поднимался, держась за кованые перила семнадцатого века, а узкая лестница уходила спиралью вверх, огибая площадки, как повторяющийся сон, и все двери в другие квартиры были закрыты.

Мими открыла дверь в свою квартиру. Внутри было темно, только свет уличных фонарей проникал в большое окно. Уходя, Мими не задернула шторы. Сейчас она подошла к окну и встала там, словно в раме, сама в синем платье, на фоне желтого света, словно набросок себя самой кисти Матисса.

Ксено встал у нее за спиной. Он не закрыл входную дверь. Он двигался так тихо, что Мими, кажется, не услышала, как он подошел. Ксено хотелось бы знать, о чем она думает.

Он стоял у нее за спиной, совсем близко. От нее пахло лаймом и мятой. Она обернулась. Обернулась прямо в него. Ксено обнял ее, и она положила голову ему на грудь.

Секунду они стояли, обнявшись, потом Мими взяла Ксено за руку и подвела к своей кровати — большой *bateau lit* у дальней стены. Мими подняла руку и погладила Ксено по шее.

На площадке снаружи — электрический свет, чьи-то шаги на лестнице, женщина жаловалась на жару, жаловалась на французском. Мужчина что-то бурчал в ответ. Пара прошла мимо двери в квартиру Мими, медленно поднимаясь с покупками, никто даже и не заглянул в открытую дверь.

А потом Ксено быстро спустился по лестнице.

Вечер концерта. Гости уже собирались за столиками в Раундхаусе.

Лео явился в футболке с надписью: Я ОТНОШУСЬ К ОДНОМУ ПРОЦЕНТУ.

— Сними, — сказала Паулина.

Лео послушно снял футболку.

— Хочешь, чтобы я пришел на банкет голый

по пояс?

— Когда ты уже повзрослеешь?

Лео не пришел на банкет. Он исчез. На самом деле он наблюдал за происходящим с верхней галереи над столами и сценой. Наблюдал за тем, за что он заплатил. Все шло отлично. Благотворительный аукцион собрал уже больше 50 000 фунтов.

— Где его черти носят? — спросила Паулина у Ксено.

Лео сидел в темноте и ждал выступления Мими. Она вышла на сцену — уверенно и естественно, как всегда. Когда отгремели аплодисменты, она произнесла речь, положив руку на свой живот с восьмимесячным будущим ребенком. Речь о том, как хорошо знать, что твой ребенок защищен. Что у него есть будущее. Что у тебя, как у матери, есть уверенность в завтрашнем дне. За себя и своего ребенка. И ты можешь рожать, ничего не боясь. Она говорила, как женщина, как мать мальчика, как мать будущего ребенка, которого носит под сердцем. Чудо жизни. Каждой матери хочется, чтобы ее дитя улыбалось, росло и знало, что такое любовь.

Потом она спела. Три песни. Публика просто безумствовала.

Аплодисменты никак не смолкали. Какой-то мужчина выкрикнул из зала:

— Пять тысяч за еще одну песню.

— Мудак, — произнес Лео вслух. — Думаешь, можешь купить мою жену за какие-то вшивые пять тысяч? Да ты даже не купишь одну из ее сережек.

Лео посмотрел вниз. Ксено сидел, поставив локти на стол. Он подпирал подбородок рукой и не сводил глаз с Мими. Она ему подмигнула.

Лео откинулся вместе со стулом назад. Не удержал равновесие и упал. С грохотом. Все подняли взгляды. Мими взглянула на галерею. Увидела Лео. Он увидел ее лицо, на котором на долю секунды промелькнуло смятение, тревога и… что еще… страх?

Но она уже пела. Она была настоящим профессионалом. Она спела еще одну песню и приняла аплодисменты с улыбкой. Потом подняла руку. Прикоснулась к своему животу. И ушла за кулисы.

Лео спустился с галереи за сценой, в коридор, ведущий в гримерку.

— Мими!

Она вышла к нему. Она была очень сердита.

— Ты куда делся? Тебя все искали. Почему ты

сидел наверху? Где ты был?

Лео не ответил. Он притянул Мими к себе и яростно поцеловал в губы.

Она оттолкнула его:

— *Ça suffit!*

— Прекратить?

— Я еду домой. Камерон ждет у служебного входа.

— Я еду с тобой.

— Лео, в чем дело?

Он чуть не сказал: «Ты меня больше не любишь». Она чуть не сказала: «У тебя кто-то есть, да?»

Но она развернулась и молча направилась к служебному входу.

Шипы, колючки, осиные жала

Час ночи.

Город размыт дождем. Тротуары блестят тонкой пленкой воды. Воздух мерцает под уличными фонарями. Машины стоят на светофоре, «дворники» движутся в едином ритме, окна открыты из-за жары. Крупный парень в микроавтобусе выставил правую руку в окно, локоть торчит наружу, дождь течет по руке. Парень с облегчением

вздыхает и вытирает мокрой рукой лицо.

Внезапный летний дождь.

Лео наблюдает, как Ксено сажает Паулину в такси. Потом Ксено идет к подземной стоянке. Стоянка закрыта, но у «Сицилии» есть круглосуточный доступ. Есть все коды и все ключи. Лео идет следом за Ксено. Его машина тоже стоит там, внизу.

Нижний уровень. Неоновые лампы. Бетонные колонны. Граффити на стенах. Все, как везде. Жарко, как в сушильной машине, вентиляционные шахты не справляются с духотой.

Ксено никогда не помнит, где он оставил машину. Вряд ли сегодня будет по-другому.

Лео точно знает, где стоит его джип. Не представительский, а для души. Старый армейский джип. Кузов цвета хаки, огромные шины, брезентовый верх, три педали, два сиденья, практически голая приборная панель, только спидометр, и ничего больше, огромный выщербленный руль, ручной тормоз с набалдашником из тяжелой резины, высокий рычаг переключения передач. Лео ездит на нем в нерабочее время. Для работы у него есть «порше».

Лео вставил громоздкий ключ в замок зажигания, завел мотор, рванул с места в карьер,

развернул джип на 360 градусов, едва не забуксовав, и помчался на первый уровень, где Ксено выруливал с места парковки задним ходом на розовом «фиате» Мими.

Лео вдавил педаль газа в пол и на полной скорости врезался в «фиат» сзади. Ксено сначала не понял, что происходит. Какого хрена? Потом он узнал джип Лео, но к тому времени джип уже скрылся за углом, промчавшись задним ходом по узкой аллее между рядами машин. Рев мотора отдавался грохочущим эхом в бетонном пространстве.

Да он же маньяк, подумал Ксено, глядя на вмятину на боку, на хлопья розовой краски, что плавали, как корм для рыбок, в мелких лужах на бетонном полу.

Ксено сел обратно в машину и поехал к выезду. Колесо терлось о сбитый ударом подкрылок. Надо его оторвать.

Ксено выбрался из машины, не выключив двигатель, схватился за грязный подкрылок и дернул.

Раздался скрип резины по бетону, как в плохом фильме. Ксено обернулся и увидел, как Лео несется на джипе прямо на него.

ВОТ ЧТО НУЖНО ТВОЕЙ ИГРЕ.

Ксено отскочил в сторону. Лео впечатался в «фиат».

— Псих ненормальный! — выкрикнул Ксено, но Лео как будто о нем забыл. «Кенгурятник» джипа впился в задний бампер «фиата», и Лео дергал машину вперед-назад, пытаясь освободиться. Когда джип наконец оторвался от своей добычи, Лео немного отъехал назад и снова ударил «фиат», выломав пассажирскую дверь.

Ксено взбесился. Он сел в «фиат» — в то, что еще от него оставалось, — и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель завелся. Ксено поехал к выезду.

Лео мчался за ним.

Ксено поднялся на второй уровень и поддал газу. Лео ехал быстрее и уже догонял. Он пошел на обгон и ударил боком в бок «фиата». Ксено увидел свободное место — слишком узкое для джипа — и свернул туда. Лео пришлось остановиться и дать задний ход.

Но поворот оказался ошибкой. Теперь Ксено ехал не вверх, а вниз. В глубь подземной стоянки.

И Лео по-прежнему ехал следом.

На полном ходу.

Каким-то образом Лео опередил Ксено. Джип

вылетел из-за угла и рванулся навстречу «фиату». Ксено пришлось вывернуть руль, чтобы избежать лобового столкновения.

Удар все равно был неслабым. Лобовое стекло разбилось, Ксено едва не выбросило из машины через зияющий проем с пассажирской стороны. На мгновение все поплыло перед глазами, визг поврежденной приборной панели вонзился в уши — панель полыхала желтыми и красными огоньками, предупреждавшими о конце света.

Надо выбраться из машины. Давай!

Ксено распахнул дверь с водительской стороны, выскочил из машины и побежал.

Лео рванулся за ним на джипе.

Он пытается меня убить.

Ксено бежал со всех ног. Он бежал быстро, но джип ехал быстрее. Неоновый свет над головой расплывался мутными пятнами. Номера мест: 20, 21, 22, 23, 24, 25. Впереди ворота из стальных прутьев. Джип уже нагонял. Лео лупил кулаком по клаксону. Ксено чувствовал жар мотора. Сейчас Лео размажет его по решетке.

Ксено рванул вперед, подтянулся и перевалился через ворота. Он больно ударился, когда упал. Джип Лео ударился в барьер с той стороны. Лежа на металлическом полу, холодившем спину,

Ксено услышал, как джип сдал назад и снова врезался в ворота. Еще раз. И еще.

Ксено поднялся на ноги. Он чувствовал влажный воздух на коже. Выход был уже близко. Вот он, желтый шлагбаум. Он выбежал на улицу. Телефон был при нем.

— Камерон? Надо забрать мои сумки из дома Лео. Главное, взять портфель — красный, кожаный, на столе — и ноутбук. Я буду у Паулины.

Камерон уже облачился в пижаму.

— Что случилось, Ксено?

— Лео пытается меня убить.

Камерон быстро переоделся, спустился вниз, сел в машину и поехал обратно в Маленькую Венецию от своего дома у Лэдброк-Гроув. Почему он согласился установить камеру в спальне Мими? Почему не отказался?

Он ввел свой код на воротах и въехал во двор. В доме было темно. Свет горел только в спальне Мими.

Камерон поставил машину так, чтобы ее не было видно с улицы. Потом обошел дом и вошел в гостевой флигель, где всегда жил Ксено, когда гостил у Лео. Багаж был уже собран. Камерон подхватил сумки, забрал со стола красный портфель и ноутбук и вернулся к своей машине. Его насто-

рожил свет фар и шум шин снаружи. К воротам подъехал джип Лео.

Камерон достал из кармана айфон и заблокировал код на въезде.

Потом переключился в экранный режим и принялся наблюдать за Лео через камеру слежения на воротах. Лео яростно тыкал в кнопки. Даже если он вызовет Мими или экономку, они не смогут открыть ворота. Но тут у Камерона зазвонил телефон.

— Лео?

Хренов хрен захреначил.

Камерону подумалось, что предложение весьма недурное: прилагательное, существительное, глагол. Не Шекспир, разумеется, но вполне годная фраза.

После недолгих переговоров Лео согласился заехать домой к Камерону за ключом. Камерон дождался, пока свет фар не растворился в темноте, потом разблокировал код, открыл ворота и умчался прочь.

Камерон подъехал к дому Паулины в Белсайз-Парке. На первом этаже горел свет. Паулина, в халате от «Маркса и Спенсера», открыла дверь. Паулина любила одежду от «Маркса и Спенсера».

— Что происходит? — спросила она. — Я пью

виски и даже не пьянею.

У Камерона зазвонил телефон. *Лео*, сказал он Паулине одними губами.

Из трубки пролился поток ругательств, а когда Камерону все-таки удалось вставить слово, он сказал, что Лео его не так понял. Камерон уже был на месте и восстановил код. Да, Лео может ехать домой.

Телефон замолчал.

Ксено спустился вниз, одетый в махровый халат Паулины. Он только что принял душ. На ногах красовались синяки, на лице — глубокий порез. Видимо, посекло осколками. Ксено открыл свою сумку и достал чистую одежду.

— Тебе надо в больницу, — сказала Паулина.

— Не надо в больницу. И в полицию тоже не надо, — ответил Ксено. — Камерон, слушай. Нужно забрать со стоянки «фиат» Мими. От него ничего не осталось, Мими он уже не понадобится.

— Почему Лео погнался за тобой на стоянке? — спросил Камерон, хотя сам знал почему, и на сердце было погано.

— Хотел убить.

Паулина покачала головой.

— Прямо дешевая мелодрама.

— Хочешь съездить и посмотреть, что осталось

от машины?

— Отбуксируем ее на тросе, — сказал Камерон.

Лео снова подъехал к дому. Ему нравился его дом. Белый оштукатуренный особняк 1840-х годов, с большим садом. Уединенный и безопасный, под надежной охраной. Лео купил его в две тысячи третьем, когда женился на Мими. Он только-только закончил выплачивать кредит за дом, и тут его уволили из банка. Следующий год был финансово сложным — на самом деле не таким уж и сложным, потому что Мими взяла на себя все расходы на проживание и питание. У нее были деньги, и этих денег хватало на жизнь. Лео это бесило. Бесило больше, чем если бы он влез в долги. Да, он гордился женой. Гордился, что она хорошо зарабатывает. Но он был уверен, что должен полностью обеспечивать свою семью. Он понимал, что подобные мысли — не самые благоразумные, и старался об этом не думать.

А сейчас Лео думал о том, о чем ему не хотелось думать.

И не мог перестать думать об этом.

Его жена — не его жена, его ребенок — не его ребенок. Он это знал. Ощущал всем своим существом, всеми фибрами души. Какая избитая фраза!

Лео въехал во двор и загнал джип в гараж. Он уже успокоился. Пришел в себя. Он направился прямиком в гостевой флигель.

Ему нужен портфель и ноутбук Ксено. Лео включил свет. Почему в комнате пусто? Он разговаривал с Ксено здесь как раз перед выездом на банкет. Лео прошел в спальню, открыл все шкафы, заглянул в ванную. Ксено собрался и съехал — обстоятельно и аккуратно, как из отеля.

Пока Ксено и Камерон подцепляли разбитый «фиат» к буксирной балке «рендж ровера», Паулина подмела осколки лобового стекла.

— Он же балуется наркотиками, — сказал Ксено. — А тут, наверное, закинулся на банкете, вот у него и сорвало крышу.

— С чего бы вдруг? — отозвалась Паулина. — Он уже много лет как завязал.

Камерон обернулся к Ксено.

— Он думает, что Мими изменяет ему с тобой.

Ксено и Паулина замерли, словно дикие звери, почуявшие охотника.

— Он сам мне сказал.

Ксено выпрямился. В резком неоновом свете его лицо заострилось.

— Мими не изменяет ему со мной.

— Мими, — выдохнула Паулина. — Господи,

где она?

— Дома, конечно, — сказал Камерон. — Я сам ее отвозил. Эй! Ты куда?

Лео подхватил настольную лампу и швырнул ее о стену. Осколки стекла посыпались на пол. Ксено знал, что он знает. Знал, что он знает, что он знает. И поспешил смыться. Ему помогли. Вот почему Мими так спешила домой.

Лео направился к дому.

Мими спала.

Лео открыл дверь спальни. Еще раньше он сбросил туфли. Теперь он снял пиджак.

Мими всегда спала с включенным ночником, детским прямоугольником лунного света. И она не любила закрывать шторы. Лео видел ее очень ясно. Одна рука — на подушке. Сама лежит на боку, в белом восточном халате.

Лео встал у кровати, глядя на жену. Он так любил ее. В его чувствах нежность и удовольствие смешивались с удивлением, что она его любит. Ради нее он готов на все. Он собирал вырезки из газет, в которых рассказывалось о ней. В его кабинете, который дома, висели на стенах ее дипломы. Он развешивал их, не она.

Она была такой маленькой, такой хрупкой.

Женщина-птица… Нет, никакая она не птица, потому что у птицы нет таких форм. Она была как цветок… нет, не цветок, потому что она не была предназначена для того, чтобы радовать взгляд всех и каждого. Она была как драгоценный камень… нет, не камень, потому что он не мог ее купить.

Лео присел на краешек постели, не сводя глаз со спящей жены, его мысли скользили в прошлое, или, может быть, прошлое скользило в его мысли.

Помнишь, когда Мило был совсем маленьким, а у тебя были гастроли в Сиднее, мы поехали на выходные в Байрон-Бей и плавали в море неподалеку от маяка, и там были высокие волны? Я потерял тебя из виду. Я подумал, что ты утонула. Я думал только о том, что уже никогда тебя не увижу. Я ничего не мог, ничего. Лишь выбраться обратно на берег. Я еле доплыл, наглотался воды, а когда поднял голову, ты была уже на берегу — фантастическая, как русалка. Я был готов отдать жизнь, лишь бы с тобой ничего не случилось. И с тобой ничего не случилось.

Сидя на краешке кровати, Лео снял носки. Потом забрался на постель с ногами и встал на колени над спящей Мими. Просыпайся, Мими,

просыпайся.

Мими открыла глаза. Лео?

Лео снял рубашку через голову. Мими положила руку ему на грудь. Он схватил ее руку, словно чтобы удержаться и не упасть.

— Больно, — сказала Мими, но Лео сжал ее руку еще сильнее. Он склонился над ней и взял за горло свободной рукой.

Сначала она решила, что это игра, но потом поняла, что нет.

— ЛЕО!

— Ты спала с ним перед банкетом, или вы побыстрому перепихнулись, когда ты вернулась и помогала ему собираться?

— Лео, *laiche-moi*!

Он уже расстегнул брюки. Чтобы их снять, ему были нужны две руки. Мими рванулась, чтобы встать с кровати. Лео ее удержал.

— И давно ты спишь с Ксено?

Он видел ее лицо. Потрясение, неверие. Они были уверены, что он ничего не узнает.

— Дешевая шлюха.

Он удерживал Мими на кровати, одной рукой зажимая ей рот. Она кусала его ладонь, как взбесившаяся собака. Сука. Она и есть сука. Она лежала на боку, и Лео попытался войти в нее

сзади, но она отчаянно сопротивлялась. Он не хотел ее бить.

Лео приподнялся и раздвинул ей ноги коленом.

– *Я все про тебя знаю*, — сказал он.

Мими вдруг перестала сопротивляться. Тяжело дыша, она перевернулась на спину, положив одну руку себе на живот.

Ты ничего обо мне не знаешь.

Лео навис над ней, опираясь на руки, чтобы ее не придавить. Его лицо приблизилось к ее лицу. Ему хотелось ее поцеловать. Ему хотелось заплакать.

— Ты моя. Скажи, что ты только моя.

Мими молчала.

— Как он к тебе прикасается? Он лежит рядом с тобой? Или сверху? Он тебе делает тайский массаж? Растирает тебе виски? Он тебя лижет, как я? Тебе это нравится? Нравится?

Лео встряхнул ее. Она была вялой, как тряпичная кукла. Как человек, который только что умер. Она не билась под ним, как ему нравилось, не шептала ему на французском, как он любил. Она просто лежала, словно побитое животное. Он не мог кончить. Он делал рывок за рывком, но не мог кончить.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в губы. Она укусила его за верхнюю губу. Он почувствовал, как кровь течет ему в рот. СУКА. Он ударил ее по лицу.

И тут по стене над кроватью мазнул свет автомобильных фар.

Лео спрыгнул с кровати и подбежал к окну. «Ауди» Паулины. Значит, приехала Паулина. Да. Дверной звонок взревел, как сирена пожарной тревоги.

Лео подтянул брюки, выскочил из спальни и побежал вниз по лестнице, застегивая молнию на ходу. Открылась дверь детской. Мило в пижаме Супермена вышел на лестничную площадку.

— Папа? Где мама?

— У себя в спальне. Иди ложись. Это Паулина.

Мило никуда не ушел. Лео спустился в прихожую и открыл дверь. Он очень старался выглядеть спокойным…

— Паулина! Что-то случилось?

Паулина влетела в дом, едва не оттолкнув Лео. Он заметил, что ее кофта застегнута криво.

— Где Мими?

— Она спит. Мы все уже спали.

Паулина подняла глаза и увидела Мило на лестнице. Она улыбнулась и помахала ему рукой. Он

помахал ей в ответ. Паулина замялась.

— У вас все хорошо?

— Да, конечно, — ответил Лео. — Давайте спать, уже поздно.

Паулина посмотрела на Лео. Она знала, что он лжет.

Сверху донесся грохот.

— МАМА! — испуганно закричал Мило.

Лео бросился вверх по лестнице, Паулина рванулась следом. Мими лежала на полу в коридоре, тяжело дыша. На ее бледном лице горела красная полоса. Мило стоял рядом с ней на коленях.

— Малыш, — прошептала Мими, пытаясь успокоить сына.

— У нее отошли воды, — сказала Паулина. — Лео! Помоги мне уложить ее на кровать и звони в «скорую». Все хорошо, Мило. Ничего страшного… Просто мама рожает.

Лео с легкостью поднял Мими, отнес в спальню и уложил на кровать. Мими тяжело дышала через рот. Паулина взяла ее руку и проверила пульс.

— Неси горячую воду и полотенца.

Лео пошел в ванную. Мило застыл в дверях, как статуя. Паулина подошла к нему и обняла. Он был маленьким для своего возраста.

— Мило! Не бойся. Ты точно так же родился

— мы все так рождаемся. Иди к себе и ложись. Папа скоро к тебе придет.

Мими протянула руку Мило. Мальчик подбежал к ней и схватил ее руку. Лео вышел из ванной с ведром воды и стопкой полотенец.

— Уведи Мило, — сказала Паулина. — И позвони доктору.

Лео кивнул. Мими на него не смотрела. Когда он ушел, она протянула руки к Паулине.

— Уже сейчас, — сказала она, сползая с кровати и становясь на четвереньки.

— Дождись врача, — сказала Паулина.

Ребенок родился так быстро, что Паулина не успела запаниковать. Стоя на коленях рядом с Мими, она увидела, как наружу выходит головка ребенка, потом — сморщенное красное тельце, ноги, крошечные ступни. Она подхватила ребенка и уложила на полотенца. Ножницы, мне нужны ножницы.

— На трюмо, — сказала Мими.

Паулина перерезала пуповину и подняла ребенка повыше.

— Девочка, — сказал она, а потом раздался пронзительный крик, огромный, как сама жизнь — это и была жизнь, — кровоточащая, настоящая, новая. Паулина передала Мими ее ребенка. Обе

женщины молча сидели, улыбаясь друг другу, пораженные явлением этого невероятного и такого обычного чуда — новорожденного ребенка.

Паулина смочила краешек полотенца теплой водой и нежно вытерла головку малышки.

Открылась дверь. Это был Мило.

— Иди сюда, познакомься со своей сестричкой, — сказала Мими. — Не бойся.

— А разве детей рожают не в больницах? — спросил Мило.

— Она родилась раньше срока, — сказала Паулина. — Смотри, какая хорошая.

— Где Лео?

— Папа сидит на лестнице, — сказал Мило. — А я был таким же, когда только родился?

Паулина пошла искать Лео. Он сидел на нижней ступеньке лестницы, обхватил голову руками.

Паулина присела рядом и обняла его за плечи.

– *Мазал тов*. Что сказал врач?

Лео сбросил ее руку, передернув плечами.

— Я не звонил врачу.

— Что?!

— Пусть Ксено звонит. Это его ребенок.

Паулина ничего не сказала. Она поднялась и пошла в прихожую за своей сумкой, которую бросила на тумбочку у двери. Она собиралась

достать телефон. Пару секунд Лео наблюдал за ней, а потом резко вскочил и помчался наверх.

— ЛЕО!

Паулине надо было подумать. Кому звонить? Она не нашла телефон в сумке — неужели забыла дома? Сейчас глубокая ночь. Может быть, телефон остался в машине. Паулина пошла в кабинет Лео на первом этаже; дверь была заперта. Сердце бешено колотилось в груди. Паулина побежала в гостиную. Там есть телефон. Она включила свет — увидела телефон — нажала на кнопку соединения. Телефон не работал. Она нажала на кнопку еще раз. Телефон не включился. Что происходит?

В кухне есть телефон. Паулина опять побежала — задыхаясь; какая из нее бегунья? — в кухню в полуподвале. Там горел свет. Рядом с хлебницей стояла тарелка с недоеденным сандвичем. Паулина схватила телефонную трубку и набрала 999. Тишина на линии.

В доме был установлен многоканальный телефон на четыре линии: для Лео, Мими и их помощников. Похоже, Лео отключил коммутатор.

Лео сидел на полу рядом с кроватью Мими. Он был босой, голый по пояс. Он был похож на заботливого мужа, который присутствовал рядом с женой, пока та рожала ребенка.

Мими наблюдала за ним, как наблюдают за псом, который может наброситься в любой момент. Она прижимала к себе ребенка, завернутого в полотенце. Из полотенца доносились тихие всхлипы, но ребенка Лео не видел.

— Сколько это продолжается? Девять месяцев точно, а до того? Не один год? Ты вообще моя жена или чья?

Мими молчала.

— Как ты на него смотришь, как вы держитесь за руки, как вместе смеетесь… Думаешь, я такой глупый? Ладно, я глупый… по сравнению с вами, тонкими артистичными натурами. Я не читаю книг, не хожу в оперу, не умею играть на фортепьяно. Я вам обоим не ровня, да?

— Лео, кажется, у меня кровотечение. Ты вызвал врача?

— Скажи мне правду.

Плацента еще не вышла. Мими легла на спину, раскинув ноги. Лео чувствовал себя странно; у него разболелась голова. Вот его жена. Вот его ребенок. Что с ним такое? Мими больно, ей плохо. А если она умрет?

Паулина обнаружила, что не может открыть входную дверь. Окна тоже не открывались. Она не могла выйти из дома. Она вернулась обратно

в кухню. В дверях возник Мило, одетый в пижаму и прижимавший к груди своего плюшевого медвежонка в костюме Супермена.

— Мама плачет.

Плацента вышла — красная, сочащаяся кровью, она лежала на полотенце. Мими свернулась калачиком на ковре и лежала, не шевелясь, прижимая к себе ребенка. Малышка заснула. Мими чувствовала, как бьется крошечное сердечко. Оно билось ровно. Девочка была теплой. Она сильная, подумала Мими.

— Надо позвонить Ксено, — сказал Лео. — Сказать ему, чтобы вернулся и посмотрел на своего ребенка. Но я не знаю, где он сейчас… Позвонить ему? Давай ему позвоним. Хочешь с ним поговорить? Разумеется, хочешь. Ты хочешь. — Лео пнул Мими в спину. Не сильно, но и не слабо. Потом поднял с пола свой пиджак и достал телефон. Набрал номер Ксено. После первого же гудка включился автоответчик.

— Привет, это Ксено…

Лео отключился и передразнил сообщение:

— Привет, это Ксено… Ты же знаешь, что он гей? Он так сильно себя ненавидит, что трахает жену своего лучшего друга, чтобы почувствовать себя мужчиной.

— Мы с ним не трахаемся, — проговорила Мими.

— Как же так? — Лео повысил голос. — Как же так? — Он тряхнул Мими за плечо. Она отодвинулась от него. Он встал на корточки, нависая над ней. — Отец не хочет увидеть своего ребенка. Отец уезжает, оставив своего выродка другу.

— Ты больной, — проговорила Мими. — Она не выродок.

— Тебя обижают мои слова? А меня обижает твое поведение.

— Вызови мне врача, Лео.

В кухне Паулина укутала Мило в плед, усадила его на диван и дала айпад. Она согрела ему молока и сказала, чтобы он не волновался. Все будет хорошо. Потом ей в голову пришла одна мысль.

— Мило, а у тебя есть мобильный телефон?

— Да, но он только для эсэмэсок. Лежит в портфеле, у меня в комнате. А что?

Паулина тихонько поднялась наверх. Мило не закрыл дверь в свою комнату. Паулина нашла телефон. Там был номер Камерона. ПРИЕЗЖАЙ К ЛЕО. ВЫЗОВИ СКОРУЮ. СРОЧНО.

Мими уже сидела. Лео сидел рядом, молчаливый и неподвижный.

— Я знаю, ты не хотел этого ребенка.

— Я не хочу ребенка Ксено.

— Она твоя дочь. Хочешь на нее посмотреть?

Она развернула малышку и наклонилась к Лео. Его била дрожь. Он не мог поднять голову. Не мог поднять взгляд. Его тело не слушалось.

Когда приехала «скорая», Лео без единого слова открыл дверь и впустил врачей. Камерон вошел следом за ними.

— Я привез «фиат».

— Ксено ты тоже привез?

— Он уехал.

— Трус.

— Что на тебя нашло, Лео?

— Тебе нужны доказательства? Пойдем покажу.

Лео втолкнул Камера к себе в кабинет и включил на компьютере запись с видеокамеры. Они молча смотрели на экран. Ни Лео, ни Камерон не заметили, что у них за спиной стоит Паулина.

— Это все? — спросил Камерон.

— Разве этого мало?

— Если Мими разумная женщина, она с тобой разведется, — сказала Паулина.

Лео резко обернулся к ней. Он дрожал мелкой дрожью, словно его тряхануло током.

— Она разведется со мной? Завтра же покажу эту запись своему адвокату.

— Зачем? Хочешь его насмешить?

— Ты все знала! Ты знала с самого начала!

— Что я знала? Что ты не способен удержать рядом что-то хорошее? Что ты умеешь только разрушать? В одну ночь ты потерял жену и лучшего друга. Молодец! Браво!

— Убирайся из моего дома, сука и сводня.

— Я уйду, — сказала Паулина. — Поеду с Мими в больницу. А кто позаботится о Мило?

— Мило — мой сын. Я сам о нем позабочусь.

— Он твой сын, — ответила Паулина. — А теперь у тебя есть дочь, Лео.

В доме было тихо. Лео не знал, сколько сейчас времени. Ему казалось, что эта ночь никогда не закончится, что она длится вечно. Может ли быть, чтобы ночь сразу сменялась ночью без света, без солнца?

Он по-прежнему был в одних брюках, без пиджака и рубашки. Он замерз, но не чувствовал холода — просто знал, что замерз, потому что кожа покрылась мурашками. Он вообще ничего не чувствовал. Когда же настанет рассвет?

Он спустился в кухню. Кто-то грел здесь молоко — немного осталось в кастрюльке. Лео поднял

кастрюльку и допил молоко, не обращая внимания на то, что оно течет по подбородку на грудь. Потом он увидел Мило. Тот крепко спал, свернувшись калачиком на диване. Лео подумал, точно ли это Мило или просто копия Мило. А может быть, это он, Лео, не Лео, а просто копия самого себя. Все вокруг было прежним, но теперь все изменилось.

Мило заснул, не выключив айпад. Лео поднял его и взглянул на экран. «Супермен» 1978 года. Их любимый фильм. Лео перемотал чуть назад, на свою любимую сцену. Супермен поворачивает время вспять. Лоис Лейн не умирает.

Ее машина заглохла в каньоне. Она пытается завести двигатель. Наверху прорывает плотину. Огромные камни рушатся вниз. Поздно. Спасения нет.

За секунду свет трижды облетает Землю. Разве я не могу так же?

Я верну нас в то время, когда ничего этого не случилось.

Вот наша планета, плывущая в космосе. Вот Супермен, обогнавший скорость света — превративший всю свою любовь в свет и скорость — заставивший время отменить свой ход. Он вращает планету в обратную сторону, и вода

вливается обратно в плотину, и камни летят вверх, намертво соединяясь со скалами. Красная машина медленно поднимается из ущелья, ее сплющенный корпус выпрямляется, разбитое вдребезги лобовое стекло соединяется воедино. Лоис Лейн заводит мотор. Еще не поздно.

Но ведь время не повернешь вспять?

Лео поднял сына на руки, и тот прижался к нему во сне. Лео чувствовал шеей его дыхание. Он точно так же носил мальчика на руках, когда тот был совсем маленьким. Любил его — бесхитростно и всецело. Он никогда не задумывался о своих чувствах. Это была любовь столь же естественная, как дыхание.

Он пронес их обоих сквозь сумрак в притихшем доме. Пронес Мило и себя самого. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы не сломаться. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы вспомнить события этой ночи. Банкет. Подземная автостоянка. Ксено. Мими. Когда это было? Судя по ощущениям, давным-давно. В доме никого нет. Наверняка все случилось давным-давно.

Дверь в комнату Мило была открыта. Лео зашел туда и закрыл дверь плечом. Горел ночник, озаряя стену лучами бледного лунного света.

Лео уложил спящего Мило в кровать. Вдруг

навалилась усталость. Он осторожно подвинул Мило к стене и лег рядом с ним, накрыв одеялом их обоих. Сын положил руку ему на грудь. Его крошечное, незыблемое тепло было как сон. Это и был сон. Лео стал погружаться в дрему, глаза закрылись, дыхание замедлилось.

Когда он проснется, ночь уже кончится. Когда он проснется, все будет иначе.

Не бойся.

И жизнь моя во власти ваших снов

Мими лежала на койке в больничной палате, глядя в потолок.

Она знала, что шевелиться нельзя. Если расправить крылья, дома на улице рухнут. Но они уже рухнули, разве нет?

Почему ангел упал в двор-колодец? Объяснения не было. Внезапное падение. Внезапная мысль: надо сложить крылья, чтобы они не сломались.

Он был один во дворе, этот ангел? Совсем один?

Ей постоянно кололи успокоительное, чтобы она больше спала. Какой-то опиат. Отчасти она была сновидением, отчасти — сновидицей.

В палате всегда горел свет. Там никогда не было

темноты. Никогда не было тишины. Мими слышала звонок вызова медсестры в соседней палате, слышала шаги в коридоре. Малышка тихонько сопела рядом.

Ей хотелось поправить подушку.

Что стало с подушкой, набитой перьями из ангельских крыльев?

Дверь открылась. Медсестра проворно надела на руку Мими рукав аппарата для измерения давления. Аппарат запищал.

— Вы верите в ангелов? — спросила Мими.

Чернокожая медсестра принадлежала к евангелической церкви.

— Сейчас я вам кое-что покажу, — сказала она и раздвинула шторы. Мими увидела за окном старую церковь. — Смотрите наверх, — сказала медсестра. При церкви была башня с часами. На вершине, по четырем углам, стояли четыре каменных ангела. — Видите? — спросила медсестра. — Что они видят? Машины внизу, людей на улицах. Все наши надежды и горести. Да, вот что они видят. И хотя мир потерян, когда-нибудь он найдется.

Все потерянное найдется.

Перо, колеблемое ветром

Лео беседовал с садовником Тони Гонсалесом.

— Пятьдесят тысяч, Тони, и можешь уже не работать до конца жизни. Всего-то и нужно, что отвезти ребенка к Ксено.

Пятьдесят тысяч фунтов — это большие деньги.

Лео был убедителен. Он продумал историю до мелочей. Начнем сначала. Он не может воспитывать чужого ребенка, тем более если это ребенок его лучшего друга — шафера на его свадьбе, — который его предал. Мими больна и растерянна, мучима чувством вины. Она не знает, что делать дальше. Разумеется, Тони все понимает? Да, сказал Лео, он говорил с Ксено. Да, сказал Лео, Ксено согласен принять ребенка.

Но все равно Тони был озадачен. Все произошло слишком быстро. Он — простой садовник. Природа не терпит спешки.

— Почему он сам не приехал за девочкой?

— Тони, Тони, поставь себя на мое место. Я не хочу видеть Ксено. И не хочу, чтобы с ним виделась Мими. Понимаешь?

Да, Тони все понимал. Ему было шестьдесят

два. Его родители приехали в Англию из Мексики в 1950-х годах. Они поженились тайно и бежали из Халапы. Он — военный, она — ученица монастырской школы. Папа устроился в компанию по ликвидации трущоб в восточной части Лондона. Его убили на стройке, когда Тони было два года. Очень скоро — как-то уж слишком скоро — мать вышла замуж за прораба, работавшего на той стройке. Тони не сомневался, что отчим как раз и убил отца. Убить человека можно по-разному. Например, уронить на него бетонную плиту, сорвавшуюся с подъемного крана.

Родились еще дети. О Тони никто не заботился. Потом отчим стал его бить. Отчим его ненавидел. Мать не сумела его защитить. Яркие краски в ее мексиканской душе растворились в английской туманной серости. Она стала сама на себя не похожа, потом впала в депрессию. В шестнадцать лет Тони ушел из дома, поселился в хостеле, нашел работу. Подметал листья в парках. Платили за это гроши. Но ему нравились растения и нравилось учиться. Он окончил факультет садоводства в заочном университете. Он ни разу не был женат. Он не доверял людям. Растения лучше людей. Он всю жизнь проработал в городских парках, вышел на пенсию в шестьдесят лет в должности

старшего садовника и устроился на полставки в «Сицилию».

Тони занимался ландшафтным дизайном и садом в доме Лео в Маленькой Венеции и в офисе компании. Потом Паулина предложила ему поработать и на нее. Ему нравилась Паулина. Каждый раз, когда он работал у нее в саду, он собирал букет из цветов, листьев или сухих стеблей и оставлял его в ведре с водой на заднем крыльце. Паулина была единственной из всех женщин, о которой он думал, что… может быть… когда-нибудь…

Паулине тоже нравился Тони. Он был похож на добродушного медведя. Сильные руки. Не всегда чистые, да. Но это не страшно. Тони всегда носил галстук. Клетчатую рубашку с рукавами, закатанными выше локтей, и шерстяной галстук, аккуратно заправленный внутрь после третьей пуговицы. Тони был человеком из другого времени.

Паулина была женщиной современной. У нее не нашлось времени для серьезных отношений. Она всю жизнь делала карьеру. Это был ее выбор. Она ни о чем не жалела. Что-то приобретаешь, а что-то теряешь. Всегда что-то теряешь.

— Ты все понял, Тони? Новая жизнь, все дела.

— Но у Ксено есть сын. У него есть жена. Как

она к этому отнесется?

— Она ему не жена. У них чисто деловое соглашение. Хочешь прочесть мне лекцию о семейных ценностях, или просто возьмешь деньги и выполнишь поручение?

— Когда надо ехать?

— Вот это другой разговор! Я закажу тебе билет. Полетишь бизнес-классом. Машину возьмешь напрокат в аэропорту. Я все оплачу. Справим тебе новый костюм. Респектабельный вид — уже наполовину победа. Скажем, что ты ее дед. Все будет отлично.

— Так когда надо ехать?

— Скоро. Уже совсем скоро. И еще одно, Тони… Ничего не говори Паулине, иначе все отменяется. Договорились?

Тони смутился. Он доверял Паулине. И не доверял Лео. Так почему же?

Но он решил не додумывать эту мысль.

Получить паспорт для Пердиты не составило труда. В свидетельстве о рождении Лео было записано, что отец — Лео. Свидетельство оформляла Мими. С фотографией тоже проблем не возникло, потому что Мими чуть ли не каждый день присылала Лео фотографии малышки по электронной почте.

Лео не видел Мими уже три месяца. Полтора месяца из этих трех Мило провел с мамой в доме Паулины, полтора — дома, с Лео. Лео объяснил сыну, что Мими нужно время, чтобы поправиться.

— Почему она не может поправиться вместе с нами?

— Скоро сможет… Уже совсем скоро.

— Ну что, Лео? — сказала Паулина, врываясь в его кабинет без приглашения. Наглая стерва. — Долго это будет продолжаться?

Лео даже не посмотрел в ее сторону.

— Это риторический вопрос?

— Хватит быть таким шмендриком. Сдай анализ ДНК, и надо заканчивать с этим безумием.

— Не я это начал, не мне и заканчивать.

— Тебе нужно узнать правду.

— Я и так знаю правду.

— Ты что, ясновидящий?

— Ты когда-нибудь заткнешься?

— Почему ты не спрашиваешь, как себя чувствует твоя жена? Или ты все-таки ясновидящий и все знаешь и так?

Лео поднялся из-за стола. По крайней мере он был на голову выше Паулины.

— Как себя чувствует Мими?

— А ты как думаешь?

— Я не знаю… Ты сказала, чтобы я спросил. Вот я и спрашиваю.

— Ее обидели и унизили. Ей плохо и больно. На ее месте я бы вообще с тобой не разговаривала.

— Она со мной не разговаривает.

— Она все еще твоя жена, Лео. Даже после всего, что ты ей устроил. Почему ты не хочешь сдать анализ ДНК?

— Чтобы унижение Мими было задокументировано на бумаге?

— Хочешь повесить ей эту бумагу на шею, написав на ней красными буквами «Прелюбодейка»?

— Это ребенок Ксено.

— Я не знаю, как справиться с этим безумием, Лео. Слушай, приходи ко мне сегодня вечером. Сядете вместе. Поговорите. Пожалуйста…

— А Мими будет со мной разговаривать?

— Просто приходи вечером.

Лео закончил работу пораньше и забрал Мило из школы.

— Мама сегодня приедет домой вместе с нами?

— Не сегодня. Сегодня мы с тобой едем к ней в гости.

Мило обрадовался. По дороге они говорили о футболе, и Лео пообещал сводить сына на матч в ближайшие выходные. Когда Лео подъехал к

дому Паулины, он почти забыл о том, что Мими его бросила. Или это он бросил Мими? Он не мог вспомнить.

Лео припарковал «рендж ровер», Мило выскочил из машины и побежал к дому. Лео увидел в окне Мими. Густые, короткие, темные волосы. Красная помада. Клетчатая рубашка, которая явно ей велика. Лео застыл на месте, глядя на Мими. Он вдруг понял, что у него мокрые щеки. Сейчас идет дождь?

— Папа! Иди скорее!

Лео вошел в дом следом за Мило. Мими наклонилась, поцеловала сына, взъерошила ему волосы.

— Переодевайся и приходи в кухню. Давай! *Dépêche-toi!*

Мило замялся. Его папа застыл на пороге, мама стояла у подножия лестницы.

Оба молчали. Мило стоял между ними, как маяк между скалами и тонущим кораблем.

Мими открыла дверь в гостиную. Лео вошел в комнату следом за ней. Он поднял руку и… опустил. Поднял руку и притронулся к плечу Мими. Она вздрогнула и отошла подальше. *Она меня не хочет.*

Мими взяла что-то с пристенного столика. Ка-

кой-то конверт. Она обернулась и отдала его Лео.

— Я не могу говорить с тобой, Лео. Пока не могу. Паулина… она хочет нам только добра. Я ей сказала, что увижусь с тобой, а потом поняла: не могу. Я написала тебе письмо.

Мило, одетый в спортивный костюм, сбежал вниз по лестнице. Он увидел родителей. Он все почувствовал. Его лицо словно окаменело. Он тихонько поплелся в кухню.

— Он не понимает, что происходит, — сказала Мими.

— Я хочу, чтобы он жил со мной, — сказал Лео.

— Что?

— Хочу получить единоличное право на воспитание Мило.

Лео произнес это и сам не поверил, что с его идиотских губ сорвались такие идиотские слова, хотя больше всего на свете ему хотелось обнять жену и плакать, пока его слезы не превратятся в реку, что унесет их обоих прочь из этого замкнутого безысходного пространства.

Мими вышла из комнаты.

Лео открыл конверт.

Дорогой Лео!

Время все-таки посмеялось над нами? Со мной тебе было непросто, я знаю. Я не хотела выхо-

дить за тебя замуж, потому что мы оба не запрограммированы на историю со счастливым концом. «Жили они долго и счастливо» — это не про нас. Мы оба — из несчастливых семей. Мы насторожены, как дикие звери.

Как все мужчины, ты реализуешь себя во внешнем мире. Мне повезло: у меня есть музыка. Музыка — мир внутри меня. Я исполнительница, но даже когда не даю представление, музыка все равно остается со мной.

Знаю, тебе было трудно меня понять. Мы часто шутили, что ты так и не выучился читать ноты. Еще в самом начале ты сказал мне, что мужчины считают женщин непостижимыми. Считают, что женщин нельзя понять и узнать. Помнишь?

Знаю ли я тебя? Мне казалось, что да. Я знаю, какой ты ранимый и в то же время бесстрашный. Знаю, что ты не боишься трудностей, потому что умеешь их преодолевать. Знаю, как ты умеешь ловить момент. Знаю, какой ты хвастун.

С тобой я себя чувствовала защищенной, и это было так неожиданно. Я больше не чувствую себя защищенной, и мне от этого плохо.

Ты не хотел этого ребенка? Почему? Почему мы об этом не говорили? Я думала, ты полюбишь

ее, когда увидишь.

Последние несколько месяцев я была уверена, что у тебя появилась любовница. Ты был таким отстраненным, таким далеким. И все это время ты думал, что любовник есть у меня. И за все это время мы ни разу не поговорили. Наверное, я решила дождаться, пока твой роман не закончится сам собой. Или пока ты не скажешь, что уходишь к другой.

Я твоя жена, Лео. Если бы мне захотелось уйти, я бы не стала использовать для этого Ксено. Если бы я тебя разлюбила, я бы ушла в тот же день. Я никогда бы не стала тебя обманывать. Неужели ты ничего обо мне не понял? Даже этого ты не понял?

Обо мне и о нем.

Или все дело в том, что ты сам мог бы меня обмануть, и поэтому думаешь, что я обманывала тебя? Что он обманывал тебя?

Когда я потеряла твою любовь?

Лео отложил письмо. В конверте лежала еще какая-то записка. Старый, сложенный вдвое листок с пятном от вина. Лео развернул листок. Это был его почерк.

1) Могу ли я жить без тебя? Да.

2) Хочу ли я жить без тебя? Нет.

3) Часто ли я думаю о тебе? Да.

4) Скучаю ли я по тебе? Да.

5) Думаю ли я о тебе, когда я с другой женщиной? Да.

6) Считаю ли я, что ты не такая, как все остальные женщины? Да.

7) Считаю ли я, что я не такой, как все остальные мужчины? Нет.

8) Речь идет о сексе? Да.

9) Речь идет только о сексе? Нет.

10) Чувствовал ли я что-то подобное раньше? Да и нет.

11) Чувствовал ли я что-то подобное после встречи с тобой? Нет.

12) Почему я хочу на тебе жениться? Меня бесит сама мысль о том, что ты выйдешь замуж за кого-то другого.

13) Ты красивая.

Лео еще на какое-то время задержался в гостиной в доме Паулины. Там, в эркере с большим полукруглым окном, стояло пианино. Паулина играла на фортепьяно с детства. На пюпитре лежали ноты с простенькими упражнениями для Мило. А потом Лео увидел нотный листок, исписанный от руки. Мими писала песню. Ну-ка,

ну-ка. «*Беги с корабля, малышка. Пока не поздно, беги. Прыгай за борт, не жди. Не тебе угрожают, а мне. Мы попали в разрыв во времени*».

Сверху стоял заголовок: «ПЕРДИТА».

Лео сложил листок и убрал в карман.

Прошла неделя. Тони работал в саду Паулины, и тут она вышла из дома с девочкой на руках.

— Лео дома? Он не подходит к телефону.

— Он дома, да, — сказал Тони. — Отгородился от всех и сидит, ну, ты понимаешь.

— Есть одна старая поговорка, — сказала Паулина. — Чего не воротишь, о том не горюют.

— Шекспир, — сказал Тони.

— «Зимняя сказка».

Паулина направилась к своей машине, стоявшей на подъездной дорожке. Тони отложил грабли, подошел к Паулине и выпалил — слишком резко, потому что он думал об этом уже несколько дней:

— Может быть, сходим сегодня в кино?

— Ты ко мне обращаешься? — спросила Паулина.

— Да, к тебе.

— Я уточняю, потому что ты смотришь прямо на тот куст, — сказала Паулина.

Тони уставился себе под ноги.

— В «Эвримене» сейчас ретроспектива фильмов с Лорен Бэколл. Сегодня будет «Иметь и не иметь»[7].

— Да, я бы сходила, — сказала Паулина.

Тони смотрел, как Паулина садится в машину и уезжает. Он чувствовал, как колотится его сердце.

Лео открыл дверь. На пороге стояла Паулина с ребенком на руках.

— Я же просил: никаких сентиментальных приемчиков, — сказал Лео.

Паулина вручила ему спящую девочку. Лео держал малышку на вытянутых руках, словно она полыхала огнем.

— Я им доверял, а они меня предали.

— Ты им доверял, потому что они тебя любят.

— Да, большая дружная семья. В твоих мечтах, Паулина.

— Почему ты упорствуешь в этом безумии?

— В безумии? Ты называешь это безумием? Ты утверждаешь, что они не любят друг друга? А как они друг на друга смотрят, держатся за руки, шепчутся, танцуют? Когда он здесь, он от нее не

---

[7] Примечания: 7

«Иметь и не иметь» (1944) — романтическая драма, дебют Лорен Бэколл.

отходит. И мне это нравилось.

— И что с того, если они чуть-чуть влюблены друг в друга?

— То есть ты признаешь…

— А было бы лучше, если бы они друг другу не нравились? Или были вообще безразличны друг к другу? Может, ты бесишься потому, что спал с ними обоими?

— Кто тебе это сказал?

— Ксено, в общем, и не скрывает.

— Да, я с ним спал. Но это было давно. Мы еще в школе учились.

— Кого ты ревнуешь, его или ее?

— Избавь меня от дешевого доморощенного психоанализа.

— Лео, это твой ребенок. Мими тебе не изменяет. Ксено твой друг. Сдай анализ ДНК. Все еще можно исправить. Еще не поздно.

Лео услышал ее. Все еще можно исправить. Еще можно исправить. Можно исправить. Малышка проснулась и стала вертеться в его руках. Он отдал девочку Паулине.

— Почему ее назвали Пердитой?

— Это значит «потерявшаяся малышка».

— Я приду завтра. И мы поедем сдавать анализ. ОК?

В чуждом месте

Вечером Паулина и Тони встретились у кинотеатра «Эвримен».

Паулина надела красивое платье, Тони начистил пиджак. Билеты купил Тони, хотя Паулина могла бы купить весь кинотеатр.

Они уселись в удобное парное кресло, но сидели натянуто, выпрямив спины. Паулина вдруг поняла, что она никогда не ходила в кино, потому что кино пробуждало в ней жалость к себе. Она подумала о бабушке с дедушкой, маминых родителях, которые сбежали в Англию из фашистской Германии. Они открыли маленький ресторанчик в Ист-Энде. Жизнь была трудной, но они были счастливы вместе. Мать Паулины выучилась на медсестру и вышла замуж за стоматолога. Паулина окончила хорошую школу для девочек, поступила в университет, получила диплом и стала работать в области банковских инвестиций. От беженцев до богатеев за три поколения. Но Паулина так и не встретила человека, с которым ей захотелось бы прожить всю жизнь. Она знала, что мама с папой за нее беспокоятся; беспокоятся, что она так и состарится в одиночестве и некому

будет о ней позаботиться.

И сейчас, сидя рядом с Тони, который усердно смотрел на экран и старался держаться так, чтобы их с Паулиной разделяло не меньше трех дюймов, она вдруг придвинулась ближе к нему. Очень медленно Тони взял ее за руку.

Уже потом, когда они вместе шли из кинотеатра в Хэмпстеде к дому Паулины в Белсайз-Парке, она спросила у Тони, что он делает в выходные.

— Я много гуляю, хожу пешком, — сказал он. — На свежем воздухе я себя чувствую лучше. Завтра собираюсь в Ботанический сад.

Паулина не любила ходить пешком. Сначала люди ходили пешком, потом у них появились велосипеды, а теперь — автомобили. Но она рассудила, что можно попробовать.

Тони проводил ее до дома и поблагодарил за чудесный вечер. Они договорились встретиться завтра. Они стояли под уличным фонарем, улыбаясь друг другу. Оба не знали, что делать дальше. Она прикоснулась к его руке, молча кивнула и пошла к дому. Он наблюдал за ней, пока она не скрылась внутри.

Паулина взглянула в большое зеркало в прихожей и подумала, что завтра утром надо зайти в аптеку и купить новую помаду.

Когда Тони вернулся домой в странно — или не странно — приподнятом настроении, на автоответчике было одно сообщение.

Завтра. В Хитроу. Ровно в полдень.

Лео проснулся с утра пораньше. В голове было чисто и пусто. Впервые за много месяцев он мог не думать вообще ни о чем, потому что теперь знал, что делать.

Пустой дом, который стал ему ненавистен, сейчас превратился в пространство, где можно создать что-то новое. То, что было, можно отменить.

Лео приехал к Паулине на час раньше, чем они договаривались. Он был чисто выбрит, элегантно одет; он казался другим, лучше прежнего Лео.

Паулина пыталась решить, надо ли надевать в Ботанический сад туристические ботинки. Или что надевают, когда собираются за город? Резиновые сапоги?

— Ботанический сад — это обычный парк, — сказал Лео.

— Ну, хорошо, — сказала Паулина. — Главное, чтобы не было дождя. Мы, евреи, не любим дождь. Он нас нервирует. Вспомни, что стало с Ноем.

— А с кем ты идешь? — спросил Лео.

— Тебе-то какое дело? У меня свидание.

— То есть тебя не будет весь день?

Паулина кивнула.

— Мими повезла Мило в бассейн. Они вернутся к одиннадцати.

— Я знаю. Он мне говорил.

— Лео, мне нужно зайти в аптеку. Присмотришь за Пердитой полчасика? А потом мы поедем сдавать анализ.

— Без проблем, Паулина. Дай ее мне.

Это был обаятельный Лео, улыбчивый Лео, обходительный Лео. Паулина схватила сумку и ушла по своим делам.

Как только Лео убедился, что Паулина и вправду ушла, он выскочил из дома и сел в машину. На заднем сиденье стояла коробка из-под вина, в которой лежало одеяло. Лео положил ребенка в коробку. Малышка заплакала. Лео включил радио.

Тони ждал его у входа в пятый терминал. Лео отдал ему паспорт и сумку.

— Подгузники. Молочная смесь. Чистая одежда. Детская присыпка. Все, что может понадобиться. Ты умеешь менять подгузники? Если нет, кто-нибудь в самолете тебе поможет. Я отправлю тебе сообщение с адресом и телефоном Ксено. Обратный билет забронирован на понедельник. Если

будут проблемы, звони. Тебе надо поторопиться — вылет через час.

А потом все случилось, как будто в замедленной съемке — и слишком стремительно.

Мими и Паулина примчались в Маленькую Венецию.

Мими носилась по дому с криками: ЛЕО! ЛЕО!

Мило остался один в доме Паулины. Зазвонил телефон. Это был Тони.

Мило услышал, как он наговаривает сообщение на автоответчик:

— Паулина, это Тони. Сегодня я не смогу никуда пойти. Я сейчас еду в аэропорт. Извини.

Мило тут же позвонил Паулине. Ему было слышно, как кричит мама где-то на заднем плане.

— Зачем Тони едет в аэропорт?

Мило отложил телефон.

Жил-был человек, и жил он в аэропорту.

Вскоре в дверь позвонили. Это был Лео.

— Мама тебя ищет, — сказал Мило.

— Мы уезжаем на несколько дней. В Мюнхен. К дедушке.

— Мама тоже поедет с нами?

— Нет.

— Тогда и я никуда не поеду, — сказал Мило.

Лео рассердился.

— Мы поедем вдвоем. Я уже собрал твои вещи. Собирай, что тебе нужно отсюда, — только не очень много, — и нам уже пора ехать.

В машине Мило сидел тихо. Потом спросил:

— А где Пердита?

— С ней все в порядке.

Лео забронировал два билета на рейс до Берлина. Он не собирался навещать отца. Он просто хотел уехать. А когда они с Мило вернутся, Мими поймет: все, что ни делается, — к лучшему.

Но Мими уже позвонила в полицию и сообщила, что ее муж пытается вывезти из страны их новорожденного ребенка.

— Не понимаю, при чем тут Тони? — сказала Паулина. — Я не могу ему дозвониться. Номер сразу переключается на голосовую почту.

Лео отстоял очередь на паспортный контроль. Человек, проверявший документы, попросил его отойти на минуточку и подождать.

Не успел Лео опомниться, как к нему подошли три полицейских и принялись выспрашивать, где он спрятал младенца.

Вот так все и случилось.

Лео что-то доказывал полицейским. Поли-

цейские что-то доказывали Лео. Три крупных дядьки. Все одного роста. Миниатюрный индус на паспортном контроле старательно делал вид, что ничего необычного не происходит. Люди в очереди косились на Лео.

Полицейские были растеряны, потому что младенца у Лео не оказалось. Лео сказал, что у его жены обострилась послеродовая депрессия. Он везет сына к дедушке, чтобы дать отдых супруге. Полицейские проверили паспорт Мило — это твой папа? Да.

Взрослые снова принялись спорить — никто не обращал внимания на Мило.

Жил-был человек, и жил он в аэропорту.

Мило тихонько попятился назад. Никто этого не заметил.

Мило завернул за угол и направился к стойкам досмотра ручной клади. У четвертой стойки стояло большое семейство. Мило побежал к ним — со стороны это смотрелось так, словно он их ребенок, который немного отстал, а теперь догоняет. Он положил свой рюкзак на ленту рентгеновского аппарата. Прошел через металлодетектор. Огляделся по сторонам. Он был в аэропорту. Может быть, он сумеет найти Тони.

Хищные птицы, медведи, волки

Тони прибыл в Новую Богемию.

Ему понравились пальмы, растущие на разделительных полосах шоссе. Он решил разузнать, есть ли здесь ботанический сад. Завтра до вылета целый день.

Небо, сплошь затянутое облаками, казалось, вот-вот упадет на землю. Было жарко и душно, как в сауне. Тони снял пиджак, но не стал распускать галстук. Ему не хотелось выглядеть неряшливо.

Сегодня суперлуние, сообщил ему клерк в пункте проката автомобилей. Ночь наибольшего сближения Луны и Земли — погода должна измениться к лучшему. Хорошо бы.

Тони взял «БМВ». Совсем не похоже на его «ниссан». Тони подумал, что, может быть, он потратит часть заработанных пятидесяти тысяч на новую машину. У Паулины «ауди». Ей вряд ли захочется, чтобы Тони возил ее в стареньком «ниссане». Все-таки надо было сказать Паулине об этом деле.

Широкие автомагистрали. Высокие здания. Щиты с рекламой телесериалов, идущих в лучшее эфирное время. Однотипные муниципальные микрорайоны — социальное жилье — вдоль

скоростных, неприветливых трасс. Недорогие пригородные отели. Двухместный номер — 40 долларов в сутки. Завтрак «шведский стол». На мосту была пробка. Там шли дорожные работы, цементная пыль присыпала лобовое стекло, словно тальк. Пахло жареным луком и соляркой.

Как только Тони въехал в центр города, на него со всех сторон обрушилась музыка: из машин, из домов, из кафе и баров. Пока машины стояли на светофоре, дожидаясь зеленого, к ним подбегали мальчишки и мыли лобовые стекла. Один из мальчишек сидел на перевернутом ведре и барабанил по второму ведру щеткой-скребком. Тони разнервничался. Он никогда не бывал за границей, если не считать одного раза в Шотландии.

Тони поставил машину на стоянке у банка. Его уже ждали. Его провели в отдельный кабинет, проверили паспорт и бумаги от Лео и выдали ему деньги. Наличными, в «дипломате». Он расписался в получении. Спросил, как проехать по определенному адресу. Один из младших клерков, нервный и настороженный, записал адрес. Сказал, что сейчас уточнит. Тони не понравился этот парень.

Когда Тони вернулся к машине, Пердита на заднем сиденье тихонько захныкала. Тони оста-

вил ее в машине, потому что не мог придумать ничего лучше. Он скатал свое пальто и положил на пол перед задним сиденьем, чтобы малышка не свалилась.

В самолете девочка плакала почти все время. Стюардессы поменяли ей подгузник и покормили молочной смесью из бутылочки, но ее беспокоило нечто большее, чем еда, сон и мокрые пеленки. Тони и сам беспокоился. Он не знал, можно ли забирать ребенка от матери в таком раннем возрасте.

По крайней мере скоро ее заберет отец.

Тони уселся на заднем сиденье, достал телефон и набрал номер Ксено, который дал ему Лео. Абонент был недоступен. Тони позвонил Лео. Лео не отвечал.

Пердита уже не хныкала, а кричала во весь голос. Не зная, что делать, Тони запел ей песенку на испанском. Кажется, ей понравилось. Тони открыл «дипломат» с деньгами и положил туда бархатный мешочек, который дал ему Лео.

Мешочек и листок с нотами. Тони закрыл портфель и спел еще несколько песен, пока девочка не заснула. Он сел за руль и поехал по адресу, полученному от Лео.

Ксено жил неподалеку от города. В симпа-

тичном зеленом предместье. Старый дом в колониальном стиле, с балюстрадой из кованого железа. У дома стоял внедорожник. Тони вышел из машины. Дождь прекратился. Где-то вдали гремел гром, но его было почти не слышно.

Тони позвонил в дверь. Ксено, наверное, уже заждался.

Он звонил долго, но дверь не открыли. Прижимая к себе Пердиту, Тони обошел дом и направился к задней двери. По дороге он с восхищением рассматривал субтропические растения в саду. Заднюю дверь открыла женщина. Судя по виду — испанка. Она плохо говорила по-английски, поэтому Тони перешел на испанский. Нет, мистера Ксено нет дома. Уехал в Лос-Анджелес. Вернется через десять дней.

Тони снова позвонил Лео. Лео опять не ответил. Тони вернулся к машине и уселся за руль. Он думал, что делать дальше. Молочной смеси осталось всего на одно кормление. Надо ехать в больницу. Он отвезет малышку в больницу, где ее покормят, поменяют ей подгузник и проверят, все ли с ней хорошо. Да, в больнице ему помогут. А потом он поедет в отель, где для него забронирован номер, и будет дозваниваться Лео. Когда-то же он возьмет трубку.

Уже отъезжая от дома Ксено, Тони заметил машину на другой стороне улицы.

Служащие отеля были очень любезны. Да, его номер оплачен заранее. Да, больница здесь рядом.

На Тони вдруг навалилась усталость. Он поднялся к себе в номер. Снял с Пердиты комбинезончик, распашонку, подгузник. Кожа у нее между ног покраснела, словно ее натерло. Тони подумал, что надо бы искупать девочку. Будь она растением, он бы ее полил. Купание — та же поливка, верно?

Он набрал в ванну теплой воды, сто раз проверив, чтобы она не была слишком горячей. Потом закатал рукава, встал на колени и бережно опустил девочку в воду. Он держал ее двумя руками и осторожно покачивал взад-вперед. Наверное, когда он был маленьким, мама купала его точно так же. Пока вся вода не высохла и любовь не иссякла.

Малышке, похоже, нравилось купаться. Тони подумал, что, наверное, из него получился бы хороший отец. Однако ребенку нужен не только отец, но и мать…

Тони вынул Пердиту из ванны, вытер, одел во все чистое и покормил. Потом прилег на кровать,

положив девочку рядом с собой. Оба заснули мгновенно.

Его разбудил звук открывающейся двери. В номере было темно. Свет горел в коридоре, и на фоне открытой двери вырисовывался мужской силуэт. Кто-то из персонала отеля? Человек собирается войти в номер, но свет не включает.

— Кто здесь? — спросил Тони и потянулся к выключателю рядом с кроватью.

Какой-то мужчина в куртке с капюшоном. Он быстро выскочил в коридор, закрыв за собой дверь. Сколько времени?

Почти полночь.

Тони проверил телефон. Ни звонков, ни сообщений от Лео. На автоответчике в номере — ничего. Тони отправил Лео сообщение: ПОЗВОНИ ТОНИ. СРОЧНО.

Пердита зашевелилась. Надо срочно добыть ей еды. Тони принял душ и побрился, словно сейчас было утро, а не глубокая ночь. Он положил брюки в гладильный пресс. Достал из сумки чистую рубашку. Взял Пердиту на руки и уже собрался выходить, но, секунду подумав, решил взять с собой и портфель.

Тони спустился вниз и попросил ночного портье распорядиться, чтобы его машину подогнали

к центральному входу. Дожидаясь машину на улице, с девочкой на руках, он увидел Луну. Тони в жизни не видел такую огромную Луну. Она как будто спускалась к Земле. В лунном свете малышка у него на руках казалась живой жемчужиной.

Он сел в машину и поехал в больницу Святой Марии.

Едва отъехав от отеля, он снова заметил машину, которую видел у дома Ксено. Да, это была та же самая машина.

На первом же светофоре он попытался разглядеть, кто там внутри. Двое мужчин.

Он свернул в переулок — машина свернула за ним. Он свернул еще раз — машина не отставала. Да, они явно следили за ним.

На стоянке больницы он поставил машину на место для инвалидов прямо перед входом, взял Пердиту и портфель и вошел внутрь. Яркий свет резанул по глазам, вызвав мимолетное ощущение дезориентации, но дежурный за стойкой регистратуры был внимателен и любезен, и когда Тони объяснил ему свою проблему и сказал, что заплатит, ему сразу дали понять, что с его странной полуночной просьбой никаких сложностей не возникнет.

Вскоре пришла медсестра и по-женски умело,

со знанием дела, подхватила Пердиту на руки. Кажется, она поверила рассказу Тони, что он дедушка девочки, привез ребенка сыну, но у сына задержали рейс, и он еще не вернулся домой, а мать нездорова. Да, нездорова.

— У нас есть «окно жизни», — сказала ему медсестра, — грустно, конечно, но лучше уж так, чем оставить ребенка на улице или в трамвае.

— Дети должны быть желанными, — сказал Тони.

— Да, сэр.

Медсестра быстро и ловко поменяла Пердите подгузник, выдала Тони две бутылочки с молочной смесью, которую надо было лишь подогреть, и упаковку подгузников. Он решил, что на обратную дорогу этого хватит. А в ботанический сад можно сходить и дома.

Он увидел их сразу, как только вышел из больницы. Двое мужчин. В темноте, рядом с «БМВ».

Они его не заметили. Стояли, курили, прислонившись к машине, и не смотрели в сторону главного входа. Тони знал, что они ждут его.

Он вернулся обратно в здание. Где-то должен быть запасной выход. Да, вот указатель. Тони направился в ту сторону. Он выйдет через боковую дверь. Бросит машину. Возьмет такси.

Как только он вышел наружу, небо разверзлось и хлынул дождь. Малышка расплакалась. Тони снял пиджак и завернул в него девочку. Это было безумие. Дождь лил стеной. Ноги промокли мгновенно чуть ли не по колено. Тони подумал, что надо вернуться внутрь. Он подбежал к двери, но она не открывалась. Промокший до нитки, он постучал в дверь, но ему не открыли. Тони пошел вдоль здания больницы, чтобы обойти ее сзади. Возвращаться к переднему входу было рискованно. И тут он увидел, как на стене вспыхнул фонарь.

«Окно жизни».

Тони принял решение мгновенно. Он открыл крышку люка. Изнутри повеяло мягким, сухим теплом. Тони развернул пиджак, достал Пердиту и опустил ее в бокс. Положил рядом с ней «дипломат». Он проделал все это почти вслепую — дождь заливал глаза, — и все же сумел закрыть люк почти до конца, но так, чтобы осталась небольшая щель и люк не захлопнулся, и потом его можно было бы открыть снаружи, просунув в щель шариковую ручку. Он вернется за девочкой — только сходит к машине. Тем двоим нужны деньги. Он скажет, что деньги в отеле. Отдаст им ключ от номера. Потом заберет малышку и сразу

поедет в аэропорт. Паспорт у него в кармане. А все остальное не важно.

На стоянке перед больницей было пустынно и тихо. Тони сел в машину. Поблизости никого не наблюдалось. Но когда он выруливал со стоянки на улицу, навстречу выскочила машина, ослепив фарами, и ударила его спереди. Тони дал задний ход. Машина рванулась к нему. Тони резко свернул в сторону, нажал на педаль газа и вдруг услышал выстрел. Руль вырвался из рук, передняя покрышка взорвалась, и Тони врезался в стену.

Те двое выскочили из машины.

Один из них вытащил Тони наружу. Ударил его. Ударил еще раз. Второй обыскивал его машину. Тони замахнулся, чтобы дать сдачи, но поскользнулся на мокром асфальте, упал и ударился головой. Уже теряя сознание, он услышал, как подъезжает еще одна машина. Еще один выстрел. Кто-то взял его за руку.

— Паулина, — произнес он или только подумал, что произнес.

— Надо дождаться полицию.

— Он мертв.

Антракт

Несть числа повествованиям о потерях и обретениях.

Словно вся история человечества — одно большое бюро находок.

Возможно, все началось, когда Луна откололась от Земли — бледная, одинокая, настороженная, близкая и далекая, замкнутая, вдохновенная. Аутичная сестра-близняшка Земли.

Так возникли истории о близнецах. О парах, которых нельзя разлучить, но и вместе им быть невозможно. О лишениях и утратах, о кровной вражде и разбитых сердцах, о влюбленных, которые думали, что бессмертны, пока кто-то из них не ушел навсегда.

Легенды о рае — отчасти Луна, отчасти материнская утроба. Две планеты, летящие в космосе. Ракета-носитель. Атлантида. Эдем. Вальхалла. Дивный новый мир. Где-то должен быть еще один мир.

Мы вышли в море. Звезды плясали огнями на мачтах. Мы не знали, что звезды — те же ископаемые остатки, отпечатки прошлого, шлющие свет, как сообщение далеким потомкам, как по-

следнюю волю.

Мы вышли в море. Мы думали, что плывем к краю света и перевалимся через край, подобно плоту, рухнувшему с водопада. Мы перевалимся через край и окажемся в месте, о котором мы знали, что оно существует, если нам хватит смелости его найти.

Оно должно быть где-то здесь.

Отсутствие отсутствующего. Недостаточность недостающего. Мы знаем, как это бывает. Каждое наше усилие, каждое дерзновенное начинание, каждый поцелуй, каждый удар в сердце, каждое письмо домой, каждое расставание и каждый отъезд — это отчаянный поиск того, что утрачено, среди того, что есть рядом.

Расстояние от Земли до Луны — 384 400 километров.

Это немного, если сравнить с расстоянием от Земли до Солнца — 149 600 000 километров.

Но если смотреть на них с Марса, кажется, будто бледная Луна и голубая Земля — две сестры, две близняшки, сидящие рядом, склонившись над книгой. Голова к голове. Неразделенные во времени.

Луна управляет приливами и отливами на Земле. Ежедневными ритмами нашей жизни.

Благодаря Луне на Земле сохраняется устойчивый климат. Притяжение Луны стабилизирует наклон земной оси. Луна держит нас, не дает расшататься.

Нет никаких объективных причин для того, чтобы давнее разделение Земли и Луны, произошедшее за сотни миллионов лет до появления на Земле жизни, будоражило наше воображение. Но оно будоражит.

В календарном году тринадцать лунных месяцев.

На Луне время измеряется по-другому.

Луна совершает полный оборот вокруг Земли за 28 дней.

Словно она что-то ищет. Словно что-то она потеряла.

Давным-давно.

Действие второе
Движение вперед

Субботнее утро. Весенний день.

Бар «Овчарня» располагается на невысоком холме с видом на дорогу, что вела к шоссе. По ту сторону шоссе протекает река: река, как планы на будущее, как миллионы возможностей, река широкая, словно жизнь, когда ты молод и еще не знаешь, что планы, реки и возможности в конечном итоге выливаются в море где-то вдали, за горизонтом.

Но сегодня нет никакого «вдали».

Длинные столы в саду накрыты белыми скатертями. Над столами установлены легкие металлические арки, увешенные китайскими фонариками. Их зажгут после захода солнца.

Кло заново покрасил облупившиеся скамейки и прикрепил новые веревки к качелям-лодочкам, на которых так любят качаться парочки в вечерних сумерках.

В тот день Пердита разбудила Кло с утра пораньше и отправила по магазинам.

— И что мне ему купить?

— Придумай что-нибудь, включи фантазию.

— Так нечестно. Ты же знаешь, с фантазией у меня туго!

Кло — крупный парень. Высоченный и сложенный, как профессиональный борец. Одевается без затей: бейсболка козырьком назад, футболка, джинсы, заправленные в высокие черные кроссовки. Кло перерыл всю комнату в поисках своего телефона. Телефон был у Пердиты.

— Я вбила тебе в телефон список того, что надо купить, — сказала она. — Купи все по списку, а потом… просто смотри, что произойдет.

— Тогда ты молись за меня, чтобы что-то произошло.

Пердита налила ему кофе. Кло его выпил.

— Как получилось, что ты, малявка, заправляешь всем домом?

— Хочешь, уступлю тебе бразды правления?

Кло посмотрел на нее сверху вниз — он был на голову выше Пердиты. Он обнял ее. Она тоже его обняла. Он уже собрался уходить, но остановился в дверях.

— А что ты подаришь папе на день рождения?

— Губную гармошку.

— Вот почему я до этого не додумался?

Кло сел в свой «шевроле сильверадо», надел темные очки, включил музыку, открыл окно и поехал по извилистой пыльной дороге, ведущей к шоссе. Вдалеке, на горизонте, вырисовывались силуэты высоких городских зданий. Лучи солнца, отражавшиеся от стекла и стали, превращали дома в гигантские слитки золота. Воздух был свежим, еще по-утреннему прохладным, но уже стало понятно, что день будет жарким.

Субботнее утро. Весенний день.

АВТО ОТ АВТОЛИКА

Это был первый съезд с шоссе после округа Бэр.

Там стоял рекламный щит:

ВЫБИРАЙ СЕБЕ ТАЧКУ! ЛЮБУЮ ТАЧКУ!

Автолик был дельцом и пройдохой. Этакая хитрая бестия. Торговец до мозга костей, с хорошо подвешенным языком.

Автолик. Наполовину — Будапешт, наполовину — Нью-Джерси. Запредельная самоуверенность Старой Европы и бесшабашная наглость Нового Света.

Автолик: длинные волосы, собранные в хвост, козлиная бородка, ковбойские сапоги, галстук-

шнурок. Наполовину мошенник, наполовину мудрец.

Поднятые двери-крылья «делореана» Кло приметил издалека. Он подъехал поближе, остановился перед «делореаном» и вышел из машины. Автолик стоял, склонившись над двигателем, расположенным сзади. Пар от радиатора окутывал его щуплую фигуру густым туманом.

— Это машина из «Назад в будущее»?

Автолик выпрямился и прищурился, внимательно изучая добродушное, открытое лицо Кло, который стоял, держа в руке темные очки и возвышаясь над низкой машиной и ее невысоким владельцем.

— Есть молоток?

— Собираетесь бить молотком эту красавицу?

— Собираюсь расколотить себе голову. Прохиндей, который продал мне эту машину… он меня обманул. Я слишком честный человек.

— Если хотите, могу вас подвезти куда нужно.

— У тебя славная тачка. Люблю «шевроле». Смотрю, совсем новая.

— Да… прошлый год у нас в «Овчарне» выдался очень даже удачный. Вы бывали у нас?

— В «Овчарне»? Так это твой бар?

— Ну, да… то есть бар папин, а я его сын.

Автолик вытер руки влажной салфеткой, закрыл «делореан» и уселся в машину Кло.

— Кожа с прострочкой… и все так чисто. Мне нравится.

— Папа всегда говорил, что даже если ты ездишь на старой, раздолбанной колымаге, все равно за ней надо ухаживать. Я усвоил этот урок, когда мы еще были бедными. А теперь мы богатые.

— Я думал, американская мечта давно сдохла, и богатеют только богатеи… или политики.

— Да никакие мы не богатеи. У нас просто скромный семейный бизнес, но да, дела идут хорошо.

— И куда вы направляетесь, молодой человек?

— В город. У папы сегодня юбилей, семьдесят лет. Будут гости. Сестра отправила меня за покупками. Надо купить кое-что для праздника и подарок для папы. Что-то необыкновенное, от сына — отцу. Но что, ради Господа Бога и всех святых, мне ему подарить?

— Ты веришь в Бога? Твой отец верит в Бога?

— Меня воспитали на Библии. Сейчас мы уже не так часто бываем в церкви, но я верю, что все в руках Божьих.

— Ты веришь, что Бог дает людям то, что им нужно?

— Конечно, верю. Папа всегда говорит, что Бог послал нам мою младшую сестренку, хотя она та еще язва.

Автолик кивнул.

— Думается, что сегодня как раз такой день. Божий промысел в действии. Бог послал тебе меня.

— Вообще-то *я* вам помогаю!

Автолик снова кивнул. Потом достал из кармана фляжку и сделал большой глоток.

— Будешь виски?

— Я за рулем.

— Мой врач говорит, что мне каждый день надо чуток выпивать. Полезно для печени.

— Ну, так пейте, раз надо.

— Кстати, тебя как зовут?

— Кло.

— Рад познакомиться, Кло. Сегодня удачный день, даже не сомневайся.

Субботнее утро. Весенний день.

Пердита увидела, как папа стоит на стремянке. В руке — молоток, во рту — гвозди. Она думала, он еще спит. Она налила в кружку свежий кофе и вышла в сад, чтобы поздравить папу с днем рождения.

Сколько она себя помнила, Паст трудился не по-

кладая рук, чтобы «раскрутить» бар. В «Овчарне» подавали не только закуски, но и самую настоящую еду: лучший в округе рыбный суп, крабы в панцирях, рис с горошком, тушеная фасоль. Ехать сюда из города было не близко — вдоль берегового вала, где бакланы предсказывают погоду, — но оно того стоило.

В самом начале Паст почти все делал сам; чинил высокие ставни, добывал куски кованой балконной решетки, чтобы восстановить балюстраду, опоясывающую все здание.

Он ни на секунду не оставлял Пердиту одну. Даже когда ему надо было работать, он сажал ее в рюкзак у себя за спиной. Однажды ее уже бросили, но больше не бросят. Никогда в жизни. По ночам она спала в его комнате, и он рассказывал ей старые сказки о любви и потерях. Она была еще маленькой и не понимала их смысла. Но она слушала его голос.

Когда она подросла, Паст научил ее играть на пианино, и они вместе слушали музыку, на которой вырос сам Паст: женские группы вроде «Marvelettes», бунтарский рок, Боба Дилана, Джоан Баэз и Марвина Гэя, которого Паст любил больше всех.

Пердита вышла в сад. Ее отец наблюдал за птицами в небе.

— С днем рождения, папа.

Он приобнял ее за плечи.

— У меня для тебя подарок.

— У тебя — для меня? Но ведь день рождения не у меня.

Паст достал из кармана потертый бархатный мешочек.

— Это от твоей мамы. Я ждал, когда тебе исполнится восемнадцать, но мне самому стукнуло семьдесят. Не хотелось бы испустить дух и не вручить тебе это собственноручно.

— Ничего ты не испустишь.

— Смотри. — Паст высыпал содержимое мешочка ей прямо в руки.

Пердита молча смотрела на сверкающую красоту — холодное пламя, сотворение мира. Пласт времени. Вот что такое бриллианты.

— Они настоящие?

— Да. Самые что ни на есть настоящие бриллианты.

— Значит, мама была не бедной.

— Думаю, очень не бедной.

Пердита держала бриллианты, как мама когда-то держала ее саму — двумя руками.

Из глаз потекли слезы.

— Не плачь, — сказал Паст. — Тебя любили тогда, и тебя любят сейчас. Разве этого мало?

Пердита покачала головой и вытерла слезы тыльной стороной ладони. Она была в таком возрасте, когда ты иногда уже взрослая женщина, а иногда — еще ребенок.

— Я надену его сегодня, — сказала она. — На твой праздник.

— До сих пор не пойму, и зачем мы устраиваем этот праздник. Столько мороки!

— Какой смысл становиться старым, если не веселиться на праздниках?

— По-твоему, я старый?

— Старый, — сказала Пердита и поцеловала его в щеку. — Но еще крепкий.

— Может быть, я и старый, но все равно я танцую лучше тебя.

Она подняла руку и легонько шлепнула его по макушке — Паст был таким же высоким, как Кло, на голову выше Пердиты. Потом она взяла его за руку, и пару минут они танцевали и пели. Паст щелкал пальцами и задавал ритм, а Пердита вела мелодию. *Умчи меня на Луну, мы будем играть среди звезд…*

— Моя мама хорошо танцевала?

— Она хорошо пела. Она написала для тебя ту песню. Самую первую песню, которой я тебя научил.

— Она правда ее написала? Сама?

— На нотном листке все записано от руки, ее почерком. Она прекрасно играла на фортепьяно. Эта песня — ее послание тебе. Споешь ее на празднике?

Пердита прекратила танцевать и покачала головой.

— Я спою все твои самые любимые песни.

— Пойдем репетировать. Девчонки уже приехали?

— Пока нет, папа. Еще рано.

Паст кивнул.

— Да, пожалуй. Я не спал всю ночь. Старость, как ты понимаешь, не радость.

— Ты бодр и здоров!

— У меня высокое давление.

— Тогда оставь всю работу мне с Кло, а сам отдыхай.

— Верный способ откинуть копыта — забросить работу.

— От чего она умерла? Моя мама?

Паст обнял Пердиту.

— Ты же знаешь, что я не знаю.

— Ты столько лет хранил эти бриллианты и не сказал мне ни слова. Может быть, ты еще что-то знаешь и не говоришь.

Паст рассмеялся.

— Думаешь, если бы я что-то знал, я бы тебе не сказал?

— А ты бы сказал?

Пердита не знала об «окне жизни». Она знала только, что ее мама умерла, и Паст ее удочерил. В церковной общине, давным-давно. Прошлое далеко-далеко. Дорога почти в восемнадцать лет.

Когда она спрашивала о маме, Паст говорил: «Она была очень хорошей женщиной».

Когда она спрашивала об отце, Паст говорил: «Мне о нем ничего не известно».

Когда она спрашивала у брата, Кло отвечал: «Спроси у папы».

Она перестала задавать вопросы, потому что уже поняла, что ответов на них не получит.

В небе кружили канюки, кружили с холодным, пронзительным криком. Словно что-то искали. Словно что-то они потеряли. Давным-давно.

Субботнее утро. Весенний день.

Кло врубил радио на полную громкость, словно пытаясь взорвать машину изнутри волной

мощных двуствольных басов. Когда он останавливался на светофоре, его «шевроле» громыхал, металлический корпус вибрировал, воздух дрожал. Автолик поднес руку ко рту и заорал во весь голос:

— Съезд перед круговым перекрестком.

Кло перестроился в правый ряд и свернул.

— Ненавижу круговые перекрестки! Они начали появляться, когда я был маленьким. Мне нравится гнать по прямой. Где-нибудь остановиться, чего-нибудь выпить. А так поставил на автомат, и сиди — расслабляйся. Даже не надо рулить.

Кло, похоже, вообще не любил рулить. Он опирался руками на руль, как на парту. Длинные крупные пальцы барабанили в такт грохочущей музыке.

Автолик отпил еще глоток из фляжки и надел темные очки, чтобы не щуриться на ярком солнце.

— Скажу тебе одну вещь, которую тебе никто не скажет. Потому что больше никто не знает. Ты меня слушаешь?

Кло приглушил звук, и машину перестало трясти.

— Видишь ли, какое дело… Если бы круговые

перекрестки придумали раньше, вся западная цивилизация развивалась бы по-другому.

— Прямо-таки вся?

— Вся как есть.

— Откуда вы знаете?

— Помнишь историю об Эдипе?

— Каком таком Эдди?

— Парень, который убил отца и женился на матери.

— О нем был сюжет на «Фокс Ньюс»?

— Нет, это случилось довольно давно. Эдип ехал по узкой дороге и повстречал старика в колеснице.

— Не знаю такую машину.

— Да не в машине он был, в колеснице. Этот старик — его звали Лай — был царем. Разумеется, он не желал уступать дорогу какому-то наглому молокососу. А Эдип — парень вспыльчивый, протодемократ, никакого почтения к возрасту и царским регалиям, дорогу тоже не уступает. В общем, дело дошло до драки, и Эдди убил старикашку.

— У него было разрешение на оружие?

— Он просто ударил его по башке.

— Как-то неуважительно.

— Ты послушай! Все произошло на перекрестке.

На перепутье трех дорог. Если бы они еще тогда изобрели круговое движение, то и беды не случилось бы. По правилам, ты проезжаешь первый, я — за тобой. Понимаешь?

— Да. И что?

— Что значит «и что»? А как же Фрейд? Теория психоанализа, одна из важнейших в западном мире, а ты говоришь: «И что»?

— Никогда о такой не слышал.

— Эдипов комплекс! Мужики вовсю убивают отцов и женятся на матерях.

— Где же вовсю? Я вот не знаю ни одного, который так сделал хотя бы раз.

— А больше одного раза не выйдет при всем желании. Сколько у тебя комплектов родителей?

— В смысле, я о таком даже не слышал… Да, кто-то, может быть, спит со своей сестрой… Да, так бывает, но…

— Слушай! Это метафора. Соперничество и запретные желания. И невозможность изжить семейную мелодраму.

— Вы не сказали, что тот старик… царь… был его папой. А где была его мама? Прямо там, в той же машине?

— Да не в машине, а в колеснице! И там ее не было! Его мать-царица сидела дома, у себя во

дворце. Эдип не знал, что старик — его папа. Его усыновила другая семья, и он думал, что он им родной. Ему предсказали, что он убьет своих родителей, а ему не хотелось их убивать, он их любил… Они с ним играли, когда он был маленьким, и купили ему собаку…

— Да, мой папа тоже со мной играл.

— Так что Эдди сбежал из дома. Он не знал, что он был приемным.

— Они ему не сказали? Моя сестра тоже приемная. Детям надо говорить правду.

— Согласен! Бедняга Эдди сбежал, чтобы предсказание не сбылось, но от судьбы не уйдешь. Прямо по дороге он убивает родного отца.

— Нехорошо получилось.

— Ага… В общем, он убивает Лая и идет в город Фивы. Козырное место: бары, клубы, роскошная жизнь. Но тут выясняется, что Фивы тырроризи… террорызы… терроризирует, что твоя мафия, некое чудище по имени Сфинкс.

— Сфинкс? Как фирма белья?

— «Спанкс» — фирма белья. А Сфинкс была женщиной… Ну, ты знаешь такую породу: наполовину чудовище, наполовину Мэрилин Монро. Сфинкс исходила из своей собственной женской логики, вполне разумной с ее точки зрения

и совершенно безумной с точки зрения всех остальных. Каждому, кто проходил мимо, она предлагала такую сделку: садись, выпей вина и послушай загадку. Если ты разгадаешь мою загадку, я оставлю Фивы в покое — у меня есть другие дела в другом месте. Если не разгадаешь, я откушу тебе голову.

— Знаю я таких женщин!

— Эдип разгадывает загадку, благодарные жители Фив избирают его своим царем, и он женится на Иокасте, царице. Она-то теперь овдовела и может вновь выйти замуж. Но Иокаста была его матерью!

— Бедный парень. И что было дальше?

— У Эдипа и Иокасты, его родной матери, родилось четверо детей. Две девочки и два мальчика. Хорошие детки. Немного психически неустойчивые, но это обычные последствия инцеста. А в общем и целом вполне нормальные. А потом в городе началась эпидемия чумы, и какой-то назойливый оракул, в каждой бочке затычка, объявил, что чума будет свирепствовать до тех пор, пока не отыщут убийцу Лая. В те времена люди не знали о вирусах. Считалось, что боги насылают на нас болезни в качестве наказания.

— Сейчас так говорят про СПИД. Даже я пони-

маю, что это бред, хотя я ни разу не врач.

— Понимаешь, сынок, в чем дело: прогресс происходит не с каждым.

— Тут я с вами согласен. Посмотрите на это ржавое корыто впереди нас. И оно еще едет!

— Возможно, сделано в Фивах. В общем, Эдип затевает расследование, и все улики указывают на… него самого! Представь, каково ему было.

— Хреново.

— Не то слово, хреново. Его жена, или мать, или жена-мать, Иокаста бросилась в спальню… В спальню! Сколько оттенков значений! В общем, бросилась она в спальню и там повесилась. Эдип срезал веревку, снял с Иокасты брошь и выколол себе глаза.

— Что, правда?

— Правда. И вся эта история… ключевой аспект западного мышления, миллиард невротиков, миллион психотерапевтов и мудаков, теория литературы, вся эта тревожность, весь этот гонор…

— Теперь его запросто лечат антибиотиками.

— Гонор — это не гонорея.

— Я же сказал, я ни разу не врач.

— В общем, ничего этого не случилось бы, если бы уже тогда изобрели круговые перекрестки.

— Вот же блин!

— Но в круговых перекрестках нет глубины и поэзии, да? В смысле, никто же не скажет всерьез: «Я стою на круговом перекрестке жизни». Нет, везде перепутья. В крайнем случае, перекрестки.

— Вы о чем?

— Сверни на следующем съезде, сынок. И мы дома.

Теперь Кло увидел вывеску. «АВТО ОТ АВТОЛИКА».

— Ой! А я о вас слышал! Вы Автолик! Тот самый! У вас автомобильный музей! Мы переехали из города вскоре после того, как вы тут появились. Вы из Детройта, да?

— Да! Хочешь посмотреть музей?

— У меня нет времени.

— Какой смысл во времени, если его никогда нет?

Кло припарковал «сильверадо», и они с Автоликом выбрались наружу. Из гаража, задним ходом на открытом джипе, выехал молодой парень. Настоящий красавчик.

— Как-то неровно идет! — крикнул Автолик.

— Так мотор-то дерьмовый, — крикнул парень в ответ. Он был в рабочем комбинезоне, заляпанном машинным маслом. На шее болтались массивные защитные очки. Парень заглушил

двигатель и вылез из джипа.

— У меня к тебе дело. Нужно отбуксировать «делореан».

— Опять?!

— Кло… это Зель. Мой помощник, — сказал Автолик. — У нынешней молодежи лишь две разновидности. Либо бульдозеры с мозгами, как щебень, либо выпускники вузов, не чуждые ручного труда. Зель как раз из таких. Умный, страшное дело. Все время читает.

— Моя сестра тоже все время читает, — сказал Кло. — Слушай, я тебя, кажется, видел в «Овчарне».

Зель уставился в пол, словно тот имел сообщить ему нечто важное.

— Ну, в юности я тоже много читал, — сказал Автолик. — Чтение хорошо развивает речь. И обогащает словарный запас. Этот джип, кстати, принадлежал Эрнесту Хемингуэю.

— Запасная канистра принадлежала, да, — буркнул Зель.

Автолик пропустил эту реплику мимо ушей.

— Армейский джип тысяча девятьсот сорокового года. Эрнест Хемингуэй. Писатель. Во Вторую мировую служил в американской армии. В звании майора. Участвовал в освобождении Парижа.

Проехался на этом джипе по всей рю де л'Одеон. Искал тот книжный. «Шекспир и компания».

— Про Шекспира я слышал, но не знал, что он был владельцем книжного магазина.

— Как я понимаю, ты не особый любитель читать, да? Вот держи-ка подарочек.

Автолик выудил из кармана потрепанную книжку в мягкой обложке, уже распадавшуюся по листочкам.

— «И восходит солнце». Эрнест Хемингуэй.

— Спасибо. Отдам сестренке.

— Нет, оставь у себя. У меня дар предвидения: когда-нибудь ты мне скажешь спасибо за эту книжку. А теперь я тебе покажу, что тут есть. Это «понтиак» Мэрилин Монро. Если хорошенько принюхаться, еще можно унюхать «Шанель № 5».

Когда Кло отошел, Автолик схватил Зеля за грудки.

— Хочешь пустить меня по миру? Он покупает «делореан».

— Он?!

— Я могу продать что угодно кому угодно, были бы у них деньги. Надо притащить «делореан».

— Ну ты и жулик.

— С детства мечтал стать жуликом. Это мое

призвание.

— Я не могу ехать за «делореаном». Сегодня мне надо уйти пораньше. Я же тебе говорил.

— Из-за того, что сегодня приедет твой папа? За «Меркурием»?

— Да какой это «Меркурий»? Конструктор с поддельной документацией.

— Вот когда ты мне скажешь, что есть настоящего в этом мире аватаров и клонов, массового производства, репродукций и трехмерной печати, тогда и будешь рассуждать о подлинности и фальшивках. Нашелся мне умник.

— Да мне все равно. Потеряет он деньги, и поделом. Я не поэтому уезжаю пораньше.

Зелю было двадцать с небольшим, совсем с небольшим. Стройный, но широкоплечий. Пышные длинные волосы собраны в хвост, как у девчонки. Когда что-то его беспокоило, он хмуро рассматривал свои ладони, словно читал по ним, что делать дальше. Он уже больше года жил в гараже у Автолика. Просто однажды приехал на стареньком мотоцикле «Роял Энфилд», который сам же и модернизировал, и остался.

Автолик, отнюдь не святой человек, дал парню работу, а позже, когда увидел, что тот спит на кусках поролона, остающегося после ремонта

машин, выделил ему угол в гараже. Зель много работал, читал свои книжки, почти никуда не ходил.

— Тебе надо с ним помириться. Он постоянно о тебе спрашивает.

— Он мой отец. Если захочет мириться, он знает, где меня найти.

— У меня пятеро детей. Я с ними не общаюсь.

— Ты мне не говорил, что у тебя есть дети.

— А я должен тебе рассказывать о моих детях? Мы что, собираемся пожениться? Я тебе лучше другое скажу, поважнее. Сожаления об ошибках настигают нас сами. Не надо гнаться за ними специально.

— Ладно, хватит о моем отце. Ты разрешил мне взять британский родстер.

— Я разрешил? А зачем тебе он?

Зель покраснел.

— У меня свидание.

— С кем?

— Это секрет.

— Я тебе друг или кто?

Зель долго молчал. Потом тихо проговорил:

— Извини, я… кажется, я волнуюсь.

Автолик ухмыльнулся и хлопнул его по плечу.

— Да о чем тут волноваться?! Она точно не

устоит. Но в родстере нет заднего сиденья. Как же вы справитесь?

Зель опустил голову.

— Она не такая.

— Давай без вранья. Вранье, оно для политиков, а мы нормальные люди.

— Мне нужно что-то полегче, чтобы не так съедало бензин. Она защитница окружающей среды.

— Тогда прогуляйтесь пешком.

— Я всю ночь провозился с этим несчастным родстером.

Кло вышел из музея.

— И любую из этих машин можно взять напрокат?

— Да, сэр. В комплекте с музыкой. Зель! Включи-ка нам радио в этой ретромалышке.

Зель нажал на бакелитовую кнопку. Из динамиков грянул «Rock Around the Clock». Автолик подхватил Зеля под руку прежде, чем тот успел отскочить.

— Кло, Кло… Выбирай, что тебе нравится. Всего доллар в час.

— Один доллар?!

— Ну, остальные пятьсот, или тысячу, или две тысячи мы проведем как пожертвования музею.

Лучше наличными, если ты понимаешь. Мне нравится быть не в ладах с законом.

Кло протянул руку для рукопожатия.

— Знаете, было приятно с вами познакомиться, все дела… Я потом привезу папу… А сейчас мне надо ехать. Сестра только что мне написала, и…

Автолик вдруг хлопнул себя по лбу.

— У меня есть идея! Что подарить твоему папе!

— Что?

— Я продам тебе «делореан».

— Вы сами сказали, что продавец вас обманул.

— Да, меня обманули! Я продам его за полцены. Я сам заплатил сто тысяч. Реальная цена — пятьдесят. А тебе уступлю за двадцать пять.

— Он стоит сломанный на шоссе!

— До вечера мы его доведем до ума. Твоему отцу семьдесят?

— Семьдесят.

— Ему разве не хочется вспомнить молодость, повернуть время вспять? Сестра сказала тебе, чтобы ты включил фантазию. Зуб даю, она даже не подозревает, что ты додумаешься до «делореана». Нет, сэр! Зато теперь ей будет ясно, кто из вас двоих босс. Это не просто автомобиль. Это машина времени! Ты покупаешь время, а кому не захочется получить время в подарок на семь-

десят лет?!

— Вы так думаете?

— Я не думаю, я знаю. Отлично! Дай пять! Давай спляшем…

Автолик схватил Кло за руку и принялся выплясывать под «Рок круглые сутки». Это было как танец с огоньком зажигалки на ветру.

— Эй! Я не танцую с парнями! Вы что, гей?

— Я похож на гея?

— Вы как-то странно жестикулируете руками.

—

Я служил в театре кукол. МОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, КЛО!

Праздничный вечер

Раз! Два! Три! Четыре!

Если хочешь узнать, любит он или нет — все в его поцелуе.

«Отчужденные» спели отлично. Свой стиль они называли «хиллбилли соул-банджо», с барабаном, электрогитарой и мелодикой, характерной для женских групп. У них был еще контрабас, на котором играли исключительно пальцами, и синтезатор. Каждый аккорд, словно часть парти-

туры для труб Судного дня. Паст такое умел.

Холли, Полли и Молли назвались «Отчужденными», потому что в младенчестве их подкинули в «окно жизни». Сначала они назывались «Сиротами», но это было уже совсем грустно.

К тому же, рассуждала про себя Пердита, в буквальном смысле ХоллиПоллиМолли — никакие не сироты. Сироты — это дети, чьи родители умерли. Девочки были подкидышами, брошенными детьми. Но кто станет слушать женскую группу под названием «Брошенные дети»?

А потом Холли прочла в школе статью о шести степенях отчуждения, и поскольку все трое обожали виниловый ретросоул вроде «Трех степеней»… и родители бросили их, как чужих, название родилось само собой.

ХоллиПоллиМолли — китаянки-тройняшки.

Так никогда и не выяснилось, кто подбросил их в «окно жизни» в Гуанчжоу. Всех троих удочерила семья английских миссионеров. Их отец, баптистский священник из Хай-Уикома, долгое время служил в Китае, а потом поселился в Новой Богемии. У него были свои собственные соображения о конце света, с которыми Паст категорически не соглашался, но — Апокалипсис, или Армагеддон, — это отнюдь не мешало им

быть друзьями.

ХоллиПоллиМолли были на год старше Пердиты. Они знали друг друга с детства, и в самом начале, когда Паст еще ходил в церковь, он брал с собой и Пердиту.

Холли сильно заикалась. Паст первым заметил, что она не заикается, когда поет, и чтобы помочь ей преодолеть стеснение (она ужасно стеснялась своего заикания), он стал учить девочек петь старый соул, аккомпанируя им на пианино.

В то время он еще не утратил веру, но за последние десять лет от былой веры не осталось уже ничего. Мир становился мрачнее, не ярче. Бедные становились еще беднее, богатые — еще богаче. Люди убивали друг друга во имя Божье. Что же это за Бог, если он поощряет верующих изображать кровожадных персонажей «Мира Воркрафта», рубящих друг друга в фарш?

Если это конец времени, пусть оно открывает ответный огонь в вечность. Пусть его больше не будет.

Паст считал так: весь смысл времени в том, что когда-то оно закончится. Если время продолжается вечно, это уже не время.

И во что тогда верить?

Но Пердита знала, во что верить. Она верила

в себя.

ХоллиПоллиМолли помогали друг другу застегивать молнии на концертных платьях. Пердита чистила зубной щеткой свои розовые замшевые туфли.

— Как думаешь, мне идти на свидание с твоим братом? — спросила Холли. — Он меня пригласил.

— Кло? Он тебя старше в два раза!

— Мне нравятся мужчины постарше.

— Вряд ли стоит идти на свидание с парнем, которому уже за тридцать и он до сих пор живет с папой, — сказала Полли.

— Он не живет с папой. Он управляет семейным бизнесом.

— Он так сказал? — Пердита скорчила рожу в зеркало, перед которым Холли красила губы.

— Ну, по-моему, он милый.

— Никакой он не милый.

— Он твой брат. Тебе трудно судить.

— Он голосует за республиканцев и не может сдать экзамен по бухучету.

— Я неплохо считаю, буду считать за двоих. Ты чего такая злая?

— Она волнуется. Сейчас приедет ее парень.

— Он не мой парень!

Сестры обнялись и пропели хором:

— *Если хочешь узнать, любит она или нет — все в ее поцелуе.*

Пердита густо покраснела и склонилась над туфлями.

— Не дразните его, хорошо? Он стеснительный.

— Это он стеснительный или ты?

Пердита резко выпрямилась.

— Это так странно. Он просто парень. Я просто девушка. Это настолько нормально, что даже жутко. Как будто ешь яйцо всмятку… С вами бывало такое, что вы едите яйцо, смотрите на него и думаете: «Вот яйцо всмятку, вот подставка для яйца, ложка, тост, соль и где-то на заднем плане, вне поля зрения, курица, снесшая это яйцо, и все это так странно»?

ХоллиПоллиМолли уставились на нее во все глаза. Пердита поняла, что с ними ничего подобного не происходило.

Она попробовала еще раз:

— Наверное, я неправильно объясняю. Просто… куда ни глянь… фильмы, книги, телесериалы, песни. Ну, вы знаете, как это бывает. Парень встречает девушку: «Ромео и Джульетта». Девушка встречает парня: «Великий Гэтсби».

Девушка встречает гориллу: «Кинг-Конг». Девушка встречает волка: «Красная Шапочка». Девушка встречает педофила: «Лолита». Не лучший из вариантов. Парень встречает мать: «Царь Эдип». Тоже не лучший из вариантов. Парень встречает девушку с большими проблемами: «Спящая красавица», «Рапунцель». Девушка встречает парня с физическими уродствами: «Король-лягушонок».

Она замолчала. ХоллиПоллиМолли продолжали таращиться на нее. С яйцом ли, без яйца, она несла полную чушь.

— Ладно, давайте уже распеваться, — сказала она.

Зель вырулил со стоянки на темно-красном родстере MGB. Ему нравился родстер. Нравились спицевые колеса и хромированные диски, и большой деревянный руль. И потертые кожаные сиденья.

Ему вообще нравились классические автомобили со старыми радиолами. Он любил слушать радиостанции ретро. Подборки песен из любого десятилетия: пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые. Выбирай любую — и слушай прошлое.

— Я не влюблена, так и знай…

Зель мчался вперед. Широкие дороги, узкие дороги, грунтовые дороги, проселочные дороги. Дороги, которые он себе вообразил. Дороги, которые, как он надеялся, были настоящими. Он проезжал здесь не раз. Оставлял мотоцикл у бара и стоял в дверях, слушал. Она пела в баре по пятницам.

Все толпились у сцены. Он не подходил близко. Он смотрел на нее сквозь толпу, словно в калейдоскоп.

На прошлой неделе она пригласила его на танец, и он мотал головой так, что дрожало все тело. Словно пес, вымокший под дождем.

Она не знала, где он живет. У нее не было номера его телефона и адреса его страницы в Фейсбуке. Иногда он не приезжал несколько недель кряду. А потом вдруг появлялся и снова стоял рядом с выходом, такой аккуратный, такой прямой и неподвижный, словно статуя из полированного металла.

Он никогда не знал, что говорить. Ей хотелось зацеловать его так, чтобы разогнать нерешительность, застрявшую комом у него в горле.

Но она пригласила его на праздник, и он сказал «да».

И вот он стоит у ворот, с волосами, заглажен-

ными назад, в чистых джинсах и белой рубашке, маниакально отглаженной так, что на ней нет ни единой складки, словно ее обкололи ботоксом.

Пердита слышала, как он подъехал. Видела, как он стоит у ворот.

Она подошла к нему, но не сразу. Сначала надо было унять сердцебиение. Что я чувствую? Что происходит в моей душе? Почему что-то настолько личное и сокровенное, как секрет между мной и моею душой, не отличается от сокровенных секретов любого другого? Разве так может быть?

В том, что я чувствую, нет ничего нового, странного и удивительного.

Я себя чувствую совершенно по-новому, странно и удивительно.

И вот теперь они стоят, глядя друг на друга, под табличкой «Добро пожаловать».

Ей хочется, чтобы все, что должно случиться, уже случилось. Чтобы время вмешалось и освободило их. Чтобы у них все началось.

Ему хочется к ней прикоснуться, чтобы открыться ей в этом прикосновении — и она все поймет, и у них все начнется.

Она сказала:

— Привет.

Он сказал:

— Это тебе, — и протянул ей цветы.

Кло закончил развешивать флажки и гирлянды. Закатав рукава выше локтя, он сидел за столом с ХоллиМоллиПолли и пил диетическую колу. Они такие красивые, эти тройняшки. И в два раза младше него. Как там говорится? Зачем одну в тридцать шесть, когда можно двух в восемнадцать? А их вообще трое. Мне нравится.

Пердита с Зелем принесли большую тарелку сардин и крабов.

— Эй! Это ты! Я сразу понял, что это ты! — сказал Кло.

— Вы знакомы? — спросила Пердита у Зеля.

Зелю хотелось провалиться сквозь землю, но деваться было некуда.

— Он знаком с моим боссом.

Холли достала айпад.

— Давайте не будем сейчас говорить о работе. Я тут нашла интересную анкету. Ее составил какой-то старый, может быть, уже покойный белый психолог по имени Артур Арон. Называется «Эксперимент по созданию межличностной близости».

— Э?

— Вроде как, если ответить на все вопросы вме-

сте с кем-то другим, то можно сразу влюбиться друг в друга, а потом пожениться.

— Нам нельзя пожениться. Мы сестры.

— Очень смешно.

— А в кого тут влюбляться?

— Влюбитесь в меня, — сказал Кло. — Я не возражаю.

— Да, но вдруг мы возражаем?

Полли в розовом. Молли в изумрудно-зеленом. Такие красивые, яркие. Холли, лидер группы, в темно-лиловом. С густыми черными волосами до пояса. Она постучала по столу.

— Ладно, ребята. Давайте начнем. Тридцать шесть вопросов. Если кто вдруг почувствует, что влюбляется в Кло, поднимайте руку, и мы сразу же прекратим. Пердита, ты с нами?

Зель украдкой взглянул на Пердиту. Она вообще на него не смотрела.

— Ладно, первый вопрос: если бы вы могли пригласить на обед любого, кого хотите, из любой эпохи, кого бы вы выбрали?

Полли: Мартина Лютера Кинга.
Молли: Дженис Джоплин.
Холли: Бога.
Молли: БОГА нельзя!
Холли: Почему?

Полли: Бог не ест, какой смысл приглашать его на обед?

Холли: Где в Библии сказано, что Бог не ест?

Молли: Зачем ему есть? Он же Бог.

Холли: А почему бы ему не поесть? Будь я Богом, я бы ела все время. Ешь сколько хочешь, и не толстеешь.

Полли: Давайте НЕ БУДЕМ о Боге!

Холли: Ладно, ладно! Пердита, а ты кого пригласишь?

Пердита: Миранду.

Молли: Какую Миранду?

Пердита: Это вымышленный персонаж. У Шекспира.

Холли: Вымышленных персонажей нельзя.

Пердита: Почему? Знаменитости тоже вымышленные персонажи. Если они живые, это не значит, что они настоящие.

Кло: Для меня слишком умно.

Пердита: Она вообще выбрала БОГА.

Кло: Хорошо, папа не слышит, как ты произносишь его имя всуе.

Пердита: Папа больше не верит в Бога. Разве он тебе не говорил?

Кло: ЧТО?!?!?

Холли: Мы играем в ИГРУ! Давайте новый во-

прос. Когда вы последний раз пели вслух? Ну, это просто. Когда вы в последний раз плакали? Э-э… Из-за чего вы в последний раз плакали? Нет, это личное.

Кло: Конечно, личное! Как же влюбиться, если не говорить о личном?

Холли: А ты что, не знаешь? Странно, что ты не знаешь! Любовь существует сама по себе. Взрывная смесь секса с отчаянием. Секса, потому что он все равно будет, а отчаяния, потому что ты одинок. А в КОГО ты влюбляешься, это не важно.

Кло: Сексом можно заняться вообще с кем угодно…

Холли: Нет, вы только послушайте!

Кло: А любовь — это другое. Папа любил маму, как Луна Землю.

Пердита: Он всегда так говорит.

Холли: Я просто рассказываю о последних открытиях ученых насчет любви.

Зель: Они все равно ничего не знают. Кто может знать о любви хоть что-то?

Кло схватил айпад.

— Последний вопрос. Закончите фразу: Мне бы хотелось, чтобы у меня был кто-то, с кем я могу поделиться…

Холли: Собакой. Хотя вопрос должен был бы звучать: «С КЕМ я могу поделиться собакой». Я очень-очень хочу собаку. Лабрадудля?

Кло: Собаку? А как насчет сходить в бар? Крутое свидание, приглушенный свет…

Молли: Мы и так делимся всей одеждой. Один гардероб на троих. Мне бы хотелось, чтобы у меня был кто-то, с кем НЕ НАДО делиться трусами.

Кло: «Апокалипсис сегодня»! Не хочу думать о ваших трусах… Ну то есть хочу. Но не в присутствии сестры.

Пердита: Ну, ты пошляк.

Кло: Зель меня понимает, да, Зель? Он приехал не ради выпивки и угощения.

Пердита: Это точно мой брат? Скажите мне, что это ошибка. Он приехал, потому что я его пригласила.

Кло: Да? Ты его пригласила поесть и выпить? Ну, тогда извини. Зель! Зель! Закончи фразу: Мне бы хотелось, чтобы у меня был кто-то, с кем я могу поделиться… Только без глупостей, здесь дамы.

Зель: Книгой. Я — книгой.

Пердита: Я тоже. Книгой.

ХоллиПоллиМолли захихикали и отвернулись — незаметно настолько, насколько это возможно проделать тройняшкам, одетым в розовое, изу-

мрудно-зеленое и лиловое, — чтобы не смущать Пердиту.

Зель: Какой книгой?

Пердита: Я сейчас читаю книгу, которую дал мне папа. В девятнадцатом веке написана. Автор — Торо.

— «Уолден, или Жизнь в лесу»? Ты читаешь «Уолдена»?

— Да! Ты читал?

— Отец вечно пытался заставить меня прочитать эту книгу, что было глупо на самом деле. Я с ним не разговаривал.

— Там говорится, что жить надо просто. Не стремиться к богатству, а зарабатывать ровно столько, чтобы хватало на жизнь без излишеств. И тогда проживешь жизнь со смыслом.

— Да. Мой отец тоже пытался так жить. Давным-давно, когда был в нашем возрасте. Жил в автофургоне, ездил по рок-фестивалям, не владел никаким имуществом.

— Он до сих пор так живет?

— Нет. Теперь он богатый.

Они рассмеялись, немного неловко, и Зель сказал:

— Я сам не богатый. Работаю в автомастерской.

Но могу починить тебе машину.

— А какую книгу ты дал бы мне почитать, если бы захотел поделиться книгой? — спросила Пердита.

Зель уставился на свои ладони.

— Я читаю серьезные книги… То есть «Уолден» тоже серьезный, но я не читал его из-за отца, извини… Вот прямо сейчас я читаю автобиографию Бенджамина Франклина. Портрет на стодолларовой купюре? В смысле, мы тратим деньги и ничего не знаем о людях, которые на них изображены. Бенджамин Франклин сказал, что если приходится выбирать между свободой и безопасностью, выбирай свободу.

— Думается, в его время еще не было террористов.

— Нас просто ими пугают.

— Не соглашусь. Люди гибнут.

— Да, такое случается. Но один псих с бомбой в рюкзаке… Как часто такое встречается и скольким людям? Зато миллионы, миллиарды людей живут без работы, без дома, без медицинской помощи, без надежды. Мне кажется, это страшнее. И изменение климата на Земле. Войны, засухи, голод…

— Ну, вот. Нам нужна безопасность. Уверен-

ность в завтрашнем дне.

— Нет! Нам нужна свобода. Свобода от контроля корпораций, которые сейчас правят миром ради блага немногих и мешают жить всем остальным.

Пока он говорил, Пердита смотрела на его губы. Ей нравилось то, что он говорил. Но он мог бы говорить что угодно. «Мишка Йоги ест сандвичи с арахисовым маслом». Она подняла руку, потому что ее рука, совершенно сама по себе, собралась прикоснуться к его губам. Но мозг отследил это предательское движение, и Пердита убрала волосы, упавшие на глаза.

Она сказала, стараясь, чтобы ее слова прозвучали провокационно и дерзко:

— Значит, безопасность тебя не волнует. А чего ты боишься?

— Я? — Зель вздохнул и снова уставился на свои ладони. — Наверное, я боюсь быть не таким, как все. Нет, неправда. Я не боюсь быть не таким, как все. Я боюсь, что никогда не найду человека, которому не помешает, что я не такой, как все. Я не стремлюсь к богатству и власти. Я хочу жить настоящей жизнью.

Она смотрела на его темные, длинные ресницы. Смотрела на его кожу, бледную и веснушчатую.

Глаза у него серые, кошачьи. У нее глаза карие, волосы темно-русые. Она была словно кадр крупным планом, до которого не дотянешься, ее глаза, такие красивые и серьезные, были распахнуты ему навстречу. Они склонились друг к другу, он и она, зеркальные отражения друг друга.

Взрыв смеха за столом.

Кло: Последний вопрос. ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС. Слушайте все! Сестренка! Ты первая! Если бы я мог перенестись в будущее, я бы хотел оказаться там вместе с…

С тобой. С тобой. С тобой.

Музыканты на сцене настраивались. Гости уже собирались, заказывали выпить. Смех, радость, старые друзья.

Паст, после душа и одетый в воскресный костюм, расхаживал по бару. *Вот моя жизнь*, думал он. *Вот она, здесь, и это хорошо*.

Банджо запело мелодию.

Паст подошел к столу. ХоллиПоллиМолли спросили:

— Что тебе подарили на день рождения, Паст?

Паст наклонился вперед, опершись руками о стол.

— Мне подарили прекрасного сына и прекрас-

ную дочь. И больше мне ничего не нужно. Ну, разве что песню… Пердита, споешь мою любимую? Парни уже готовы и ждут.

Пердита поднялась из-за стола, встала на цыпочки и поцеловала отца. Потом поднялась на сцену. Парни встретили ее улыбками и кивками. Том на банджо. Вилл на контрабасе. Стив на рожке. Рон на гитаре. Джой на барабане и губной гармошке.

Они заиграли свою кавер-версию старого кавера Бетт Мидлер старой песни Тома Уэйтса. Банджо и голос Пердиты вступили, словно далекая, полузабытая история.

Я покидаю свой дом, покидаю семью. Многих и до меня звало море…

Паст сидел за столом рядом с Кло, потягивал виски, слушал Пердиту, смотрел на нее.

А что, если бы в ту ночь он сделал другой выбор? Что, если бы он развернулся и просто ушел, позабыв о ней?

Какой была бы его жизнь теперь? А ее жизнь?

В ту ночь с грозой, и дождем, и луной, похожей на мандалу света в разрывах туч, как раз луна и подала ему знак. Малышка была словно видимый уголок сложенной карты. Линии где-то внутри, теперь поблекшие: ее настоящие роди-

тели, которых она никогда не узнает, и жизнь, которой больше нет. Другие дороги, по которым она никогда не пройдет. Люди, с которыми она не встретится. Будущее, которого не будет.

Потому что ее родители бросили карту сложенной на столе, а сами ушли.

Это была карта открытий. Никаких больше Северных полюсов, Атлантических океанов или Америк. На Луне уже побывали. И на дне моря.

Но она вышла в мир с чистым листом и компасом — собой.

Нехоженые моря. Неведомые берега.

Песня закончилась. Пердита взяла микрофон и попросила тишины.

— Мой папа, Паст… Вы все его знаете. (КРИКИ И АПЛОДИСМЕНТЫ.) Мы собрались, чтобы отпраздновать его день рождения. (БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ.) Сейчас мы все вместе споем ему «С днем рождения тебя». Но сначала я хочу сказать ему спасибо. За то, что он лучший папа на свете.

Паст поднялся из-за стола. Музыканты заиграли. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЕБЯ.

А потом все услышали…

Что это, гром?

Рев дикого зверя?

Вражеское вторжение?

Апокалипсис?

Все повставали с мест. Ворота распахнулись, словно сами собой.

Ослепительный дальний свет. Рев мотора. Малая скорость, сброшенная со скорости света.

«Делореан».

Зель: О, нет!

Кло: Ешкин кот!

Паст: Что за…?

Двери «делореана» поднялись, будто крылья. Автолик материализовался рядом с машиной, словно был там всегда. В черных зауженных брюках, тонкой черной водолазке и красном жилете.

Он похож на Дьявола, который явился забрать причитающуюся ему плату, подумал Зель.

Разве мы договаривались о покупке? — подумал Кло.

Автолик взгромоздился на стул и поднял руки вверх.

— Я просто доставил заказ. Кло! Кло! Ты где?

Кло выбрался из-за стола, очень жалея о том, что он не умеет становиться невидимым.

— Вот сын, — провозгласил Автолик. — А где отец?

Паст вышел к нему. Автолик схватил его руку и принялся трясти, как заведенный, пока не кончился весь завод.

— Это что? — спросил Паст. — Кабаре на выезде? — Скорее, ангел. Я принес добрую весть. Кло! Кло!

Кло оттащил Автолика в сторонку.

— Разве я что-то подписывал? Я ничего не подписывал.

Автолик достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и принялся его разворачивать. Кло показалось, что бумага дымится. На самом деле дымится.

— Да, да, подписывал… Видишь пламя и следы от копыт? Шутка. Я беру «сильверадо», ты берешь «делореан». Отличный обмен, малыш!

Кло выпрямился в полный рост, повернулся к отцу и откашлялся, прочищая горло.

— Папа, да, папа… с днем рождения. Это твоя машина.

— Моя машина?

Автолик запрыгнул на стул, как дрессированная цирковая собачка.

— Леди и джентльмены! Прошу внимания! С гордостью представляю вам… «ДЕЛОРИАН»!

Многие из присутствующих разразились одоб-

рительными криками. Автолик улыбнулся и скромно потупился, словно только что победил в конкурсе «Мисс Америка». В его глазах блестели слезы.

– *Спасибо. Спасибо*. Слышу, кто-то из вас уже вспомнил. Фильм «Назад в будущее». Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Да, все верно! «Делореан» — это не просто машина. Это машина времени. Как сказал великий писатель Уильям Фолкнер: «Прошлое не умирает. Это даже не прошлое».

(АПЛОДИСМЕНТЫ)

Автолик спрыгнул со стула.

— Паст! Паст, садись в машину! Парень, который придумал эту модель — Джон Делореан, — был ростом шесть футов четыре дюйма. Это солидная, большая машина… Я ее потому и продаю… не дотягиваюсь до педалей. У тебя очень хороший сын.

Голос из толпы: ДАВАЙ, ПАСТ! ОТПРАВЛЯЙСЯ ОБРАТНО В ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ И СПАСАЙ МАРВИНА ГЭЯ!

Паст сел в машину и повернул ключ зажигания.

Мотор не завелся. Паст попробовал еще раз.

Мотор не завелся. Автолик заметно занервничал. Он оттащил Кло в сторонку.

— У тебя есть молоток?

Зель прекратил запускать руки в волосы, подбежал к «делореану» и рывком открыл задний капот.

— Зель! Что ты здесь делаешь?

— Я тебе ГОВОРИЛ, у меня свидание. Только теперь никакого свидания не будет, потому что кто-то, не будем показывать пальцем, ободрал сына и испортил отцу день рождения.

— Не сердись на меня.

— Отойди! Не мешай.

— Тебе нужен молоток?

Зель достал из кармана складной многофункциональный нож.

— У парня золотые руки. Может починить все, что угодно! А я вам расскажу, в чем тут дело. Такие машины подобны породистым скаковым лошадям. Хотите машину, которая ЕДЕТ? Каждый может купить машину, которая ЕДЕТ. Это банально до неприличия. «Делореан» — вот машина, которая не всегда ЕДЕТ, но всегда остается МАШИНОЙ. Я вам сейчас расскажу, что происходит, когда такая машина не ЕДЕТ. Мироздание дарит вам миг чистейшего дзена в мире, одержи-

мом движением вперед. Когда вы в последний раз проверяли свой уровень кортизола? Америка работает на кортизоле. Это вредно для сердца, вредно для холестерина, вредно для мира в семье — ты вечно дерганый и раздражительный. А потом ты садишься в машину — в эту машину, — и она вдруг не ЕДЕТ, и вот тогда ты задаешься вопросом: КУДА Я ЕДУ? ЗАЧЕМ? Вот философия, что всегда под рукой. Это машина-субстанции. Когда ты в ней едешь… или не едешь… эта машина, она, как кот Шредингера. Жива и мертва одновременно. Если ты получил опыт с «делореаном», все остальное уже прах и пыль. Дребедень, не стоящая внимания.

Паст скрестил руки на груди и смотрел на Автолика сверху вниз — он был на полторы головы выше красноречивого торговца всяческой дребеденью.

— И сколько мой сын заплатил за эту философскую машину?

— Да я отдал ее почти даром. По случаю юбилея.

— Сколько именно? Кло? Кло!

И тут «делореан» завелся. Зель отступил от мотора. Его белоснежная рубашка теперь была испачкана машинным маслом. Рубашка и руки.

Из толпы раздались одобрительные крики. Автолик поклонился.

— Вот поэтому автомобили и называют *машинами*, в женском роде. Машины, как женщины, непредсказуемы. Помните, как в той песне у Билли Джоэла? *«Она зачастую нежна и внезапно жестока. Ей никто не указ, она всегда поступает по-своему».*

— Механик поставляется вместе с машиной? — спросил Паст.

Востроносое лицо Автолика озарилось улыбкой.

— Он встречается с твоей дочерью, так что…

— Что?

– *«Для меня она женщина навсегда».*

Паст перевел взгляд с Зеля на Автолика и снова на Зеля.

— Может быть, кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит?

— Мы с вашей дочерью не встречаемся.

— Давайте выпьем! — воскликнул Автолик. — Как говорится, истина в вине. Ну, или в виски. Отличное у тебя место, Паст. Может, сыграем в покер?

Пердита нашла Зеля у изгороди, где он стоял в одиночестве, злой и сердитый. Она подошла

сзади и прикоснулась к его плечу. Зель дернулся, словно на него вылили ведро холодной воды. Он не обернулся.

— Прости, — сказал он.

— Вообще получилось забавно, — сказала Пердита.

Зель обернулся к ней. Она смеялась. У нее за спиной шумел праздник. Гости дивились на «делореан», всем хотелось его потрогать и посидеть за рулем. В саду стоял радостный гул.

Зель слишком часто замыкался в себе, отгораживаясь от всего, в чем ему хотелось участвовать, и смотрел на большой яркий мир в крошечное окошко своего одиночества, тоски и боли, прекрасно осознавая, что он сам загоняет себя в одиночество, боль и тоску, и все равно продолжал изводить себя раз за разом.

Почему она его утешает? Это он должен ее утешать. Она приплыла на крошечной лодочке к острову его одиночества. Ей хотелось забрать его с этого острова и увезти обратно к теплу и свету.

— Пойдем потанцуем?

Он хотел сказать: «Я не умею», — но она уже взяла его за руку и повела к теплым огням.

ХоллиПоллиМолли, певшие на сцене в три голоса, увидели, как Пердита ведет Зеля к танц-

площадке. В данный момент они исполняли песню Бадди Холли, которая очень нравилась Пасту, но Зель в жизни бы не сплясал джайв — к тому же тройняшки знали, что Пердите нужен сейчас вовсе не зажигательный быстрый танец.

Полли на пару секунд отключила свой микрофон и что-то сказала Биллу, контрабасисту. Он передал ее слова музыкантам.

Музыка смолкла, но не успели раздаться первые аплодисменты, как девушки начали новую песню, свою собственную обработку «Как это сладко (что ты меня любишь)» Джеймса Тейлора.

Пердита приобняла Зеля и повела в некоем подобии танца. Зель вдруг понял, что ему это нравится.

— Ты когда-нибудь гулял под дождем просто ради удовольствия промокнуть до нитки?

Зель улыбнулся своей застенчивой и неловкой, но такой светлой улыбкой. Словно солнце выглянуло из-за туч. Он не ответил. Он задал ей встречный вопрос:

— У тебя бывает, что ты встаешь до рассвета или вообще не ложишься, чтобы пойти погулять и не встретить вообще никого?

Она: Ты разговариваешь сам с собой?

Он: Как по-твоему, что лучше: хорошо умереть

или плохо жить?

Она: Тебе нравится смотреть на звезды?

Он: Тебе нравится море?

Она: Это у нас свой набор из тридцати шести вопросов?

Он: Чтобы влюбиться?

Нет, подумала она, *это уже случилось, разве нет?*

Она: Чтобы лучше друг друга узнать?

Он: Мой отец много беседовал с психологами о человеческом поведении. Ему были нужны заданные установки.

— А есть заданные установки?

— Да. Большинство людей вполне предсказуемо. В каждой конкретной ситуации они будут вести себя именно так, как спрогнозировано.

— А чем занимается твой отец?

— Создает компьютерные игры. Но не стрелялки и фэнтези с троллями, а такие… интеллектуально-замороченные.

— Ты живешь с мамой и папой?

— Нет. Мама с отцом никогда и не жили вместе. Это долгая история… Вообще-то он гей. У них с мамой было чисто деловое соглашение. Он хотел сына. Я был амбициозным проектом.

Зель произнес эти слова с такой злостью, что

Пердита уже и не рада была, что спросила. Она погладила его по плечу. Он, кажется, и не заметил ее сочувственное прикосновение. Он выпал из настоящего времени.

— Отец постоянно был рядом, пока мне не исполнилось восемь.

А потом у него приключился какой-то срыв, и с тех пор мы с ним почти не виделись. Он оплачивал все счета. Оплатил мне учебу в университете.

— На автомехаников учат в университете?

— Нет. Я учился на философском факультете. Удивлена?

— Может быть… Я не знаю.

Ты знаешь, подумал он, возвращаясь в настоящее время. *Ты меня знаешь*.

— Ты поддерживаешь связь с отцом?

Зель покачал головой.

— Он много ездит по миру. К тому же он настоящий затворник — если можно назвать затворником человека, который много путешествует. И еще он алкоголик. Так что, когда мы с ним видимся, я даже не знаю, будет он пьяным или трезвым. Обычно он пьян настолько, что кажется трезвым. Это хуже всего.

— Поэтому ты и не пьешь?

Зель сразу замкнулся.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Пердита двигалась в танце, прижавшись к Зелю и пытаясь вести его за собой. Он ощущал сквозь одежду, какая она теплая и мягкая.

— Кажется, я испачкал тебе все платье машинным маслом.

Они оба посмотрели вниз. ГОСПОДИ! ЕЕ ГРУДЬ! Тело Зеля думало за него. Он попытался подумать о чем-то грустном. Больные котята. Подопытные шимпанзе. Зачем он надел тесные джинсы?

— Прошу прощения. Я отлучусь на минутку.

ХоллиПоллиМолли допели последнюю песню перед антрактом. Они увидели, как Зель отошел. Холли уселась на краю сцены и вцепилась в Пердиту.

— Ну, что? Что, ЧТО, ЧТО?

— Что «что»?

— Он тебе нравится, да?

— Он серьезный и милый.

— И СМОТРИ, что он сделал с машиной! У него золотые руки.

— Слушай, давай ты сейчас от меня отстанешь? Я тебя очень люблю, но сейчас меня лучше не трогать. Пойду чего-нибудь съем.

Пердита подошла к буфетному столу, застав-

ленному самой разной едой. Тут же рядом повар жарил креветки с зеленым луком в большом котелке на открытом огне.

Она взяла две порции и нашла свободный столик. Чуть поодаль она увидела папу. Он играл в карты с Автоликом и еще каким-то мужчиной, которого Пердита не знала.

Вскоре вернулся Зель. Он уже успокоился. Нигде ничего не выпячивалось. Пердита улыбнулась ему и протянула тарелку с креветками. Ему это понравилось. Девушка ест с аппетитом и улыбается. Она не жеманилась, не смущалась. Она была очень естественной, настоящей.

— Как ты думаешь, человек сам управляет собственной жизнью? — спросила она.

Зель подумал, что это сложный вопрос. Особенно, если принять во внимание, зачем он сейчас бегал в туалет. Вообще-то он собирался сказать Пердите, что ему нравится ее платье. Но после такого вопроса это прозвучало бы неуместно. Он наблюдал, как она ест. Она ела изящно и неаккуратно — Зель не понимал, как такое возможно, но даже когда Пердита роняла лапшу, она роняла ее элегантно.

Делай так дольше, подумал он. *Делай так вечно. И пусть я буду рядом.*

Он сказал:

— Все зависит от того, во что ты веришь: в свободу воли или в судьбу. Покажи мне ладони — обе ладони. Я сяду поближе.

Это был хороший предлог сесть с ней рядом и прикасаться бедром к ее бедру.

— Ты умеешь гадать по руке?

— Моя мама умеет… Ее предки были рабами на плантациях. Это знание передавалось у них в семье из поколения в поколение по женской линии. Она немножечко ведьма вуду.

Пердита протянула ему левую руку. Зель провел пальцем по ее ладони.

— Это карта, сделанная из кожи. Эта линия, до запястья, называется линией жизни. Странно…

— Что странно?

— В самом начале линии… вот здесь… Видишь, она прерывается? Прерывается полностью. Как будто ты умерла. Но ты точно не умерла. А здесь проходит еще одна линия, словно другая жизнь, которая заслоняет жизнь настоящую… А тут она снова соединяется с главной линией, как рельсовый путь, которым больше не пользуются.

— Это моя другая жизнь, — сказала Пердита. — Я — приемный ребенок.

— А… извини… Я не знал. Мне очень жаль. Я…

— О чем здесь жалеть? Я — приемный ребенок, и что с того?

— А ты никогда не хотела найти своих настоящих родителей?

— Да какие они мне родители? В смысле, кого надо считать настоящим родителем? Того, кто дал тебе жизнь, или того, кто тебя вырастил и воспитал? Я люблю Паста. И он — мой папа.

Зель кивнул.

— Мой отец мне отец, но я совершенно его не знаю. Он мог бы быть чьим угодно отцом. Я мог бы быть чьим угодно сыном.

— А твоя мама?

— С ней все хорошо. Она старалась быть хорошей мамой.

— Моя настоящая мама умерла. Поэтому меня и удочерили.

— Мне очень жаль.

— Перестань так говорить.

Она приложила палец к его губам. Потом наклонилась вперед и поцеловала Зеля. Она целовалась с мальчишками и раньше, но с Зелем все было как будто впервые. Вкус креветок и лайма у него во рту. Он прикоснулся к ее волосам — осторожно и нежно, словно она спала и ему не хотелось ее разбудить. Ему не хотелось, чтобы закончился

этот сон.

Иногда совершенно не важно, что до этого времени было какое-то время. Иногда совершенно не важно, день сейчас или ночь, тогда или теперь. Иногда достаточно только места. Без времени. Не то чтобы время остановилось или не начиналось вообще. Вот оно, время. Оно здесь. И ты тоже здесь. Это мгновение, выхваченное из времени, открывается в целую жизнь.

— Рад, что вы, молодежь, не скучаете, — сказал Автолик, подсаживаясь к ним за столик.

Пердита взглянула на Паста, который все еще играл в карты.

Автолик уныло покачал головой:

— Твой папа играет, как Бог. Я больше с ним не тягаюсь.

— Сколько продул в этот раз? — спросил Зель.

— Ты сейчас говоришь, как моя матушка. Не волнуйся. Вся жизнь — игра. Ты представишь меня юной барышне?

— Я Пердита.

— Очень приятно. А я Автолик. Зель мне много о вас рассказывал.

— Нет! Я тебе ничего не рассказывал!

— Вот так я и понял, что ты настроен серьезно.

— Мы говорили о свободе воли, — сказала Пердита. — Вы верите в свободу воли?

— Теоретически — да, но идею свободной воли изобрели до того, как были придуманы другие понятия, которые делают эту свободу неосуществимой и невозможной — например, секс.

— Что невозможного в сексе?

— Вы еще слишком молоды, чтобы понять. Но давайте не отвлекаться на секс.

— Вы первый заговорили о сексе.

— Вот что бывает, когда старик сидит рядом с хорошенькой юной барышней, но вы не волнуйтесь по этому поводу.

— Она не волнуется, — сказал Зель.

— Спасибо, я могу и сама за себя говорить, — нахмурилась Пердита.

Автолик закивал головой, как китайский болванчик.

— Все верно! Люблю женщин, которые говорят за себя сами! Но вернемся к нашему разговору. По моему скромному мнению, свобода воли неосуществима на свободном рынке. Если я что-то вам продаю, Пердита, и вынужден сделать большую скидку, мне явно невыгодную, где моя свобода воли? Если я что-то у тебя покупаю, Зель, именно у тебя, потому что ты монополист, изображаю-

щий частного предпринимателя, где моя свобода воли?

Пердита сказала:

— Папа дал мне «Уолдена», книгу Торо. Интересно написано. При желании можно выйти из системы. Можно жить по-своему.

Автолик пожал плечами.

— Как там не говорил Иисус? Богатеи всегда пребывают с тобой. Оставь все блага земные, поселись на далеком острове, питайся только латуком, и какой-нибудь предприимчивый капиталист очень скоро наладит челночные рейсы на гидропланах и построит на острове дорогущий курорт, где будут лечить от алкоголизма с помощью уникального салата-латука, которого нет больше нигде в мире.

— А разве вы сами не коммерсант? — спросила Пердита.

Автолик покачал головой:

— Для коммерсанта я слишком честный. Я бесхитростный проходимец.

К их столику подошел Паст вместе с высоким мужчиной, которого Пердита не знала.

— Ну что, сыграем еще партейку? — спросил Паст у Автолика.

— Чем еще рисковать бедному старику?

Незнакомец, стоящий за спиной Зеля, произнес:

— То, чем ты рискуешь, показывает, что ты ценишь.

Зель обернулся и резко встал. Его лицо окаменело, словно под взглядом Медузы горгоны.

— *Папа!*

— Привет, Зель. Автолик мне сказал, что ты будешь здесь. Я заскочил забрать машину и решил приехать сюда вместе с ним. Не хотел тебе мешать. Но мы давненько не виделись.

— Четырнадцать месяцев, — сказал Зель. Его трясло от смущения и злости, и он очень надеялся, что никто этого не заметит. Так бывало всегда, когда он видел отца. Тело напрягалось, мозг отключался. Отец держался непринужденно и сыпал любезностями, а Зель не знал, что говорить. *Уходи. Уходи. Уходи.*

Ксено смерил Зеля оценивающим взглядом, словно выбирал фотомодель.

— Хорошо выглядишь… только рубашка залапана маслом.

Зель покраснел. Ему хотелось ударить отца. Стереть его с лица Земли.

Ксено улыбнулся Пердите. Он был выше сына. Тонкие черты лица, серые глаза. Густые

седые волосы зачесаны назад, как у кинозвезды. Привлекательный, да. И осознающий свою привлекательность. Он был в темно-синем костюме, явно сшитом на заказ, синих замшевых туфлях и розовой футболке. Он протянул руку Пердите.

— Я Ксено. Отец Зеля.

— У вас британский акцент, — сказала Пердита.

— Я англичанин. Зель — американец, потому что его мама — американка. И он вырос здесь.

— Пердита, — сказала Пердита и пожала ему руку. Он отпустил ее руку не сразу. Зель пожалел, что у него нет ножа.

Музыканты заиграли песню Джексона Брауна. «*Останься еще ненадолго*».

Ксено сказал:

— О, «Останься». Моя любимая песня из прошлых времен. Давно это было. Целую жизнь назад. Вас тогда и на свете не было. Потанцуем?

Пердита замялась, но потом улыбнулась и кивнула. Они с Ксено ушли на танцпол.

Зель напоминал ледяную статую. Он не мог пошевелиться. Он не произнес ни слова.

— Да уж, — сказал Автолик. — Семейная жизнь всегда преподносит сюрпризы.

— Он мне не семья, — сказал Зель.

Ксено оказался хорошим танцором.

Он течет, как вода, подумала Пердита.

Он не пытался с ней заговорить. Они просто танцевали, как танцуют люди, умеющие танцевать.

У него была точно такая же, как у Зеля, неспешная, стеснительная улыбка, но на этом сходство отца и сына заканчивалось. Прежде всего из-за отрешенности в лице Ксено. Он был внимателен и любезен, но при этом как будто отсутствовал. Была в нем какая-то внутренняя обособленность.

Другие танцоры освободили им больше места, потому что танцевали они мастерски и на них было приятно смотреть. Пердите нравилось танцевать с Ксено. Это и вправду огромное удовольствие — танцевать с умелым партнером. В какой-то момент Ксено придвинулся ближе и шепнул ей на ухо:

— Со мной вы в безопасности. Я гей.

Зель наблюдал за ним, стоя на краю танцплощадки. Всегда в сторонке, всегда посторонний, каким он себя ощущал с самого детства. Он стоял неподвижной колонной боли, которую не превозмочь, столбом жгучей ярости, которую невозможно изжить. Он не хотел, чтобы Ксено танцевал с Пердитой. В то же время ему хотелось,

чтобы отец танцевал с ним, на какой-то другой танцплощадке, где у него был отец и где у его отца был сын.

Пердита осознавала некую двойственность в Ксено. Выше пояса он был сдержан, учтив и любезен. Он кружил ее, держал ее за руки, двигался больше назад, чем вперед, без напора — но его бедра были словно вода, мчащаяся неудержимым потоком, сметая все на своем пути.

Он был и «да» и «нет» одновременно.

Песня закончилась. Ксено легонько притронулся к спине Пердиты, подтолкнув ее в сторону бара. Он заказал двойную порцию виски «Вудфорд Резерв». Бармен не спросил у Пердиты, что она будет пить — сразу налил ей сок лайма с водой.

Ксено опрокинул виски себе в горло, словно глотал устрицу.

— Вы давно знаете моего сына?

— Не очень давно. Он иногда заходит в бар.

— Я сам здесь частенько бывал. Много лет назад — еще до того, как бар перешел к вашей семье. В те времена это место пользовалось репутацией.

— Какой репутацией?

— Это не важно. Времена меняются. Или мы думаем, что они меняются. Но если меняются времена, меняются ли сами люди?

— Не понимаю, о чем вы…

— Это тоже не важно. Долгая история. Я все время размышляю о времени. Отчасти из-за того, что старею. Не поймите меня неправильно: я не грущу об ушедшей юности. Я не хочу ничего вернуть. Ни фургончик, ни пса, ни книги, ни девочек, ни мальчиков, ни Лео.

— Кто такой Лео?

— Один мой знакомый лев. Из прошлой жизни.

У Пердиты было странное чувство, что глаза Ксено — серые, как магниты — и есть магниты. Он удерживал ее рядом, не прикасаясь к ней.

— Я размышляю о времени, потому что не понимаю его, — в этом мы с вами похожи, но вам и не нужно его понимать, потому что вы еще не верите, что время когда-то закончится. Разве это не странно? Мы считаем себя бессмертными, пока не оказывается, что нет.

Бармен подошел и налил Ксено еще виски. Ксено поднял бокал, салютуя Пердите, и осушил его залпом, словно то был волшебный напиток. Словно он сам был Тристаном, а она — Изольдой.

— Когда ты стареешь, — сказал Ксено, — все происходит внезапно. Как будто ты плывешь в море и вдруг понимаешь, что берег, к которому

ты стремишься, это совсем не тот берег, где все начиналось.

— А где у вас все начиналось?

— В школе-интернате для мальчиков, в Англии. Я любил плавать в море, потому что там было так холодно, что я больше уже ничего не чувствовал.

— У меня часто бывает чувство, что я вся состою из чувств.

Ксено улыбнулся Пердите. В ней было что-то знакомое. Как будто он знал ее всю жизнь. Но этого быть не могло.

Он поднял руку. Бармен снова наполнил его стакан.

— Он тебе нравится? Зель?

— Да.

Ксено кивнул.

А потом она спросила:

— А вам?

Ксено опрокинул в себя виски. Он положил руку на плечо Пердиты, и они вместе вернулись к столику.

Зеля там не было. Кло сидел с видом кота, наевшегося сметаны, лосося, арахисового масла, куриной грудки и умявшего целый вагон (и маленькую тележку) генетически модифицированных мышей, не умеющих бегать.

— Эй! — сказал он. — Кто хочет сыграть?

Он тасовал колоду карт, перекидывая их из руки в руку, словно кожаные складки аккордеона.

— Я отыграл «шевроле», — сказал Кло.

— Да ну? — сказал Паст, который, собственно, и отыграл «шевроле».

На столе стояли большая бутылка виски «Мэйкерс Марк», ведерко со льдом и батарея стаканов. Ксено налил себе полный стакан, словно это был не виски, а лимонад.

— Присоединяйтесь, — сказал Паст.

— Я уже проигрался изрядно, — сказал Ксено. — Мне надо выпить.

— У меня день рождения, — сказал Паст. — Мне везет.

— Или казино всегда в выигрыше? — спросил Ксено. Он залпом выпил свой виски и налил еще.

— Здесь не казино, — сказал Паст.

— Далековато к вам ехать, чтобы просто пропустить стаканчик.

Паст снял карты.

— Так вы играете или нет?

— Я играю, — сказал Ксено. — Поднимем ставки.

Он бросил на стол тысячу долларов.

— Ох, ты ж, святые угодники, — прошептал Кло.

— Ладно, я тоже играю, — сказал Автолик. — Лоуболл или техасский холдем?

— Я пас, — сказал Кло.

— А мне можно сыграть? — спросила Пердита.

— Когда это ты научилась играть в покер? — спросил Кло.

— Я еще не научилась. Сейчас вы меня и научите. Давайте начнем с десяти долларов.

Мужчины рассмеялись. Напряжение разрядилось.

— Можно сыграть в детский покер, — сказал Паст. — Начальная ставка — десять долларов, джентльмены.

Ксено посмотрел на Пердиту.

— Покер — это возможности и варианты. Можно сказать, игроки ищут порядок в беспорядочной вселенной.

— Соглашусь, — сказал Автолик. — Порядок-хаос, порядок-хаос. Можно мне виски со льдом?

— Нельзя предсказать, какие карты придут тебе на руки, — продолжал Ксено. — Но поскольку в колоде пятьдесят две карты, можно вычислить, что может быть на руках у других игроков. Если играть внимательно. Так что играй внимательно.

но.

— Дай-ка я объясню, как оно происходит в реальной жизни, — сказал Паст. — Без философии. Философии мне хватило с «делореаном».

— Вот сейчас было обидно, — пробурчал Автолик.

Паст пропустил его реплику мимо ушей.

— Сдается две карты в закрытую и пять в открытую. В руке у тебя получается семь карт. Нужно выбрать из них комбинацию из пяти карт. Комбинации бывают разные… роял-флеш, стрейт-флеш, две пары…

Зель вернулся к столу. Рубашка на нем была мокрой, но зато пятна от масла исчезли.

— Похоже, мой сын отмылся, — сказал Ксено. — Так вот чем вы тут занимаетесь?

— Вы на что намекаете? — спросил Паст.

— Он пьян, — сказал Зель. — Он всегда пьян.

Ксено налил себе еще виски и в упор посмотрел на сына.

— Я ни на что не намекаю. Я говорю прямо, что раньше здесь заправляла мафия.

— А теперь нет, — сказал Паст.

Пердита взяла Зеля за руку.

— Я учусь играть в покер. Сыграешь с нами?

Зель достал из бумажника десять долларов.

— Я не знал, что ты умеешь играть в покер, — заметил Ксено.

— А что ты вообще обо мне знаешь? — сказал Зель.

— Джентльмены… — перебил их Автолик. — Мы гости на празднике.

— Незваные гости, — сказал Паст. — Но, как сказано в Библии: «Незнакомцам оказывай гостеприимство, ибо то могут быть ангелы в человеческом обличии».

— Я думал, это цитата из Йейтса, — сказал Ксено.

— Если так, то мы знаем, откуда он это взял, — сказал Паст.

— Весело мы играем, — пробурчал Автолик. — Надо было остаться дома. Кло! Клади деньги на стол. Их у тебя сейчас много благодаря неудаче злосчастного старика.

Паст раздал карты. Игра шла медленно, потому что это была не просто игра. Ксено пил, Зель ненавидел, Паст думал, Автолик наблюдал, Кло был Кло, что равнозначно тому, чтобы быть стулом или столом, Пердита училась.

Она выиграла первый раунд. Мужчины зааплодировали.

— Ладно! — сказала она. — Вот мои пятьдесят

долларов. Ставлю их все.

Зель первым положил на стол свои пятьдесят долларов.

— Я плачу мальчику слишком много, — заметил Автолик.

— Не беспокойся о нем, — сказал Ксено. — Я ежемесячно перевожу ему деньги.

— Мне не нужны твои деньги. У тебя все измеряется только в деньгах.

— Раньше я оперировал другой валютой, — сказал Ксено. — Любовь, дружба, доверие, верность. И я себе нравился. А потом обнаружил, что это пустая сентиментальность. Не значащая ничего. На самом деле мы никого не любим, и нас тоже никто не любит.

— Неправда, — сказала Пердита.

— Ты молодая, — сказал Ксено, — ты еще веришь в любовь.

— Потому что ее любят, — сказал Паст.

— А когда больше не будут любить? Почитай Оскара Уайльда, моя дорогая. Всякий убивает то, что он любит.

— Зачем ты приехал? — спросил Зель.

— Хотел повидаться с тобой.

— А где ты был раньше? Все эти годы?

Ксено молчал.

— Ладно, — сказал Паст. — Мы играем или нет?

Ксено положил деньги на стол. На Зеля он не смотрел.

На этот раз мужчины играли по-настоящему.

Второй раунд выиграла Пердита. Она сгребла со стола двести пятьдесят долларов, добавила к ним свои пятьдесят и сделала ставку. Триста.

— Я пас, — сказал Зель.

— Я поставлю за тебя, — сказал Ксено.

— Я сказал, что я пас.

— Я сказал, что поставлю за тебя!

— Я пас, — сказал Кло.

— Ты играешь, — сказал Паст. — Клади деньги на стол и делай, как тебе говорят.

— Кло, помнишь историю, которую я рассказывал сегодня утром? — спросил Автолик. — О царе Эдипе?

— Ну, помню. А что?

— Я вношу изменения. Это отцы убивают своих сыновей.

— А дочерей кто убивает? — спросила Пердита.

— Мы все, — сказал Ксено. — Если герой тебя не убивает… назови его Гамлет, Отелло, Леонт, Дон Жуан, Джеймс Бонд… все равно он пожертвует тобой ради спасения своей души.

— Я один такой тупой? — спросил Кло. — Или

вы тоже не понимаете, о чем он говорит?

— Когда он пьян, — сказал Зель, — он считает себя интересным.

Ксено сказал:

— Однажды мой лучший друг поставил на кон свою жену.

— И вы сыграли? — спросил Паст.

— Нет. Но оба проиграли.

На столе лежало уже четыре тысячи долларов. Автолик раскрыл карты. Стрейт-флеш.

— Благодарю, джентльмены. И прекрасная леди.

— Так, давайте еще один раунд, — сказал Паст.

— Лучше закончить, пока везет. — Автолик поднялся из-за стола и убрал деньги в бумажник.

— У вас упало. — Пердита протянула ему игральную карту, лежавшую на его стуле.

Паст отобрал у нее карту.

— Она не из нашей колоды.

Ксено откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

— Попался, который кусался. Казино не одобряет мухлеж, кроме тех случаев, когда мухлюет оно само.

Паст резко обернулся к Ксено.

— Здесь не казино.

— Нет? Чем вы тут промышляете, Паст? Наркотики? Женщины? Несовершеннолетние девочки? Мальчики? Хотя нет, были бы мальчики, я бы знал.

— Ты совсем головой повернулся? — сказал Зель.

— По-моему, вам лучше уйти, — сказал Паст.

Ксено не сдвинулся с места. Его длинные пальцы напоминают паучьи лапки, подумала Пердита, наблюдая за тем, как они перебегают вверх-вниз по стакану с виски. Как паук, ползающий по стеклу.

Ксено сказал:

— Вы выкупили этот бар у мафии. Я кое-что знаю о здешней жизни. В то время я сам жил здесь, в городе.

Паст с трудом сдерживал ярость.

— Да, раньше бар принадлежал мафии. И я его выкупил.

— От мафии не отделаешься так просто.

— Это верно, — кивнул Автолик.

— Замолчите, — сказал Кло. — Пердита, ты нас не оставишь на пару минут?

— Нет.

— Я попросил тебя уйти.

— Не хочешь, чтобы она узнала, как ее папа

ведет дела? Ожерелье, которое она носит… Его не купить на доходы от рыбного супа и живой музыки в пятницу вечером.

— Это мамино ожерелье, — сказала Пердита.

— Ее мама умерла, — сказал Зель. — А ты грубый, пьяный, самовлюбленный дурак.

Кло поднялся из-за стола. Он был ростом с отца, но в два раза шире в плечах.

— Шел бы ты лесом, Псина, или как ты себя называешь. Тебе еще повезло. Будь тут у нас мафиозное заведение, ты бы уже лежал с пулей в башке.

— Как Тони Гонсалес, — сказал Ксено.

Тишина.

— Тони… Гонсалес… — проговорил Автолик. — Давно это было.

— Кто такой Тони Гонсалес?

— Тебя тогда и на свете не было, — сказал Автолик.

– *Ее тогда и на свете не было*, — медленно повторил Паст.

— У меня где-то есть вырезка из газеты. Вроде как часть местной истории.

— Что за вырезка? — спросил Кло.

— Их ведь так и не поймали, да? Тех, кто его застрелил.

— Их не поймали, — сказал Ксено.

— Они уехали на «БМВ» мексиканца, который тот взял напрокат, а потом сбросили машину с Медвежьего моста. В ту ночь был дождь и гроза. Лило так, словно Господь нам послал повторение потопа.

– *Словно Господь нам послал…* — повторил Паст механическим голосом.

— Мне позвонили, чтобы я забрал разбитую тачку — я тогда в основном занимался утилизацией, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Пистолет, из которого застрелили того мексиканца… он так и валялся в машине, когда я ее забирал. Полиция так и не выяснила, куда делась еще одна пуля. Всего шесть. Две достались мексиканцу. Три остались в обойме.

— Может быть, они стреляли и промахнулись, — сказал Кло.

— Да, может быть. Там был свидетель, санитар из больницы. Сказал, что видел машину с лопнувшей шиной и двух мужиков, менявших колесо под дождем, словно в каком-нибудь фильме-нуар. Но их тоже не нашли, тех двоих. Господи, точно. Теперь я вспоминаю. Недели две-три в новостях только об этом и говорили.

Ксено вылил себе в стакан весь оставшийся

виски.

— Это меня искал Тони Гонсалес.

Тишина.

— Он вез ТЕБЕ деньги и… — начал было Кло, но умолк, так и не договорив. Паст поднялся на ноги. Он стоял, чуть пошатываясь. Его лицо исказилось. Кажется, он пытался что-то сказать… что-то, что так и не будет сказано… и пытался отойти от стола, который оставался на месте, или это сам Паст оставался на месте. Он двигался и говорил… не двигался… не говорил.

— Папа?

Паст упал, словно рухнувший мир.

— Папа? Папа!

Кло принялся легонько бить его по щекам. Вокруг уже собирались люди.

— Звоните в «скорую»! ЗВОНИТЕ В «СКОРУЮ»!

Ночь раскрутилась спиралью, как это бывает в те ночи и дни, когда у тебя похищают время. В те дни и ночи, когда грабят машину по дороге домой, убивают водителя и пассажиров и бросают разбитый автомобиль под дождем.

Ты продвигался по жизни сквозь свои дни и ночи, а потом тебя остановили. Ты думал об ужине или о том, что пора идти спать. Ты не думал о смерти и о потерях. А теперь стало темно, и вода

прибывает, и ты пытаешься выбраться, пока не поздно, но *уже поздно*, потому что то время, когда времени было достаточно, уже вышло. Ты не знаешь, скоро ли будет утро, и стрелки часов в больничной палате ползут по кругу, как насекомое по стеклянной панели — ползет и ползет, пока не умирает.

Резиновая трубка присоединена к кардиомонитору. Маска у него на лице подает кислород из баллона. Его глаза закрыты. Он еще похож на себя, но его глаза закрыты. А потом входят люди в белых халатах и катят его койку по длинному больничному коридору, в лифт, вниз, в подвал, на МРТ, ночные дежурные, они скоро отправятся по домам, лягут спать, они — да, но не ты.

Что они написали стирающимся фломастером на белой доске над койкой? Фамилию врача, принявшего больного, время поступления и «запрещен пероральный прием лекарственных препаратов».

Куда ты ушел?

Она склонилась над ним и поцеловала. Прямо в губы.

Его губы сухие, соленые, безответные. Это жизнь, это не сказка. Любовь его не разбудила.

Два жестких пластиковых стула сдвинуты

вместе. Тонкое синее одеяло пахнет «Деттолом». Спишь рядом с высокой белой кроватью с ее металлическими предохранительными поручнями. Спишь под мигающим монитором его жизни. Там, снаружи, вне капсулы белой палаты — яркий свет на посту дежурной медсестры, неоновое бытие больничных ночей. А здесь, внутри — тусклый ночник, освещающий его лицо, красные, синие, зеленые огоньки на мониторе и фары сотен и сотен машин за окном. Они едут домой. Они — да, а ты — нет. Еще не выпавшие из времени. Они — нет, а ты — да.

Долгие ночные бдения.

Я люблю тебя и ничего не могу сделать.

Когда Пердита вернулась домой из больницы, Кло сидел в гостиной, глядя пустыми глазами в пустой экран выключенного телевизора. Врачи сказали Пердите, что проведут дополнительное обследование. Врачи сказали, чтобы она шла домой отдыхать.

Она поднялась в свою комнату, где солнечный свет расчертил дощатый пол яркими ромбиками. Все казалось таким же, как прежде. Все стало другим. Иллюзорные объекты.

Сначала она спала судорожными урывками, но вскоре заснула по-настоящему. И проснулась

уже под вечер. Она приняла душ, переоделась в чистые джинсы и толстовку и спустилась вниз.

Кло убирал зал после вчерашнего праздника. Он улыбнулся Пердите.

— Будешь есть? У нас осталась гора креветок, я приготовил похлебку.

Они молча сидели за столом. Пока Пердита ела, Кло то и дело поглядывал на нее. Она не ела весь день и страшно проголодалась. Покончив с похлебкой, она посмотрела прямо в глаза Кло. Тот отвел взгляд.

— Кло? Я чего-то не знаю, да?

— Спроси у папы.

— Я не могу спросить у папы. Не знаю, что вчера произошло… Но у папы случился сердечный приступ, и сейчас он в больнице. Так что вчера произошло?

— Я не знаю.

— Скажи мне, пожалуйста.

— Папа хотел все тебе рассказать, когда тебе исполнится восемнадцать.

— Я хочу знать сейчас!

Кло поднялся из-за стола, медленно и натужно, как атлет, выжимающий штангу.

— Дай мне пару минут, хорошо?

Пока Кло не было, Пердита решила убрать со

стола. Она уронила тарелку и разбила ее. Наклонилась собрать осколки и смахнула со стола стакан.

Кло вернулся с большим портфелем-дипломатом и толстой картонной папкой для бумаг.

— Посуду вымою я. Обойдется дешевле.

Кло улыбнулся Пердите, пытаясь хоть как-то ее подбодрить, но она на него не смотрела. Она смотрела на «дипломат» у него в руке. Кло тяжко вздохнул и положил портфель на стол.

Пердите вдруг стало страшно. Ее пугал этот портфель. Эти тусклые металлические замочки. Эта матовая, поблекшая кожа.

Кло начал с папки. Внутри лежали вырезки из газет, распечатки статей, скачанных из Интернета, зернистые фотографии темноты и потоков воды.

— Я собирал их начиная с той ночи, и еще несколько месяцев после. Все ждал, что меня арестуют.

Пердита перебирала вырезки. Мосты, полицейские машины, прогнозы погоды, экстренные сообщения, сломанные жизни.

— Это ты… это папа… вы убили…?

— НЕТ! Я похож на убийцу? Нет. Мы пытались помочь тому парню, Гонсалесу. Мы просто ехали

мимо. Ехали домой. Мы увидели, как его избивали. Остановились, чтобы помочь. Но ничего не успели сделать. Он упал и ударился головой. Мы не знали, что в него стреляли. Когда мы подошли, он был уже мертв. Папа не стал ждать полицию. Ты знаешь, он им не доверяет. Он думал, что нас арестуют и пришьют нам убийство. Мы же черные, сама понимаешь.

Пердита перебирала вырезки.

— Так это вас с папой искала полиция?

Кло кивнул, вцепившись рукой в край стола.

— Скажу тебе, я чуть не помер от страха. Мы с ним — те самые неизвестные двое мужчин в неопознанном автомобиле.

Примерно через неделю после убийства новостные телеканалы начали поиски девочки, прилетевшей из Лондона вместе с Тони Гонсалесом. Исчезло полмиллиона долларов и младенец — девочка, которую в прессе назвали Малышкой М.

Из разговора с родителями ребенка полиция выяснила, что Малышку М. должны были передать близкому другу семьи, о местонахождении которого до сих пор ничего не известно.

Медсестра Анна Кончитас подтвердила, что

мистер Гонсалес приносил ребенка в больницу Святой Марии в ночь с пятницы на субботу и что ребенок был абсолютно здоров, и она не заметила ничего необычного. Миссис Кончитас была последней, кто видел мистера Гонсалеса и Малышку М. Полиция подтвердила, что на заднем сиденье машины обнаружились бутылочки с молочной смесью и упаковка детских подгузников. Мистер Гонсалес оставил багаж в гостиничном номере, из чего можно с уверенностью заключить, что он собирался вернуться в отель.

— Да, я собирал эти вырезки. Но папе их не показывал. Не знаю, что ему было известно. Он не смотрел новости. Не хотел ни о чем говорить. Он принял решение оставить тебя у нас и не хотел ничего больше знать. Первые несколько месяцев он прятал тебя в квартире. Потом мы переехали. Сняли дом в пригороде. Соседи думали, что ты — мой ребенок… Еще один черный оболтус без работы и с ребенком на руках. А Паст — вроде как правильный, набожный дедушка, который замаливает мои грехи. Такие все из себя благочестивые белые люди, которые избивают друг друга за закрытыми дверями, а на черных поглядывают свысока… ну, ты знаешь. А потом он купил этот бар.

— На *те самые* деньги?

— Да, на те самые деньги. И еще он продал нашу старую квартиру. Очень хорошую квартиру. У мамы был страховой полис. Когда она умерла, нам выплатили страховку, и мы сразу закрыли кредит.

— А что Ксено говорил насчет мафии?

— Он был пьяный в дугу. Мы не мафия! Ты видела здесь хоть одного мафиози? Нет!

— Я была там, в машине?

— Нет, в машине тебя не было. Гонсалес, наверное, понял, что там назревает. Он тебя спрятал. Мы с папой думаем, он собирался потом за тобой вернуться.

— Где я была?

Кло явно чувствовал себя неловко.

— Мы заехали на стоянку на заднем дворе больницы, чтобы поменять колесо, и пока я его менял — не видел собственных пальцев из-за дождя, — папа увидел тебя.

— ГДЕ?

— Там в больнице было «окно жизни». Для детишек…

— Как ХоллиПоллиМолли в Гуанчжоу?

— Да, точно так же. С тобой все хорошо?

Пердита тяжело опустилась на стул.

— Рассказывай дальше, — сказала она, потому что боялась, что если сейчас он остановится, то уже не найдет в себе смелости продолжать, а она не найдет в себе смелости его слушать.

— «Окно жизни» просуществовало в больнице несколько лет. Потом некое высокоморальное большинство, кем бы они ни были, добились того, чтобы «окно жизни» убрали. Но сейчас это не важно. Папа сразу сообразил, что все это взаимосвязано: ребенок — это была ты, — тот человек, ограбление… Он поступил, как считал правильным. Я думал, он сошел с ума. Но он не сошел с ума. А через пару недель стали всплывать подробности той истории. Этот Ксено… его нашли… он был в Париже. Вчера я его не узнал — я видел его только на фотографии, и это было сто лет назад. Она где-то здесь, в папке. У него было какое-то длинное иностранное имя. Поликсен, Поликсений… греческое, или бразильское, или, может быть, аргентинское. Темные волосы и борода… Хочешь, найдем фотографию?

Пердита покачала головой.

— Не сейчас.

— Вот тогда нам и надо было бы явиться в полицию и вернуть тебя. Вместе с деньгами. При тебе были деньги. В этом самом портфеле.

Кло открыл портфель.

— Давай, загляни внутрь.

Внутри лежало десять банкнот по сто долларов.

— Видишь? Думаю, папа специально оставил их здесь, чтобы ты посмотрела. Портфель был буквально набит деньгами. Такие толстые пачки, как в фильмах. И драгоценности. Как в сказке.

— Почему вы не пошли в полицию? Из-за денег?

— Нет! Из-за тебя! Папа тебя обожал. Так любил, как никто никого никогда. Он рассуждал так: если тебя кто-то бросил, почему мы должны тебя возвращать? Он думал, тебя отправят в сиротский приют. Он верил, что тебя ему послал Бог. И кто скажет, что это не так?

Пердита собрала деньги, словно это были адресованные ей письма.

— Я очень боялся, что у нас могут быть неприятности. Мы тебе выправили свидетельство о рождении, все по закону: мы нашли женщину, которой нужны были деньги, и она согласилась, чтобы ее записали твоей матерью. А Паст записался отцом. Она ничего не знала. И знать не хотела. Ее волновали лишь деньги. Мы изменили твою дату рождения. И получили все документы,

паспорт, соцобеспечение, все дела.

— Сколько мне лет на самом деле?

— Ты на три месяца старше, чем записано в свидетельстве о рождении.

Пердита молчала. Кло подошел, присел рядом и обнял ее за плечи.

— Ты все равно моя младшая сестренка.

— Правда?

— Как ни прискорбно, но да… Ты всегда будешь моей сестрой. Слушай. Ты знаешь, я не особенно умный. — Он слегка подтолкнул ее локтем. — Ладно, давай уж признайся честно. Сегодня день откровений. Умом я не блещу… даже и не искрю.

Пердита рассмеялась сквозь слезы. Кло прижал ее к себе, крепко-крепко. От него пахло мылом и одеколоном.

— Но я вижу, что происходит вокруг. Несчастные семьи повсюду. Папа бросает семью, мама сидит на таблетках или заводит любовника. Дети ненавидят родителей и уходят из дома, как только у них появляется возможность себя прокормить. Мы семья, потому что мы так хотим. Если бы папу нашли, его бы сразу арестовали. Вот как он хотел, чтобы ты была с нами.

Пердита вытерла мокрое лицо о футболку Кло.

— Отвезешь меня в автомастерскую?

— К Автолику? Зачем?

— Мне надо поговорить с Зелем.

Кло явно не нравилась эта мысль, но он беспрекословно взял куртку и ключи. Уже в машине, с включенным радио, когда они оба сидели, глядя прямо перед собой, потому что есть вещи, о которых проще говорить, когда вы оба смотрите прямо перед собой, Кло сказал:

— Вы с папой… я сказал чистую правду. Это была любовь с первого взгляда. У тебя с ним. Знаешь, ты его починила.

— Починила?

— После маминой смерти в нем что-то сломалось. Его сердце разбилось. А ты его починила.

Кло взял ее за руку. Они ехали молча, каждый — в себе, в своем собственном прошлом, пока городские огни не заставили их сбросить скорость на въезде в вечер, который был здесь и сейчас.

Автолик полировал кузов машины. Он шагнул навстречу Кло и пожал ему руку, положив другую руку на плечо Пердиты. Он ничего не сказал. Слова не нужны.

Зель выехал на доске на колесиках из-под черного «форда» модели Т.

Он поднялся, развел руками и произнес, глядя в пол:

— Мне очень жаль.
Пердита сказала:
— Мне надо поговорить с Ксено.

Со временем откроется для вас

Дом стоял в глубине двора. В доме было темно.

В лунном свете мерцали глицинии, разросшиеся до балюстрады второго этажа. Несколько окон первого этажа утонули под лиловыми соцветиями. Краска на входной двери размягчилась и выцвела в жарком и влажном климате. Высокие ступени крыльца явно не подметали уже очень давно.

Дом походил на иллюстрацию в книжке.

Зель отпер тяжелые кованые ворота, за которыми начиналась гравиевая подъездная дорожка.

Здесь кто-то живет?

Он здесь живет.

Зель повел Пердиту к боковому входу. Кирпичные стены лоснились влагой. Сад разросся и одичал. Природа против человека. Вечная борьба человека за то, чтобы быть человеком. Вечная тревога человеческого бытия.

Держа Пердиту за руку, Зель повел ее вниз

по скользким невысоким ступеням в поросли папоротников — в помещение, когда-то бывшее кухней. Сейчас там устроили кладовую. Зель запустил руку в решетку в кирпичной стене и достал большой ключ, как в самом начале «Синей Бороды».

Зель открыл дверь. Послышалось суматошное шуршание.

— Ты боишься мышей?

Она не боялась мышей.

— Сейчас включу свет.

Щелчок выключателя. Ничего.

Зель снова взял Пердиту за руку и повел за собой вверх по узкой лестнице — лестнице для слуг, что вела в большую прихожую. Он держал над головой телефон, но рассеянный свет от экрана почти не проницал в темноту. Пердита видела тени и двери, утопленные в глубоких нишах. Внушительная, широкая лестница. Когда-то это был благородный дом.

— Начнем с библиотеки. — Зель распахнул деревянные двойные двери.

В спертом воздухе пахло пылью. Ставни были закрыты. На каменной каминной полке стояли две большие церковные свечи. Зель их зажег. Да, так уже лучше. По крайней мере хоть что-то

видно.

Пердита дрожала. В доме было холодно, как часто бывает в домах, покинутых людьми.

— Я разожгу камин.

Зель опустился на колени. Все, что нужно, чтобы разжечь огонь, лежало тут же, словно кто-то давным-давно все приготовил. Словно кто-то хотел растопить камин и погрузиться в уютное тепло от горящих сухих дров.

Две стены в библиотеке занимали книжные шкафы, от пола до потолка. Старые книги, дорогие книги: естественная история, наука и техника, архитектура, биографии исторических личностей. Перед пыльным камином стояли два кожаных кресла, потертых и старых.

— Он любит книги, — сказала Пердита.

— Да. Любит. Когда заканчиваешь читать книгу, можно ее отложить и забыть, и она не попросит, чтобы ты к ней вернулся.

Пердита подошла к высокому окну, закрытому ставнями и решеткой. Она открыла решетку, чтобы дотянуться до ставней и открыть и их тоже, и впустить в комнату лунный свет.

Петли на ставнях были хорошо смазаны, и деревянные створки без труда распахнулись. Пердита провела ладонью по гладкому дереву, думая про

себя, сколько рук открывали и закрывали эти ставни за столько лет: в отчаянии, что снова настала ночь, или в полном равнодушии, или в радости, что наступил новый день.

Она любила старые дома. У нее не было своей истории, и ее неудержимо влекло к историям других людей.

— Сколько лет этому дому?

— Точно не знаю, но он очень старый.

Огонь разгорелся, юное пламя наполнило комнату внезапным светом и обещанием тепла.

Пердита подошла и присела на корточки перед камином.

— Почему ты уверен, что он сейчас дома?

— Он дома.

Зель подошел и присел рядом с ней.

— Если бы я не приехал в бар, ничего этого не случилось бы.

— Что-то случилось бы, так или иначе.

— Ты сейчас говоришь точно, как он.

— Зель, вспомни, пожалуйста… Что тогда происходило?

Зель покачал головой:

— Я не знаю. Он был с нами, приезжал, уезжал, но был с нами, пока мне не исполнилось восемь. Примерно так, да. А потом он исчез. Мы его боль-

ше не видели. Он оплачивал все счета, но сам больше не появлялся. Как будто он умер. У меня был отец, а потом — раз — и отца уже не было.

— То есть он перестал с вами общаться примерно в то время, когда случилось убийство? И деньги, и пропажа ребенка?

Зель кивнул:

— Получается так. Мама об этом не говорила, вообще никогда. А потом мы с ней переехали в Нью-Йорк.

— Ты помнишь, что говорили о том убийстве? Как его звали, убитого? Тони Гонсалес?

— Я не помню. Помню только, как все менялось. Сначала я приезжал сюда на каникулы, первые года два, а потом дом потихоньку пришел в упадок. За ним никто не следил, экономка уволилась. И однажды я прилетел — мне тогда было одиннадцать, — и он не встретил меня в аэропорту. Я прождал его весь день, но он так и не появился. Я позвонил маме, и она договорилась, чтобы меня посадили на ближайший рейс в Нью-Йорк.

— А что случилось?

— Ничего. Я больше не видел его до тех пор, пока не поступил в Сент-Луисский университет. Он купил мне мотоцикл и прикрепил к сиденью записку: «НЕ УБЕЙСЯ. ПАПА».

— Он никогда не возил тебя в Англию?

— Возил. Когда я был маленьким. До того, как все испортилось. И они приезжали сюда.

— Они — это кто?

— Его лучший друг, дядя Леон. Мими, его жена. И Мило, их сын, мой ровесник. Они приезжали сюда, в этот дом, и мы с мамой — тоже, и я был в Лондоне дважды, но плохо помню эти поездки. А почему ты спросила?

— Я думаю, ты мой брат, — сказала Пердита.

Зель вскочил на ноги и побежал. Он бежал. Он обливался потом. Грудь болела, словно в нее со всей силы ударили кирпичом. Она была его новым миром, не старым, а новым. Она была землей на горизонте. Она была, словно счастливый случай во времени. Он ее целовал. И хотел целовать вновь и вновь. Он ненавидел отца.

Пердита бросилась следом за ним в большую темную прихожую, подсвеченную мерцанием свечей и камина из библиотеки. Она слышала, как он бежит по гравию снаружи. В это мгновение она не чувствовала ничего: ни страха, ни грусти, ни удивления, ни желания действовать. Все затмило пронзительное ощущение неизбежности, которое она даже не переживала, а как

бы наблюдала со стороны. Как будто это была не она, а кто-то другой. Вот к чему все пришло. Вот к чему все стремилось. Вот она, ее собственная координата во времени.

А потом в темноте разлился свет. Огромная люстра вспыхнула под потолком, словно сигнал к началу бала. Музыка. Наверху.

«Смейся над этим, кричи об этом, когда надо будет сделать выбор. Но, как ни крути, ты проиграл…»

Пердита встала у подножия широкой лестницы — широкой настолько, что по ней одновременно могли бы подняться три человека, бок о бок. После первой площадки лестница разделялась на две, одна вела влево, другая — вправо.

Пердита поднялась на первую площадку.

«Это маленький секрет, он касается только Робинсонов. Самое главное, надо беречь его от детей…»

Все двери открыты. Спальни, тихие и пустые, где никто больше не спит. Лестница слева — короткая, узкая. Видимо, раньше там располагались комнаты прислуги.

Теперь музыка сделалась громче. Маленькая дверь наверху распахнута настежь.

Пердита подошла и встала в дверном проеме.

Огромная комната — просторный чердак по всей длине и ширине дома. Мебель в розовых и голубых тонах, ковры, лампы, картины, диваны. Скошенная стеклянная крыша с видом на звезды.

Длинный стол из светлого дерева заставлен компьютерной техникой. Экран во всю стену.

Это Париж?

Париж, захваченный падшими ангелами.

Ксено обернулся, поднялся из-за стола. Он был в идеально потертых джинсах и новенькой белой футболке. Без обуви, босиком. На столе стояла бутылка виски «Вудфорд Резерв». Ксено приподнял бутылку, глядя на Пердиту. Она покачала головой. Ксено налил себе.

— Как твой папа?

— Состояние стабильное.

Ксено кивнул. Она его завораживала. В ней не было страха, и он вдруг понял, что боится ее.

— Я пришла поговорить. О том, что вы сказали вчера.

Ксено отпил виски.

— Думаю, ты не играешь в компьютерные игры? Женщины обычно не играют. Не потому, что они глупее мужчин, просто создатели игр не рассчитывают на женщин — как и создатели

автомобилей, за исключением маленьких, слабеньких «женских» машинок. Я никогда этого не понимал.

Ксено повернулся обратно к экрану и нажал кнопку «продолжить игру». Персонаж с лицом Ксено стоял на пустой улице, где шел снег из белых перьев.

— Что вы делаете?

— Сейчас собираю перья. Хочешь помочь мне? Сейчас.

Ксено взял со стола айпод, сфотографировал Пердиту и загрузил фотографию в базу. Пока он говорил, ее фотография превратилась в персонажа, и Пердита вошла в игру.

— Я создаю компьютерные игры. Обычные игры: аварии, взрывы, тролли, мечи и доспехи, потерянные сокровища. Но я пытаюсь создать и другую игру, принципиально другую. Ты замечала, что в девяноста процентах компьютерных игр мускулистые белые парни в татуировках, с короткими стрижками и непременно на угнанной тачке крушат всех и вся? Прямо какой-то хардкорный гей-клуб на военной базе. А эта игра… «Разрыв во времени»… полностью моя разработка. Я начал ее создавать уже очень давно. Еще до того, как все случилось.

— Что случилось?

— Конец света.

Он напряженно смотрел на экран. Она знала, что надо дать ему выговориться, надо дать ему доиграть — и попытаться понять. Ей казалось, что он сумасшедший, но если сейчас она не согласится с этим безумием, она никогда не узнает правду.

— Ты говоришь по-французски? — спросил Ксено.

— Нет.

Ксено крутанулся на стуле, вытянул ноги и пошевелил пальцами. Пальцы у него на ногах были длинными, почти как на руках, и Пердита снова подумала о пауке, на этот раз — о пауке, сидящем в паутине, что оплетала весь дом.

Он отпил виски.

— Был такой французский поэт, Жерар де Нерваль. В девятнадцатом веке. Он покончил с собой. Незадолго до самоубийства ему приснился сон об ангеле, упавшем во двор-колодец внутри старых, уже разрушавшихся домов, где жил сам Нерваль. Двор был узким, как труба между четырьмя высокими домами, и лишь наверху — маленький квадратик неба. Ангел приземлился на покатую крышу, не удержался и рухнул вниз.

Ангел застрял в колодце. Он не мог спастись. Потому что не мог расправить крылья и улететь.

Голова ангела, попавшегося в каменную ловушку, оказалась на уровне окон верхних этажей. Там жила девочка. Она садилась на подоконник, поджав под себя колени, чтобы было не так холодно, и подолгу беседовала с ангелом. Она пересказывала ему сказки, которые ей рассказывала ее мама, сказки о потерях и о находках, и ангел ее полюбил.

Иногда по ночам она ставила на подоконник зажженную свечу и сидела с ангелом, потому что она понимала, как ему одиноко.

Шли недели, ангел умирал. Умирая, он уменьшался, и девочка спускалась с этажа на этаж, от окна к окну, чтобы всегда оставаться вровень с большой головой упавшего ангела. Она гладила его потускневшие волосы.

В конце концов перья на всех его шести крыльях начали выпадать. Ангел таял, превращаясь в огромную кучу перьев. Он позвал девочку, его голос подобен был реву трубы, и девочка вышла во двор. Она утонула в перьях, словно в сугробе, и ангел поднял ее, собрав последние силы, и усадил на длинный оконный карниз прямо над ним.

— Возьми алмазные перья, — сказал он. — Два

пера у меня на ключицах. Возьми их себе.

Девочка не хотела брать перья, потому что она знала: ему будет больно.

— Возьми. Сохрани их у себя. Одно перо — Полет любви. Другое — Полет времени.

Девочка попробовала вырвать перья, но они не поддались.

— Возьми ножик и вырежи их, — сказал ангел. — Я отвернусь.

И она взяла ножик и вырезала два алмазных пера. Они сияли на белом снегу. И ангел умер. Налетел сильный ветер, заполнил весь двор, и девочка закрыла лицо руками и съежилась на карнизе, вжавшись в стену, чтобы ее не сдуло. Белые перья поднялись в синий морозный воздух и полетели над городом, словно птицы. Но алмазные перья не улетели. Они были крепкими, как обещания, которые обязательно сдержат. Птицы поют. Рыбы плывут. Время проходит. Девочка выросла и переехала из того дома.

— Нерваль ограничился только упавшим ангелом, — продолжал Ксено. — Только тем, что было в его сне. А меня влекли девочка и обещание. Я попытался представить, что было дальше. Поначалу это была красивая мечта. Мне представлялся город, где каждое из улетевших перьев

превратилось в ангела. Это было бы очень красиво — вырастить ангела из пера. Но потом я увидел, что это падшие ангелы. Темные ангелы смерти. Они пожелали забрать город себе. Чтобы он омертвел, как они сами. Ангелы настропалили мужчин против женщин, женщин — против детей. Не осталось ни жалости, ни справедливости — только страх и наслаждение болью. Это был падший мир. С каждым днем город все глубже и глубже погружался во тьму.

— На улице нет никого, кроме нас, — сказала Пердита.

— Скоро комендантский час.

— Зачем мы собираем перья?

— Перья, упавшие на твердую поверхность — на асфальт, на камни, на сухую землю, — не могут прорасти. Это хорошо. Люди используют их как топливо и набивают ими одеяла, потому что в городе холодно. Но лучше их уничтожать. Понимаешь, если перо контактирует с огнем — даже с электрической искрой, — оно мгновенно сгорает и превращается в Ангела-Наблюдателя. С глазами на крыльях. Если перо контактирует с водой, оно разбухает и превращается в Ангела-Водяного. Они обитают в метро, и в тоннелях канализации, и в катакомбах Парижа.

— В игре девять уровней. На четвертом уровне дается возможность путешествовать во времени. В любом месте игры можно «заморозить» выбранный эпизод, действие или событие, и вернуться к нему позже — потому что, возможно, тебе захочется отменить случившееся и сделать все по-другому. Наверное, именно этого я и хотел: отменить случившееся.

— И что мне делать с этим мешком перьев? — спросила Пердита.

— У меня есть друг, который превращает их в кур. Городу нужна еда. Жители разделены на участников Сопротивления и коллаборационистов. Если ты выступаешь за ангелов, здесь это воспринимается по-другому.

— Мы сейчас на первом уровне?

— Первый уровень — это трагический план. Зловещий. Катастрофический. Пагубный. Жуткий. Разрушительный. Бедственный. Безотрадный. Ужасающий. Лживый. Злосчастный. Но трагедия даже не в этом. Тут все, как в жизни. Жизнь трагична, потому что, помимо горя, в ней присутствует гордость и красота, счастливый случай и оптимизм, смелость, самопожертвование, борьба, надежда и доброта. И все это есть в игре.

Пердита и Ксено прошли сквозь снегопад мимо

книжного магазина.

— «Шекспир и компания». Они тоже из Сопротивления. Можешь переночевать здесь. Или можем пойти ко мне. Мой дом тут, за углом. Квартира прямо под квартирой Мими.

— Мими?

— Бывшая жена Лео.

— Вы сказали, что хотели бы отменить случившееся. Что именно?

— Ты видела фильмы о Супермене? Наверное, нет. Молодые сейчас их не смотрят.

Он не стал дожидаться ответа.

— Мой друг Лео любил тот фильм, где Лоис Лейн погибает в автомобиле, но Супермен ее спасает. Он раскрутил Землю в обратную сторону и повернул время вспять.

— Кто такой Лео?

— Ты уже спрашивала.

— Теперь это другой вопрос.

— Он едва не убил меня. Дважды. Я не мог рисковать и ждать третьего раза.

— Он где-то здесь?

— В игре? Да. Так мы с ним держим связь. Он сейчас где-то в городе. Я его чувствую. Идет в окружении своих приверженцев. Он любит толпы.

— Он тоже собирает перья?

Ксено рассмеялся.

— Лео? Чтобы он занялся грязной работой? Нет. Но он все равно бы не стал собирать перья. Лео — Архангел.

Там и тут холодный пустой город освещается всполохами пламени. На улицах мужчины и женщины греются у огня, который зажгли не они и не могут его погасить. Хранители огня — ангелы.

— Расскажите мне, что случилось, — попросила Пердита.

— Родился ребенок. Лео был уверен, что отец — я. Он не верил ни мне, ни своей жене, ни анализу ДНК. Анализ ДНК точен на девяносто девять процентов, но Лео решил для себя, что его случай входит в тот самый один процент.

— Что он сделал с ребенком?

— Отправил девочку мне, но она до меня не доехала.

Пердита спросила:

— Так кто отец? Вы?

— Нет. Да. Отец — Лео. Я любил их обоих. Лео и Мими. Я был влюблен в них обоих. И я всегда хотел дочь.

— Зель говорил, вы хотели сына.

— Он мой сын. Да, он мой сын. Строго говоря, я его отец. Строго говоря, Лео — отец девочки. Это

факты, но правда ли это, вот в чем вопрос. Разве я был для Зеля хорошим отцом? Правда в том, что мне надо было жениться на Мими. Мне. Не Лео, а мне. Был момент… мне и вправду казалось, что она меня любит, и мне вправду казалось, что я тоже ее люблю, так сильно люблю, что готов все изменить, но он так отчаянно ее хотел… а Лео всегда получает, что хочет. У меня никогда не было серьезных отношений с женщиной, и я сам не знал, чего хочу, думал, что у меня ничего не получится, думал, какая, по сути, разница? Все равно мы всегда будем вместе, втроем. Я буду любить их обоих, я всегда буду с ними. Если они захотят, я стану любовником их обоих. Иногда мне казалось, что Мими этого хочет.

Она мне доверяла. Со мной ей было комфортно, физически комфортно, скорее всего, потому, что между нами не было эротического напряжения, как с Лео. Лео человек властный, уверенный в себе… мудак, каких поискать… Но он знает, чего хочет, и всегда добивается, чего хочет… Это весьма привлекательная черта. Мне кажется, привлекательная. Когда-то мы были любовниками — еще в школе. Не знаю, как он к этому относился. Но для меня это было по-настоящему.

Мими с ним рассталась — на год. Я ничего не

предпринял. А потом он попросил меня съездить к ней и уговорить вернуться к нему. Вдруг оказалось, что сам он не может. Тогда-то я понял, как для него это важно. Он был искренен в кои-то веки, без своего вечного самодовольства. И я поехал ее возвращать, и мне кажется… нет, я уверен… и сейчас тоже уверен, хотя прошло столько лет… что в те выходные мы с Мими влюбились друг в друга. Но я оказался последним трусом.

Ксено отпил еще виски, но не проглотил, а отошел к раковине в углу и выплюнул все, что набрал в рот. Он обернулся к Пердите, вытирая губы тыльной стороной ладони, и как-то разом утратил всю свою небрежную элегантность. Он сделался просто усталым и пьяным мужчиной с налитыми кровью глазами.

— Он отправил ребенка ко мне, а меня не оказалось на месте. Понимаешь, что это значит? МЕНЯ НЕ ОКАЗАЛОСЬ НА МЕСТЕ.

Пердита сидела, не шевелясь. Как добыча. Как добыча, которая затаилась, спасаясь от хищника.

— Больше незачем лгать, — сказал Ксено. — Теперь уже незачем. Потому что прошлое не изменишь. Ты хочешь знать правду? Да, кажется, хочешь. Вот тебе правда. Меня не оказалось на месте. Я был здесь. В этом доме. Я был здесь, когда

Тони Гонсалес приехал ко мне с ребенком. Лео мне написал по электронной почте. Я ему не поверил. А когда все случилось, я подумал, что Тони просто вернется домой вместе с девочкой и отдаст ее Мими. Я не знал о деньгах. Лео отправил мне деньги, чтобы меня оскорбить. Он мог бы перевести их на мой банковский счет, и я тут же отправил бы их обратно. Но он передал мне наличные. Целый портфель наличных. Такое большое «УТРИСЬ». Но кто-то узнал о деньгах. Наверное, им передал информацию кто-то из сотрудников банка. По криминальным стандартам это были совсем не большие деньги, но выкрасть их из отеля не составляло труда. Легкая добыча. Жаль терять то, что само идет в руки. Но все пошло не так, как было задумано.

— А что сделала Мими?

— Мими? Иди сюда. Смотри.

Они завернули за угол и вышли на Сен-Жюльен-ле-Повр. Высокие, тихие здания смотрели темными окнами в темноту.

И лишь высоко-высоко, под самой крышей, теплился крошечный огонек в маленьком окошке.

— Мими живет здесь. Но она больше не поет. Не эта Мими… не та, что в игре… а настоящая, в реальной жизни.

Ксено умолк на мгновение и продолжил:

— Если бы я мог отменить случившееся… А потом я подумал, что сделал свой выбор, потому что не мог выбрать что-то другое. Потому что меня-то, по сути, и не было. Выбирать было некому. Свобода воли проявляется только тогда, когда ты сильнее мгновения, в которое пойман. Речь не о судьбе. Я не верю в судьбу. А ты веришь?

Он не стал дожидаться ответа.

— Наши привычки и страхи делают выбор за нас. Мы — алгоритмы самих себя: *если тебе нравится это, то, скорее всего, и вон то тоже понравится*.

— Не в игре, Ксено, — сказала Пердита. — В реальной жизни. Мими умерла?

— Лучше спроси, жива ли она до сих пор, — сказал Ксено. — Нет, не жива. В том смысле, в каком «быть живым» означает «жить». Включить тебе ее песни? Хочешь послушать?

— Она записывала свои песни?

— Смотри, вот она.

— Она беременна.

— Да. Это та самая ночь. Когда Лео попытался убить меня во второй раз. Когда родился ребенок.

— Лео живет в Лондоне?

— Да. Теперь он исправился. Стал прямо ангел. Жертвует деньги на благотворительные проекты в помощь детям. Сейчас найду его в Гугле. *Voilà!* Или *eccola*! Его мать была итальянкой. Папа — немец. С виду Лео похож на немецкого банкира, а ведет себя как итальянский мафиози… Паршивые деньги в паршивых портфелях, наезды на человека… Вот, смотри: «СИЦИЛИЯ — ПОТОМУ ЧТО ЛЮБОВЬ СТОИТ ДЕНЕГ». И вот список проектов, которые они поддержали: строительство школ, рытье колодцев, стипендии для одаренных детей, закупки медицинского оборудования для больниц. Весьма впечатляюще. Но Лео умеет производить впечатление. Впрочем, есть что-то, что говорит в его пользу, и иногда я даже верю, что он огорчается искренне: он больше не женился.

На огромном, во всю стену экране Ксено открыл фотографию Лео, а Мими продолжала петь:

– Он падает, падает… он влюбляется, как падает в бездну.

Ксено сказал:

— У Лео пристрастие к пропастям — он обрушил всю свою жизнь. И меня прихватил, когда падал.

— Как тебе нравится упиваться жалостью к себе, — сказал Зель.

Ксено обернулся к нему.

— Зель… я тебя не заметил.

— Все, как всегда, — усмехнулся Зель.

— Зель, мы можем поговорить? — спросил Ксено.

— Нет, не можем. Не можем, потому что не говорим, и не говорим, потому что не можем.

— Где тебя этому научили? На философском?

— Тебе обязательно нужно ударить в ответ? Да еще побольнее?

Ксено оперся руками о край стола.

— Зель, если бы я мог все изменить…

— Речь не о прошлом, — сказала Пердита. — Нельзя изменить то, что в прошлом. Но изменить настоящее можно.

— Похоже на надпись на магнитике для холодильника, — сказал Ксено.

Зель сказал:

— Ты считаешь себя героем, сломленным обстоятельствами? Но ты попросту трус. Ты управляешь собственной жизнью, избегая ее: отношений, детей, людей. Ты не умеешь любить, вот и все. Разыгрываешь из себя благородную и трагическую фигуру, но ты не трагичен и не благороден, ты просто жалок.

— А ты? — спросил Ксено. — Ты вдруг стал настоящим экспертом в любви?

— Ему не надо становиться экспертом, — сказала Пердита. — Надо просто пытаться любить.

Она подошла к Зелю и взяла его за руку. Ксено кивнул, улыбнувшись улыбкой, на улыбку совсем не похожей.

— «Любовь — неведомое имя тех рук, что ткут рубашку из огня, и нет того огня невыносимей».

Он снял футболку. У него на плечах были шрамы. Он расстегнул пояс и пуговицы на джинсах и снял и их тоже. Повернулся спиной к Зелю с Пердитой и спустил трусы.

На его бедрах виднелись побледневшие красные линии — шрамы после операции по восстановлению тазовых костей. Но он хотел показать не шрамы. Он хотел показать татуировку.

Два крыла, выраставшие из копчика и обнимавшие туловище с боков.

— Я думал, что умею летать, — сказал Ксено, — но умел только падать.

Антракт

Зель отвез Пердиту домой.

По широким улицам, сквозь резкий свет и скопления машин. Сквозь жизни, которые никогда не кончаются.

Жизни, которые никогда даже не начинались. Люди по дороге домой с работы. Пьяные, не стоящие на ногах. Такси притормаживают и уносятся прочь. Собака у кучи мусора, женщина в окне, чернокожий бездомный, спящий на листе фанеры у входа в магазин уцененных товаров.

НИЧЕГО НЕ ОСТАНЕТСЯ

Отель со шлюхами, скучающими в фойе. Ночной портье угощает их кофе. Круглосуточная прачечная-автомат пышет паром и слепит ярким светом. Ребенок, которому уже давно пора спать. Мама держит его за руку. Он спотыкается через каждые три шага, чуть не падает, мама его поднимает, у нее на плече висит большая дорожная сумка. Со сломанной молнией. Она что-то ему говорит, говорит, не умолкая, но смотрит прямо вперед.

Парень рассказывает своей девушке, как оно

есть. Девушка не отрывается от телефона.

Монахиня в ожидании ночного автобуса. Автобус приходит. Монахиня уезжает.

И мы с тобой, ты и я, в этой машине, где были всегда и где будем всегда, этой ночью, на этой дороге, даже когда нас не станет, и дороги не станет, и города тоже, мы все равно будем здесь, потому что все, что случилось однажды, во время впечатывается уже навсегда.

В доме и баре было темно. Почти три часа ночи.

Зель заглушил двигатель, и дальше машина катилась сама, пока не остановилась.

Пердита вылезла из машины через бортик, чтобы Кло не услышал, как хлопает дверца.

— Зель?

На лестнице было темно, и он держал ее за руку, и она привела его к себе в комнату и не стала включать свет. Они быстро разделись, потому что оба стеснялись. Пердита забралась в постель. Зель лег рядом, кровь шумела в ушах, как Ниагарский водопад. Она обняла его и прижала к себе.

— Я рада, что ты не мой брат.

В этой пропитанной ночью постели — с тобой — я ищу мужество, чтобы встретить грядущий

день. И когда будет свет, я смогу повернуться к нему лицом. Нет ничего проще. Нет ничего сложнее. Утром мы вместе оденемся и уйдем.

Там, в игре, Ксено расправился с Ангелом и забрал его крылья. На короткое время он обрел способность летать. Ненадолго. В этой игре надо было суметь избежать падения, когда крылья откажут — так происходило всегда, — как у Икара, глядящего прямо на солнце.

Но сейчас он взмыл ввысь сквозь перьевой снег и снежные перья и заглянул в окно Мими. Он завис на одной высоте, удерживаясь на месте медленными взмахами крыльев. Он завис в воздухе и смотрел.

Она такая же, как всегда. Лежит, как каменный рыцарь на гробнице в часовне. Белая, сделанная из камня. Комната с окнами, выходящими на собор Парижской Богоматери, была крошечным белым миром, где ничто не шевелилось, ничто не менялось. И Мими — Спящая красавица, которая не проснется. Для нее нет поцелуя.

Она всегда была здесь, но могла быть где угодно. Бродить, как статуя, по саду скульптур. Живая и не живая. Спящая и не спящая. Иногда она приходит к реке. Говорят, это она.

Ксено бился в окно, как мотылек.

Он был здесь не единственным гостем. Лео примчался и ударился о стекло, которое не разобьется. Он хлестал дом могучими крыльями. Обещал. Умолял. Бесновался. Рыдал. На подоконнике, на коленях, посреди снежной бури, которую сам же и вызвал.

Ничего не изменилось.

Действие третье
Дух, что покоя не обрел

Паулина организовала для Лео встречу с представителями местных жителей. Они должны были встретиться в Раундхаусе и обсудить планы «Сицилии» по сносу театра и строительству на его месте двух двадцатиэтажных башен, предназначенных, как говорят застройщики, для «содержательного, современного жилого пространства».

План предусматривал строительство кинотеатра на 250 мест с гарантированным субсидированием на десять лет и квартала малоэтажных домов — социальное жилье умеренной стоимости, с видом на вокзал Юстон. Бюджетная часть микрорайона будет отделена от дорогого квартала стеной падающей воды, спроектированной художницей Рони Хорн. Смысл был в том, чтобы дизайнерский водопад защищал дома класса «люкс» от шума вокзала.

Противники застройки говорили, что жители бюджетных домов будут чувствовать себя обитателями унитаза, где постоянно спускают воду.

— Даешь людям что-то задаром, и все им будет не так, — сказал Лео. — Когда они платят за что-то деньги, они это ценят.

— Не все любят воду, — сказала Паулина. — Тем более дизайнерскую воду, которой их ограждают, как в резервации.

— А лесопарк? Ладно, ДИЗАЙНЕРСКИЙ лесопарк. Микрорайон, окруженный березовой рощей. Романтично, как в старой России.

— Покупатели будут чувствовать себя как дома, — сухо проговорила Паулина.

— Тебе не угодишь, — сказал Лео.

— Лео, зачем им березки? Тем, кто живет у вокзала. Нужно, чтобы там было больше зелени.

— Ну, давай забросаем квартал консервированным зеленым горошком.

— Лео! Если хочешь, чтобы все прошло гладко, будь реалистом!

— Все и так пройдет гладко! Я подкупил всех, кого можно. В смысле, дал каждому, кто хоть что-то решает, именно то, что им нужно. Вложился в искусство, оплатил строительство детских яслей, договорился о строительстве жилого квартала для неимущих…

— Ну, так выдели деньги на детскую площадку в бюджетном квартале. У детей должен быть

нормальный двор.

— Дети давно не гуляют во дворах, если их не выгнать на улицу силой. Дети даже не знают, что можно ГУЛЯТЬ ВО ДВОРЕ. Школа, машина, своя комната, комнаты друзей, машина, торговый центр, Фейсбук, Твиттер, интернет-магазины, порносайты и пляж. Они знают о существовании солнца лишь потому, что им приходится мазаться защитным кремом, чтобы их бледные личики не обгорели.

— Ты совсем потерял связь с реальностью?

— Что? Бедность — это реальность, а деньги — нет?

Паулина подняла глаза к небу, куда она отправилась бы прямо сейчас, если бы евреи верили в загробную жизнь.

— Детям в бюджетном квартале нужен нормальный двор с детской площадкой.

— Чтобы курить траву и обжиматься на сломанных качелях?

— Шестьдесят процентов детей в бюджетном квартале — малыши и младшие школьники до десяти лет.

— Я про них и говорил! Идея с площадкой — детская фантазия.

— Зато старорусские березки и дзен-водопады

— самая что ни есть реальность.

— Я продаю квартиры не только русским и китайцам!

— Это правда. Ты продаешь всем и каждому, у кого есть миллион, для начала.

— С каких пор ты у нас бедная?

— С каких пор деньги утратили совесть?

Лео хотелось убить Паулину с их первой встречи, но прошло уже больше тридцати лет, и Паулина не просто жива, а вполне бодра, да еще огрызается (на него). Как он дошел до жизни такой?

— И где нам расположить эту твою фантазийную детскую площадку? Знаю! — Лео хлопнул в ладоши. — Давай расположим ее в Израиле! Кстати, а почему ты до сих пор не в Израиле? Живи мечтой, сестренка.

Лео схватил карандаш и принялся чертить на плане сердитые стрелки, словно изобличенный серийный убийца, отмечающий тела жертв.

— Я не буду переносить студию йоги, и сушибар, и прокат квадроциклов и лыж, и гостевой домик, и открытый бассейн с подогревом, и бунгало привратника.

— Это не бунгало. Это гараж с душевой за холодильником.

— Это работа мечты! Работа вместе с жилой площадью.

— Площадью с четверть собачьей будки в пентхаузе.

— У Владимира Охитовича четыре собаки, и он выкупил пентхауз заранее. За неразглашаемую сумму.

— И сибирские лайки будут возить его на санях в «Харродс»?

— Ты что, не видишь? Не умеешь читать чертежи? Там все расписано и все ЗАБИТО. Где мне выкроить место?

— Отрежь кусочек от автостоянки.

— На каждую квартиру необходимо два машино-места. Если копать еще глубже, мы доберемся до сланцевого газа. Кстати, хорошая мысль.

— А ты что, еще не купил лицензию на разработку недр?

— Так, все. Умолкни.

— Ты меня выслушаешь?

— У меня есть выбор?

— Продай восемь квартир, самых маленьких, как «зеленое жилье». Типа нулевые выбросы парниковых газов. Изобрази из себя экологически озабоченного. Вроде как ты печешься об общественном благе. Делаешь доброе дело. И знаешь,

что? Это и ВПРАВДУ доброе дело. Знаешь старую поговорку?

— Может, не надо? — спросил Лео.

— Чем больше отдашь, тем больше получишь.

Паулина взяла из стаканчика с ручками на столе толстый маркер и написала на большом плане, приколотом кнопками к стене, слово «ДЕТСКАЯ».

Лео выхватил у нее маркер. Паулина держала крепко, но Лео оказался сильнее.

— ЧЕРТ, ЧЕРТ, ЧЕРТ! Теперь у меня вся рубашка В ЧЕРНИЛАХ! Скажи мне, о мудрая Паулина, сорок лет бродившая по пустыне: СКОЛЬКО ЕЩЕ добрых дел мне надо сделать на всеобщее благо?

— Это не риторический вопрос? — спросила Паулина, глядя ему прямо в глаза.

Лео отвел взгляд. Было время, другое время… До того, как все случилось… О нем можно помнить, о нем можно думать, но туда невозможно вернуться. Время не повернешь вспять. Вопрос риторический, да.

— Когда-нибудь это должно закончиться, Паулина.

— Не я это начала. И не мне это заканчивать.

Лео написал «ПЛОЩАДКА» после «ДЕТСКАЯ».

Наступил вечер. Лео возвращался домой пешком. Его офис у станции Шепердс-Маркет распо-

лагался не так далеко от дома в Вестминстере, и Лео нравилось ходить пешком.

После развода с Мими он продал их дом в Маленькой Венеции и перенес офис фирмы. Оставаться на старом месте было невыносимо. Как будто сам бьешь себя кулаком по лицу.

Он каждый вечер прогуливался вдоль реки. Сам не знал почему. Причины наших поступков часто неведомы нам самим.

В тот вечер он думал о Мими.

Он старался не думать о Мими, потому что думать о ней было невыносимо. Она радиоактивна. От нее надо закрыться — залить память о ней водонепроницаемым бетоном. Он не отрицал своей вины в произошедшем, не отрицал и последствий своих поступков. Но не любил думать об этом. О своей глупости. О своей ревности. О своем преступлении. Впрочем, с мыслями о себе он еще как-то справлялся.

Но с мыслями о ней? Нет, эти мысли опасны. Их нельзя впускать в голову.

Она стала затворницей, но от этого было не легче. После газетных статей и телерепортажей, после яростных обвинений, после презрения и всестороннего обсуждения, после досконального верхоглядства и эксклюзивных материалов

все стало так, как обычно: об этом случае все забыли.

Говорят, ее видели в городе. В темных очках, в старом пальто.

Это она рано утром пьет кофе из бумажного стаканчика, когда в кафе еще не закончили мыть полы и стулья еще стоят, перевернутые, на столах?

Это она спускается к Сене со ступеней крыльца Нотр-Дама, в седьмом часу утра, когда на набережной нет никого, кроме квадратной дамы с длинной собачкой? Эта дама встречает ее у реки почти каждое утро, когда та идет, склонив голову, до канала Сен-Мартен, и встает там, и стоит, как статуя, держа руки в карманах, и смотрит на воду, у которой нет памяти, и хочет быть как вода.

Она ходит туда каждый день.

Говорят, это она.

Автомобили выезжают на улицы, постоянные, как само время, дни похожи один на другой и различаются только погодой. Как достичь просветления: пуститься в путь или застыть на месте? И что есть просветление, как не иллюзия, которую мы выдумываем себе сами?

Она часто размышляет об этом.

Париж полон ангелов. Каждый день она на-

ходит еще один барельеф, еще одну статую и представляет себе, что будет, если они оживут. Кто заключил их в камень? Она чувствует себя заключенной в камень.

Она вспоминает слова Микеланджело. Глядя на глыбу мрамора или гранита, он видел фигуру, заключенную в камне, и высвобождал ее, отсекая все лишнее.

Она представляет его, вспотевшего, в корке каменной пыли. Резец вгрызается в камень. Вот высвобожден палец, вот уже вся рука, крепкие мышцы живота, напряженные трицепсы, руки подняты вверх, чистая линия ключиц. Скрытая жизнь сделалась зримой.

Но какой адский скульптор взял живую женщину и превратил ее в окаменелое подобие прежней себя?

Она застыла во времени, как все эти незыблемые статуи, фризы и барельефы, что охраняют изменчивый город. Она стала одной из них.

Настоящее исчезает, как вода, сорвавшаяся с водопада. Поток времени, такой медленный и такой быстрый. Как давно это было?

Она идет, а потом замирает на месте. Словно пытается выйти из времени, оставить его за спиной, где ему самое место. Но выйти из времени

невозможно, оно всегда рядом, всегда перед ней, прошлое загораживает дорогу, и каждый день она бьется в него, как в закрытую дверь, за которой скрывается недостижимое будущее.

Она продолжает идти, но ничто не движется, ничто не меняется. И в самом конце этих утренних прогулок, когда она долго стоит на месте, в ней поселяется чувство, что хотя бы в этом стоянии есть что-то реальное.

Может быть, это не она. Может быть, кто-то другой. В мире нет недостатка в разбитых сердцах.

Лео пришел домой. В доме уже горел свет — выключатель стоял на таймере. Почему не придумали таймер для времени?

Включаешь, когда тебе нужно. И выключаешь, когда не нужно. Отключаешь на ночь: зачем терять время, пока ты спишь? Отключи время, Лео. Отключи время.

Он налил себе водки. Бросил в стакан лед.

Он поднялся наверх. Там была комната, где хранилась ее одежда. Она так и не забрала свои вещи из дома в Маленькой Венеции. Она ничего не взяла. Ушла навсегда, оставив все в прошлом. Как будто она умерла. Но он сохранил ее вещи. И когда продал дом и переехал сюда, одну комнату наверху он отвел под ее гардеробную, точно

такую же, как в старом доме. Только она в этой комнате не одевалась. И не раздевалась.

Ее тело. Не надо думать о ее теле.

Одежда все та же. Ее одежда, но без нее. Пластиковые чехлы, портпледы, специальные вешалки для пальто, сумки. На одной стороне — платья, на другой — блузки и юбки. Деревянные полки с футболками и свитерами. Лео стоял посреди гардеробной, как человек, ворвавшийся в комнату, куда его не приглашали.

Он взял с полки сложенный свитер, развернул и уткнулся в него лицом. Потом сел на пол, привалившись спиной к стене.

Ни оправданий. Ни смысла. Ни прощения. Ни надежды.

Без ее любви я не ценил бы ничего

Пердита и Зель приехали в Лондон.

В самолете она спала, положив голову ему на плечо. Всю шумную ночь, среди чужих людей, упакованных в тесное пространство.

Потом они два часа ждали, когда можно будет вселиться в номер в отеле «Травелодж Лондон Кингс-Кросс».

— Сколько у нас денег?

— Хватит на три недели.

Пердита забрала тысячу долларов из «дипломата», рассудив, что это ее деньги, а Зель купил билеты на самолет.

Пердита оставила длинное сообщение в голосовой почте Кло. Зель просто исчез.

Наконец усталая женщина в облегающем костюме отдала им ключи от номера. Номер был маленьким, очень скромным, но это было пространство, принадлежавшее только им. Зель принялся перекладывать футболки в шкаф. Пердита пошла в душ. Зель встал в дверях и смотрел на нее. Он восхищался ее телом. Настоящее чудо. Как можно быть такой красивой? Он развернул полотенце, укутал в него Пердиту и прижал к себе.

— Так что мы делаем? Какие планы?

— Завтра я пойду к нему в офис.

— Я пойду с тобой.

— Нет, мне надо самой.

— Он меня знает.

— Он тебя знал, когда тебе было восемь!

Пердита пошла в спальню. Зель двинулся следом.

— Я не хочу, чтобы ты ходила туда одна.

Она передернула плечами, словно отмахиваясь от него. Он схватил ее за запястья и сжал. Слишком сильно.

— Отпусти! Ведешь себя так, словно я твоя собственность.

Зель тут же ее отпустил.

— Извини. — Он сел на кровать и застыл неподвижно, как это бывало всегда, когда он огорчался. Словно зверек, прячущийся от опасности. — Наверное, я просто злюсь. И срываю злость на тебе.

— На что злишься?

— На то, что теперь у тебя будет новая семья и ты забудешь обо мне.

Пердита присела рядом и взяла его за руку.

— Я о тебе не забуду.

Главный офис «Сицилии» располагался над картинной галереей. Два молодых парня в элегантных костюмах, явно сшитых на заказ, подогнали маленький черный микроавтобус к служебному входу. Они заулыбались, глядя на Пердиту. Как же не улыбнуться такой красавице?

— Ищешь работу? Хочешь работать у нас?

Пердита покачала головой и нажала на кнопку домофона. Ответа не было. Один из парней достал из кармана ключи и открыл дверь.

— Только не говори ей.

— Кому?

— Сейчас увидишь. Может быть, сходим куда-нибудь вечером?

Он был красивым, уверенным, с модной небрежной прической. Пердита улыбнулась и покачала головой. Парень вздохнул.

— Если вдруг передумаешь… меня зовут Адам.

Он отступил в сторону, освобождая Пердите проход к широкой лестнице, застеленной мягким ковром. На стенах висели принты Трейси Эмин.

Секретарша, отлучавшаяся в уборную, вернулась в приемную буквально за пару секунд до того, как туда поднялась Пердита. Большая приемная была обставлена дорого и роскошно, здесь на стенах висели уже не принты, а оригиналы картин. И огромный неоновый знак: «РИСК = ЦЕННОСТЬ».

— Кто вас впустил? — спросила секретарша.

— Я пришла узнать о возможности стажировки, — сказала Пердита.

Секретарша была высокой, фигуристой и холеной. Стройной, длинноногой и угрожающе неприветливой. Пердита пришла ненакрашенная, в простом летнем платье и плетеных сандалиях. Она была невысокого роста. Секретар-

ша смотрела на нее без улыбки.

— Вы присылали нам резюме?

— Да.

— Миссис Леви сегодня не будет.

— А мистер Кайзер?

— У мистера Кайзера все расписано по минутам.

— Я подожду здесь. — Пердита уселась на диван с таким бесповоротно решительным видом, что секретарше осталось только сердито надуться и развернуть экран компьютера так, чтобы не видеть Пердиту.

На столе у секретарши стола табличка с именем. Лорина Латроб.

— Вы из Нового Орлеана? Я спросила, потому что Латроб — распространенная фамилия в Луизиане. Я сама из Новой Богемии.

— Нет, не из Нового Орлеана. — Мисс Латроб отвернулась, крутанувшись на стуле. Тем самым явно давая понять, что она не расположена к разговору.

Пердита ждала.

Лео появился где-то через час. Он был дороднее и грузнее, чем она представляла. И она не ожидала, что он будет почти совсем лысым. На фотографии, которую ей показывал Ксено, был со-

вершенно другой человек. И все-таки это был он.

Лео мельком взглянул на нее.

— Доброе утро, Лорина. Паулина уже на месте?

— Доброе утро, мистер Кайзер. Мисс Леви сегодня не будет.

— Что так? Она наконец померла?

— В журнале записано, что сегодня и завтра у нее выходной.

— Вы меня предупреждали?

— Все записано в журнале, — повторила мисс Латроб с таким видом, словно журнал был «священным писанием» с инструкциями на все случаи жизни.

— Если бы я проверял журнал сам, можно было бы сэкономить на личном помощнике, — сказал Лео. — Кстати, где мой личный помощник? Или у Вирджинии тоже сегодня выходной?

— Да, у нее тоже.

Лео повернулся к Пердите:

— Вы кто и зачем?

— Она ждет миссис Леви. Я ей сказала, что миссис Леви сегодня не будет.

Лео присмотрелся к Пердите внимательнее.

— Вы из жилищно-строительного товарищества? Насчет Раундхауса?

Пердита покачала головой. Она не могла го-

ворить.

— Мне показалось, я вас где-то видел, — сказал Лео.

— Она хочет стажироваться. — Последнее слово мисс Латроб произнесла так, словно речь шла о калоприемнике.

Лео поморщился и пошел к лифту. Двери закрылись у него за спиной, но Пердита увидела в зеркале, что он по-прежнему хмурится, глядя на нее.

— Когда миссис Леви будет на месте? — спросила Пердита.

— Согласно журналу, в понедельник, — процедила сквозь зубы мисс Латроб, не разжимая губ и старательно глядя в сторону.

Пердита подумала, что из нее получился бы классный чревовещатель. Но продолжала сидеть на диване. А мисс Латроб продолжала ее не замечать.

Без пяти час Лео спустился вниз, чтобы идти на обед.

— Прошу прощения… — сказала Пердита.

— Вам надо поговорить с Паулиной, — сказал Лео.

— Я ей так и сказала, — вставила свое слово мисс Латроб.

В половине третьего Лео вернулся. Пердита поднялась с дивана и убрала с лица волосы. Лео улыбнулся ей и только потом понял, что улыбается. Что-то в ней было такое…

— Приходите завтра, — сказал он. — Паулина будет на месте.

— В журнале записано, что не будет. — Мисс Латроб тоже встала и выпрямилась в полный рост, оказавшись дюйма на три выше Лео.

— Прошу прощения, что смею иметь свое мнение, — сказал Лео и обратился к мисс Латроб: — Вас наняла Паулина?

— Да, — ответила та. — Персонально.

— Я в меньшинстве и терплю поражение по всем фронтам, — сказал Лео и повернулся обратно к Пердите: — Вам было назначено на сегодня?

— Я пробыла в Америке дольше, чем ожидалось, — сказала Пердита, — иначе пришла бы раньше.

— Я работаю до семи, — сказал Лео. — Решайте сами.

И он вернулся к себе в кабинет.

— Не обольщайтесь, — сказала мисс Латроб.

— Почему? — спросила Пердита.

Секретарша пожала плечами. Новый день. Новая дурочка.

Что я здесь делаю? — подумала Пердита. — *Если уйти прямо сейчас, все закончится. Я его видела. Я ему не нужна. Так почему же он нужен мне?*

Ровно в шесть мисс Латроб объявила, что ее рабочий день закончен и она отбывает. Как будто она — рейс в Майами.

— Боюсь, вам придется уйти. Вас нельзя оставлять здесь одну, без присмотра.

— Я ничего не украду, — сказала Пердита.

— Таковы правила, — отрезала мисс Латроб. Очевидно, что правила были столь же незыблемы и непогрешимы, как и священный журнал. Пердита спросила, не может ли мисс Латроб позвонить мистеру Кайзеру.

— Нельзя отрывать его от дел.

— Скажите ему, что я никуда не уйду.

Секретарша закатила глаза, состроила недовольную гримасу, но все-таки позвонила Лео, стуча по столу наманикюренными (и весьма впечатляющими) ногтями.

— Спасибо, мистер Кайзер. Да, конечно, я сообщу мисс Чайковской, что вы не сможете с ней поужинать, потому что сегодня работаете допоздна.

Мисс Латроб скрылась в уборной и вышла оттуда через десять минут в обтягивающем велосипедном костюме из оранжевой лайкры.

— Ждите здесь, — сказала она Пердите.

— Вы ездите на работу на велосипеде? — спросила Пердита, чтобы хоть что-то сказать.

— Нет. По вечерам я подрабатываю в фетиш-клубе.

Мисс Латроб достала из ящика стола ярко-оранжевый велосипедный шлем и отбыла.

Около семи вечера Лео спустился вниз. Он снял галстук. Ему явно не помешало бы побриться.

— Все-таки вы меня дождались?

Пердита кивнула.

— Как вас зовут?

— Миранда.

— Миранда, а дальше?

— Пастух.

— Ладно, Миранда Пастух… пойдемте чего-нибудь выпьем, и вы мне расскажете о себе. Терпение — само по себе награда. То есть так говорят, но я в это не верю. Куда нас заводит терпение? Разве что в конец очереди. Но в вашем случае…

Теплый вечер. Розоватое небо. Красные авто-

бусы. Черные такси. Город уже зажигает огни. Вечернее время, ощущение чего-то уютного и домашнего. Парень на улице раздает бесплатные газеты. Молодые мужчины толпятся у баров. Усталые лица. Пиджаки долой. Женщины на каблуках, от которых болят ноги. Очередь на кассе. Надо взять что-то поесть, сидя перед телевизором. Толпы стекают в подземку.

— Тут есть один бар, у реки, — сказал Лео. — Можно взять тигровых креветок и водки. Сегодня четверг.

— День недели имеет значение? — спросила Пердита.

— Я люблю установленный распорядок. В последнее время.

В баре шумно и людно, но, увидев Лео, бармен поднял руку и без единого слова провел их с Пердитой за столик у большого открытого окна, выходящего на узенькую террасу. На столике, словно по волшебству, возникло ведерко со льдом и бутылкой «Серого гуся» прямо из морозилки, несколько банок тоника и блюдце со свеженарезанными лаймами и лимонами.

— Меня здесь знают, — сказал Лео.

— Можно мне минеральной воды с лаймом? — спросила Пердита.

Пердита что-то рассказывала, но Лео не слушал. Он кивал и ловил ее взгляд, но не слушал. Сколько ей лет? Двадцать один, двадцать два… Да что с ним такое? Юность неотразима. Невосполнима. И молодые тратят ее понапрасну.

— Ответственный капитализм, — сказал Лео, сам удивившись тому, что услышал ее вопрос. — Вот что такое «Сицилия».

— Чем занимается ваша жена? — спросила Пердита.

— Я разведен, — сказал Лео. — А вы?

— Я не разведена, — сказала Пердита. — У вас есть дети?

Лео опустил взгляд.

— Нет. У меня нет детей.

Она едва не сказала… Но нет. Она положила себе на тарелку еще одну креветку. Она не знала, дорогие они здесь или нет. Дома они совершенно не дорогие.

Она ела больше, чем он. Женщины, которых он приглашал в рестораны, обычно вообще ничего не ели. Они заказывали еду, но не ели. А эта девушка не жеманилась. Она была простой и естественной. Не пыталась ему угодить. Она ему нравилась. Она спросила, почему он ничего не ест, и он не ответил: «*Так полно мое сердце*

чем-то важным, что не до пиршеств мне».

Он просто взял креветку.

— Я хожу сюда потому, что мне нравится смотреть на реку, — сказал он. — Мне нравится думать, что Темза намного старее Лондона, что когда-то из этой реки пили мамонты.

— Темза узкая, — сказала Пердита. — Миссисипи, она как мир. Вы видели Миссисипи?

— Да, — сказал Лео. — У меня был друг. Он жил в Новой Богемии. Давным-давно. Так оно и происходит, когда стареешь; все, что было, давно прошло.

— Но настоящее остается, — сказала Пердита. — Оно здесь и сейчас.

— Вы молодая. У вас есть настоящее, потому что нет будущего. Когда я был молод, я целый год прожил в Париже. Я там работал. Я влюбился в реку… в Сену… На самом деле я влюбился в женщину. Возможно, поэтому вода кажется мне загадочной и романтичной. И я говорю сейчас не о банальной истории «мужчина встречает женщину». Я говорю о чем-то большем… о тоске и желании. Даже не знаю, как это выразить. В немецком есть слово *verlangen.* У меня отец — немец.

— Она была француженкой? Та женщина, в которую вы влюбились?

— Да. Миниатюрная, чем-то похожая на мальчишку, но очень женственная. Как вы.

Пердита густо покраснела. Лео неправильно понял ее смущение.

— Это был комплимент.

— Спасибо, — сказала Пердита.

Потом они долго молчали, глядя на воду. На блики огней. На лодки, подплывавшие к пристани.

Лео чувствовал странную легкость. Он был взволнован. *Что со мной происходит?* — подумал он. И тут же: *Это просто смешно*.

Он попытался сосредоточиться.

— Миранда, мы сейчас организуем большой благотворительный концерт… В следующие выходные. Может быть, вы захотите присоединиться? Заодно и посмотрим, как мы сработаемся. В основном будет инструментальная музыка. В несколько отделений.

— Дома я пою в группе, — сказала Пердита. — У нас женская группа. Мы называемся «Отчужденные».

— Интересно! А что вы поете?

— Ретроклассику. Мой папа — потрясающий пианист. Я пою, сколько себя помню. С рождения.

— Правда? — Его глаза потемнели от невысказанных слов.

— Да. Что с вами? Может быть…

— Нет, ничего, — перебил ее Лео. — Пустяки. Но эти пустяки… они…

Но эти пустяки — ничто. Весь мир со всем, что в нем — ничто, и небо, и земля, и я — ничто, и любовь, и потери — ничто.

Ближе к ночи стало прохладнее.

Пердита поблагодарила Лео.

— Если хотите, можем пойти прогуляться. Я покажу вам Лондон.

Она покачала головой. Он предложил вызвать ей такси.

— Я лучше пешком, — сказала Пердита. — Я люблю ходить пешком. У меня в телефоне есть карта. Тут недалеко.

Еще как далеко, подумал он, глядя ей вслед. От него до той жизни, которую можно назвать настоящей, далеко, как до Луны.

Лео приехал домой на такси. В доме горел свет. Лео вошел и выключил свет. На что там смотреть? Экран игровой приставки мерцал, как подсвеченный аквариум.

Ксено добавил нового игрока. Они собирали пе-

рья. Ну-ну. Как будто мир можно спасти надеждой и упорной работой. Лео распахнул крылья — все шесть — и полетел низко над городом в поисках перьев, которые надо поджечь. В поисках перьев, которые надо окунуть в воду.

Он подлетает к крыше Сорбонны. *«Sicut umbra dies nostri»*, — говорит ему Ангел солнечных часов. *Наши дни улетают, как тень*.

Он предпочитает ее сестру. Она уже ждет, она готова его принять — та, что оголена по пояс, с высокой, пышной и твердой грудью. Наполовину мальчишка, наполовину девчонка. Ноги раскинуты в стороны. В руках — раскрытая книга, которую она никогда не читает. Он уже возбудился.

Одна пара крыльев удерживает его в воздухе, пока он занимается с ней. Вторая пара крыльев обнимает ее твердое золоченое тело. Третья пара стоит на спине, словно парус. Это такое безмолвное: «А пошли вы все на хер». Городу. Ксено. Себе самому. Иди на хер, Лео. Иди.

Он отрывается от нее, он закончил.

Лео проснулся на диване. Включил свет. Три часа ночи. Предрассветное время, когда жизнь сворачивается калачиком и сжимается в тугой комок, словно мир, не готовый раскрыться. Пока

Лео спал, радио включилось само собой.

Женский голос читал нараспев: «Десять тысяч лет стой на коленях ты под вечной бурей, постясь на голых камнях, в лютой стуже, — твои молитвы все ж богов не тронут, и нет тебе прощенья!»

Лео поднялся на ноги, потный, растрепанный, неуклюжий спросонья. Во рту пересохло, все тело чесалось. Поднимаясь по лестнице, он запутался в собственных спущенных брюках и едва не упал. Брюки так и остались лежать на ступеньках. Лео добрался до ванной и встал под душ — прямо в трусах и носках, в рубашке и галстуке — и начал раздеваться уже после того, как включил воду.

Он вышел из душевой. Одежда осталась лежать на полу мокрой кучей.

Он побрился, оделся в чистое, сварил себе кофе и выпил его одним жгучим глотком.

Он сел в машину. Никакого радио. Никаких мыслей. Только обратная тяга времени.

В тот день…

Лео отстоял очередь на паспортный контроль. Человек, проверявший документы, попросил его отойти на минуточку и подождать. Не успел Лео опомниться, как к нему подошли три полицейских и принялись выспрашивать, где он спрятал

младенца.

Вот так все и случилось.

Лео что-то доказывал полицейским. Полицейские что-то доказывали Лео. Три крупных дядьки. Все одного роста. Миниатюрный индус на паспортном контроле старательно делал вид, что ничего необычного не происходит. Люди в очереди косились на Лео.

Полицейские были растеряны, потому что младенца у Лео не оказалось. Лео сказал, что у его жены обострилась послеродовая депрессия. Он везет сына к дедушке, чтобы дать отдых супруге. Полицейские проверили паспорт Мило — это твой папа? Да.

Взрослые снова принялись спорить — никто не обращал внимания на Мило.

Жил-был человек, и жил он в аэропорту.

Мило тихонько попятился назад. Никто этого не заметил.

Мило завернул за угол и направился к стойкам досмотра ручной клади. У четвертой стойки стояло большое семейство. Мило побежал к ним — со стороны это смотрелось так, словно он их ребенок, который немного отстал, а теперь догоняет. Он положил свой рюкзак на ленту рентгеновского аппарата. Прошел через металлодетектор.

Огляделся по сторонам. Он был в аэропорту. Может быть, он сумеет найти Тони.

Мило огляделся по сторонам. Тони он не увидел. Может быть, просто не разглядел в толпе. Людей было много. Из динамиков раздалось его имя. Его попросили пройти к справочному бюро, где его ожидает отец.

Сначала Мило не смог найти справочное бюро, а когда нашел, папы там не было — только двое полицейских. Мило увидел их издали и развернулся в другую сторону.

Мило сел в автопоезд, курсирующий по терминалу. Ему показалось, что это будет интересно. Но было нисколечко не интересно. Он подъехал к выходу B, потом — к выходу C, потом — снова к выходу B. Там он присоединился к очереди на посадку. Поначалу его никто не заметил, но даже если заметили, то подумали, что он просто сынишка кого-то из пассажиров, и только когда он уже стал спускаться по лестнице, тетенька в форме, пропускавшая пассажиров, сообразила, что у него нет ни паспорта, ни посадочного талона. Она окликнула его и велела вернуться. Он побежал. Тетенька в форме была из полиции. Он побежал не к самолету, а к открытым дверям чуть сбоку, откуда на улицу вывозили багаж на

плоской тележке. ЭЙ! СТОЙ! Но Мило бежал со всех ног. Он вылетел из здания, завернул за угол и выскочил прямо под колеса грузовика аварийно-ремонтной службы.

Супермен, поверни время вспять.

Лео поставил машину недалеко от ворот Хайгейтского кладбища. Если сегодня утром кого-то хоронят, то на территории уже кто-то есть. Лео знал тамошний распорядок. Если на территории кто-то есть, его впустят внутрь.

Он шел по дорожкам, охраняемым скорбящими ангелами. Мило похоронили у западной стены. Лео купил этот участок на благотворительном аукционе задолго до рождения Мило. Отдал целое состояние. Кладбище, знаменитое на весь мир. Мест давно нет. Но Лео нравилось добиваться почти невозможного. На те деньги, которые он отдал за участок, можно было бы приобрести очень приличную квартиру-студию. А теперь здесь покоится Мило. Уже и не Мило, а его кости, подумал Лео. От него ничего не осталось, кроме воспоминаний о прошлом.

Лео долго стоял у могилы сына. Стоял, пока солнце не поднялось высоко в небо. Прошлое текло перед ним, как река, которую не перейти.

Он сходил к фонтанчику, чтобы наполнить вазу

свежей водой, и сорвал две диких розы с куста в живой изгороди.

— Мило и Мими, — сказал он, опуская колючие стебли в воду.

Он развернулся, чтобы уйти. Неподалеку тихонько работал садовник, разрыхлял землю тяпкой. Клетчатая рубашка, рукава закатаны выше локтей.

— Эй, Тони! — окликнул Лео.

Садовник обернулся к нему.

— Я Пит.

Лео поднял руку. Конечно, это не Тони. Тони давно нет в живых.

Пердита и Зель лежали на кровати у себя в номере и смотрели телевизор без звука.

— И как он тебе? — спросил Зель.

— Даже не знаю. Я все время думала лишь об одном. Он отдал меня чужим людям.

— Моему папе! Ты ему скажешь, что ты — это ты?

— Не знаю. Если скажу, он войдет в мою жизнь. А он такой… любит все контролировать.

— Я выяснял, — сказал Зель. — Обычно оно не срастается.

— Что не срастается?

— Воссоединение семьи. Все мечтают о чем-то,

чего у них никогда не будет. Жизнь нельзя прожить заново.

— Я не хочу проживать жизнь заново. Если бы все вышло иначе, у меня не было бы Паста, и Кло, и ХоллиПоллиМолли.

— Но был бы я, — сказал Зель. — Странно, правда?

Пердита прижалась теснее к нему.

— Хочешь сказать, это судьба?

— Я не знаю. Когда я учился на философском, мы постоянно это обсуждали. Можно ли утверждать, что жизнь — просто цепочка случайностей, которые потом, уже задним числом, складываются в закономерность? Как будто смотришь на землю из окна самолета. Поля, реки, здания… все такое красивое, упорядоченное, а глянешь на них вблизи: полные сумбур и уродство.

— Папа говорит, что ничто не случайно.

— Ты с ним связалась?

— Он меня просто убьет. Надо было сказать ему, что мы уезжаем.

— Нельзя было ему говорить.

— Да. Нельзя. Как ты думаешь, мы не станем такими же, как Лео и Ксено?

— Законченной мразью?

— Несчастными людьми.

— Они не всегда были несчастными.

— Так в том-то и ужас. У них была жизнь, и они сами ее загубили. И свою жизнь, и жизни других.

— Мы справимся лучше, — сказал Зель. — Мы вернемся домой, будем жить счастливо и подадим пример нашим детям, как быть честными, искренними и смелыми.

— Мы познакомились совсем недавно!

— По-твоему, я тороплю события?

Она поцеловала его.

— Да. Очень-очень торопишь.

— Я думал, девушкам нравятся парни с серьезными намерениями.

Она огрела его подушкой. И почувствовала, как ее отпускает. Только теперь она поняла, в каком напряжении прошел этот день.

— Зель… Спасибо, что поехал со мной. Я знаю, со мной сейчас трудно общаться…

Он обнял ее и прижал к себе.

— Мы уже здесь. Мы уже делаем, что задумано. Давай доведем начатое до конца. Ты будешь разыскивать свою маму?

— Не знаю. Все сложней, чем я думала.

— В смысле?

— Мне тяжело. Я думала, что ничего не почувствую… Ведь я совершенно не знаю Лео. Я с ним

познакомилась только сегодня.

Зель обнял ее еще крепче.

— Но свою маму ты знаешь. Ты жила у нее в животе.

Да, правда. Только от этого не легче. Наоборот. Как можно быть связанной с человеком, с которым нет никакой связи?

— Ты похожа на Лео? — спросил Зель.

— Кажется, нет. Он старый, лысый и толстый. Может быть, только губы похожи. Я похожа на маму… на маму в молодости. Но мы не знаем, какая она сейчас. Нет никаких фотографий последних лет. Просто какая-то женщина в шляпе и темных очках. Может быть, это и не она.

— Наверное, это она. Только у знаменитостей есть такой пунктик, будто шляпа и темные очки помогают сливаться с толпой.

— Она уже не знаменитость.

— Тебе не странно, что твоя мама была знаменитой?

— Мне от всего странно. Одной странностью больше, одной странностью меньше, уже не важно.

Зель выключил телевизор.

— Как думаешь, ты сейчас сможешь заснуть?

— Нет.

— Тогда пойдем погуляем.
— Уже полночь!
— И что? Это Лондон. Пойдем.

Они вышли на улицу. По сути, совсем еще дети. Сели в ночной автобус. Потом прогулялись пешком до Сохо. Итальянское мороженое. Его рука обнимает ее за плечи. Ее рука обнимает его за талию. Они идут через Китайский квартал, через Ковент Гарден, мимо театра Олдвич — на мост Ватерлоо. Они стоят на мосту, смотрят на запад, потом — на восток, на Биг-Бен с его временем на часах, вниз на Темзу, что течет жидким временем, и в том пространстве, которое они занимают, их разделенное на двоих время обретает реальность. Не прошлое, не будущее. Самое что ни на есть настоящее.

Он не фотографирует, не снимает видео, потому что хочет запомнить — запомнить, не как все было, а как оно *есть*, потому что мгновение сделано из чего-то такого, что не поймаешь на камеру.

Река уносит ночь вдаль, и они возвращаются к себе в номер, ложатся в постель, засыпают, и город вокруг тоже спит, и в своем сновидении раскрывается в новый день.

Рано утром у Миранды звонит телефон. Это

Лео.

— Миранда, привет. Это Лео. Встречаемся в Раундхаусе через час.

— Где?

Пердита не понимает. О чем он говорит?

Лео раздражен, но он сдерживает себя, потому что хочет ее увидеть. Он смягчает голос:

— Северная линия. Черная. Станция Чалк-Фарм. Или Камден-Таун. Оттуда близко пешком. Подъезжай к одиннадцати.

На этот раз Зель едет с ней. Они выходят на Чалк-Фарм. У метро собралась толпа с плакатами: «СПАСИТЕ НАШ ДОМ».

Пердита и Зель пробираются сквозь толпу. Вот парень с мегафоном. Вот конная полиция. Пердита спрашивает, что происходит, у молодой женщины с плакатом в руках.

— Какой-то богатый мудак покупает весь микрорайон.

Потом она видит Лео, который сердито кричит в телефон. Она говорит Зелю:

— Вот он.

— Это он? Лео?

— Не узнаешь?

— Без волос — нет. И он сильно поправился.

— Он меня увидел. Подожди меня здесь. Я тебе

напишу эсэмэску.

Пердита бежит через дорогу. Лео наблюдает за ней. Она красивая, думает он, она сама не понимает, какая красивая. Сейчас он встречается с русской манекенщицей, которая рекламирует нижнее белье и курит электронную сигарету во время секса.

— Хорошо, что вы пришли, Миранда, — улыбнулся Лео. — Я подумал, что если вы будете стажироваться у нас, вам надо быть в курсе нашего следующего проекта. Грандиозное здание, да?

Толпа начала скандировать: РУКИ ПРОЧЬ! РУКИ ПРОЧЬ!

— Давайте-ка мы войдем внутрь, — сказал Лео. — Охранники справятся и без нас.

Он легонько подтолкнул Пердиту к дверям.

— Доброе утро, мистер Кайзер, — сказал охранник на входе. Лео расслабился. Он вернулся в привычный мир, где у него все под контролем.

— Позвольте мне провести для вас небольшую экскурсию, Миранда. Раньше здесь было депо для разворота трамваев. Трамваи не приспособлены для езды задним ходом, и они разворачивались на большом круге — прямо здесь, где сейчас концертный зал. Впечатляет, да?

Пердита рассматривала афиши в рамках на

голых кирпичных стенах. Цирк, театр, музыкальные группы… и тут увидела: Мими на сцене Раундхауса. Она не слушала Лео. Он этого не заметил.

— В подвале, прямо под нами, оборудован машинный зал: шестерни, цепи, двигатели, чтобы вращать поворотный круг. Долгое время это был зал для спектаклей и концертов, но теперь пришло время для новой жизни. Давайте поднимемся на галерею.

Он положил руку ей на плечо и проводил к лестнице.

Снаружи раздался рев полицейских сирен.

— Почему вы хотите снести это здание?

— Здесь хорошее место, но на его содержание уходит много бюджетных денег. Нельзя вечно рассчитывать на государственные субсидии. Бюджет не резиновый, как бы нам этого ни хотелось. Приходится привлекать личные средства частных предпринимателей. Я построю здесь небольшой театр и квартал недорогого жилья — все-таки я социально ответственный человек. Также я собираюсь построить две жилых башни класса «люкс». Это будет один из самых красивых и современных кварталов Лондона.

— Тогда почему они протестуют?

— Людям не нравятся перемены, Миранда. Такова человеческая природа. В наше время большие деньги воспринимаются негативно. Эти люди, которые там митингуют, не платят налоги — или платят, но очень мало, — однако они ненавидят таких, как я, кто действительно поддерживает страну. Я пытаюсь спасти это место, но они этого не понимают. Вот вы окончили экономический факультет… в Гарварде, вы говорили?

— Нет, — сказала Пердита.

— А у меня отложилось, что в Гарварде. Вы сами поймете, когда станете делать хорошие деньги, как часто приходится сталкиваться с общим непониманием. Я пытаюсь помочь этим людям, а они считают меня тираном и самодуром.

Лео с Пердитой поднялись на галерею. Лео перегнулся через перила и посмотрел вниз.

— Видите сцену? Здесь состоится последний концерт. Такова договоренность: полностью оплаченная прощальная неделя различных культурных мероприятий и большой музыкальный вечер в последний день. Все сборы пойдут в фонд «Спасем детей». А потом будем тут все убирать. И отстраивать заново.

— Почему вы хотите снести это здание?

— Мы повторно используем все викторианские

кирпичи.

— Почему вы хотите снести это здание?

— У нас есть утвержденный проект.

— Почему вы хотите снести это здание?

— Что вы заладили: почему, почему? Это такая американская шутка? Вы же из Новой Богемии?

— Мими здесь пела, да? На этой сцене?

Лео смотрел прямо перед собой.

— Тогда мы с ней были женаты.

Он отошел от перил и направился к лестнице.

— Я просто хотел показать вам здание.

Когда они спустились вниз, к Лео подошел охранник с рацией в руке.

— Вас дожидается человек, назвавшийся Ронни.

— Ронни?

— Говорит, он художник. Из Нью-Йорка. Там, на улице.

Лео выглянул в окно. У входа стояла толпа демонстрантов. Среди них выделялась низкорослая фигура с плакатом: ХУДОЖНИКИ ПРОТИВ МЕРЗАВЦЕВ.

— Это Рони Хорн, и она женщина. — Лео распахнул дверь и вышел на крыльцо. Он протянул руки и заулыбался. — Рони! Рони! Какая честь

для меня!

Рони Хорн грозно нахмурилась и сказала:

— Вы говорили, моя водяная стена будет фонтаном в общественном парке. А теперь выясняется, что вы собираетесь сделать водораздел между бедными и богатыми. Хотите устроить людям пытку водой?

— Мы скорректируем планы, — сказал Лео, — не беспокойтесь! Какая честь! Можно мне с вами сфотографироваться? Джерри! Джерри! — Лео помахал рукой с телефоном одному из охранников, придвинулся ближе к Рони и попытался ее приобнять. Она сердито его оттолкнула.

— Я приехала протестовать!

Толпа взорвалась одобрительными криками и вновь принялась скандировать: РУКИ ПРОЧЬ! РУКИ ПРОЧЬ! РУКИ ПРОЧЬ! Настроение Лео изменилось мгновенно.

— Разве я не купил у вас эту стену воды? Или я что-то не понял? Разве вам не заплатили?

— Мне заплатили, — сказала Рони. — Но меня не купили.

— Если я покупаю у вас картину, и вам не нравится, где я ее повесил — это ваши проблемы. Если я покупаю у вас стену воды, и вам не нравится, где я ее размещаю — это ваши проблемы! Знаете,

почему вы, художники, можете позволить себе громко кричать о своем благородстве? Потому что такие, как я, оплачивают ваши счета.

Пердита встала за спиной Лео.

— Не говорите с ней в таком тоне!

Лео резко обернулся к ней:

— Да кто ты такая вообще?

Пердита посмотрела на Лео. Она ничего не сказала. Она просто смотрела на Лео, и он поморщился, словно она влепила ему пощечину. Ему показалось… почти показалось… но нет. Просто он думал о Мими. Кто-то бросил кирпич. Кирпич? Прошлое ударило его по лицу, как кирпич.

Он попытался заговорить, но лицу было больно. Толпа возмущенно рванулась вперед, когда полицейские попытались выдернуть брезент из-под группы протестующих, сидевших на земле перед входом.

Пердита увидела Зеля, который пытался пробиться к зданию. Он что-то кричал охраннику. Охранник его оттолкнул. Зель в ответ оттолкнул охранника.

— Зель! — закричала Пердита. — ЗЕЛЬ!

Лео медленно обернулся. *Что она сказала?* Что происходит со временем? У него было чувство, что время рушится. Стена распадается по кир-

пичикам.

Лео увидел Зеля. Зель? *Нет, это не он. Сегодня утром на кладбище был не Тони.* Лео вытер лицо тыльной стороной ладони. На руке осталась кровь. Кирпич ударил неслабо. Выкрики из толпы сливались в единый вопль. Лео ничего не слышал.

Пердита подумала: *У него такой вид, словно он увидел привидение*. Кстати, странное выражение. Никто не знает, какой вид бывает у человека, увидевшего привидение, потому что никто привидений не видел. И все же у Лео был именно такой вид…

Зель все-таки пробился к ним. Охранник встал между ним и Лео. Лео покачал головой. Охранник отступил в сторону.

— Зель? Зель, сын Ксено?

— Да, — сказал Зель.

— Что ты здесь делаешь?

— Он со мной, — сказала Пердита.

— Вы знакомы?

— Она — моя девушка.

— Может, ты помолчишь? — сказала Пердита.

— Миранда — твоя девушка?

— Нет… Пе…

— ЗАМОЛЧИ! — закричала Пердита.

Лео удивленно взглянул на нее. Обычно он отдавал приказания.

— Ксено здесь?

Здесь, в городе

Паст быстро шел на поправку.

Врачи говорили, что все хорошо и никаких неприятных последствий не будет. Пердита знала об этом, когда уезжала в Лондон, но все равно не хотела рассказывать Пасту о своих планах. Она навестила его днем, а потом сразу поехала в аэропорт, где встретилась с Зелем.

Кло получил ее сообщение в голосовой почте, но тоже не стал ничего говорить отцу. Да и что бы он ему сказал? Но на следующий день Паст спросил, почему Пердита к нему не пришла.

Кло промолчал.

Паст сел на постели, пристально глядя на сына.

— Ты ей рассказал об «окне жизни», да?

Кло молчал. Паст кивнул и тоже надолго умолк. Потом он сказал:

— Раз уж оно началось, надо быстрей с этим закончить. Слушай меня.

Тем же вечером Кло примчался к Автолику и узнал нужный адрес.

— Я чего-то не знаю? — спросил Автолик. — Не люблю, когда что-то проходит мимо меня.

— Спросите у папы, — ответил Кло.

И спрошу, да, подумал Автолик.

Кло подъехал к дому, с виду — заброшенному и пустому. Позвонил в домофон на воротах. Никто не ответил. Тогда Кло подъехал поближе к воротам, забрался на крышу своего «шевроле» и без труда перелез через забор. Он постучал в дверь, покричал, постучал еще раз. Потом обернул руку курткой и разбил окно на первом этаже — то самое окно, на котором Пердита открыла решетку и ставни и не закрыла обратно. Кло залез в дом.

— Прямо дом с привидениями, — произнес он вслух, глядя на пустой камин и пыльные кресла. Потом он вышел в коридор. Где-то наверху играла музыка. Рикки Ли Джонс. Отличный выбор. Кло побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Он распахнул дверь на чердак. Ксено сидел за столом, глядя на огромный настенный экран, весь засыпанный перьями.

— Псина, давай собирайся. Паст хочет с тобой поговорить.

На крыльце Раундхауса Лео пытался расслышать, что говорит Лорина Латроб. В кожаном костюме от Шанель она стояла посреди приемной в офисе «Сицилии», скрестив руки на груди, и говорила с ним по громкой связи.

— Трое мужчин. Два чернокожих. Один гей.

— Вызывайте Паулину!

— Она уже едет.

Лео принялся пробираться к дороге сквозь толпу протестующих. Его толкали, пихали локтями, в него плевали, один раз огрели плакатом по голове. Он ничего не замечал. Он поднял руку и остановил такси. Уже в машине, куда они забрались втроем: он сам, Пердита и Зель, — Лео спросил у Зеля:

— Ты мне объяснишь, что происходит?

Они прилетели ночным рейсом. За билеты заплатил Ксено. В самолете, когда в салоне погасили свет, Ксено вдруг перестал понимать, летит он сквозь пространство или сквозь время. Время не повернешь вспять, прошлое не отменишь, но время можно восполнить. Да?

Лео бегом поднялся по лестнице. Он запыхался и никак не мог отдышаться. Мисс Латроб стояла на входе в приемную, как непоколебимое

изваяние.

— Я сделала все, что могла, — сказала она.

Пердита ворвалась в приемную и подбежала к отцу.

— Папа!

— Это твой отец? — опешил Лео. — Ксено? Ксено?!

Лео и Ксено застыли, глядя друг на друга, и Лео даже не сразу сообразил, что сжимает кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони. Не в ярости, нет. Он не мог выдавить из себя ни слова.

— Лео, — произнес Ксено.

Они стояли, как два изваяния. Не могли пошевелиться, не могли шагнуть навстречу друг другу. Прошлое слишком крепко держало обоих.

Внизу хлопнула дверь. Паулина влетела в приемную, взбудораженная, растрепанная. Она увидела Ксено, бросилась к нему и обняла с разбега. Он тоже обнял ее.

— Ксено, я думала, что уже никогда тебя не увижу! Никогда!

Лео вышел из транса.

— Давайте пройдем в кабинет.

В кабинете Кло с Пастом встали, выпрямившись в полный рост. Паст держал в руках дешевый портплед. Без единого слова он расстегнул мол-

нию и достал кожаный портфель-дипломат. Лео не понимал, что происходит. Он не мог узнать этот портфель, потому что никогда его не видел.

— Папа… — начала было Пердита.

Паст поднял руку, не давая ей договорить.

— С чего эта история началась, с того и начнется по новой.

Паст открыл портфель и достал исписанный от руки нотный лист. У Паулины подкосились ноги. Она упала на белый диван, словно кто-то ее толкнул. Попыталась встать, но не смогла. Паст достал из портфеля поблекший бархатный мешочек и вывалил себе на ладонь бриллиантовое ожерелье.

— Это все твое, Пердита. Ты сама знаешь.

— Вы сказали «Пердита»? — проговорил Лео. — Ее зовут Миранда.

— Меня зовут Пердита.

И история посыпалась камнепадом, сверкающая и застывшая, словно время, что застывает в бриллиантах, как свет, пойманный в каждом камне. Камни заговорили. Тишина разомкнула губы, чтобы поведать историю, и история врезалась в камень, чтобы его разломить. То, что случилось, случилось на самом деле.

Но…

Прошлое, как граната. Если его бросить, оно взорвется.

— Чья это дочь? — спросил Лео. — Эта Пердита? Эта Миранда?

— Наша, — ответил Паст. — Она стала нам как родная. Она стала нашей.

Лео протянул руку к ожерелью. Паст отдал ему украшение.

— Я узнал его, — сказал Ксено. — Почему я не узнал его сразу?

Лео провел пальцем по ожерелью.

— Я купил его Мими, когда у нас все начиналось.

Паст сказал:

— Тот человек, выполнявший ваше поручение, Тони Гонсалес, спрятал ребенка в «окне жизни» при больнице Святой Марии. Его преследовали бандиты. Они охотились за деньгами, но тогда я этого не знал. Мы… мы с Кло… попытались его спасти. А потом я нашел Пердиту.

— Почему вы не отдали ее полиции?

— Чтобы ее отправили в детский дом? Чтобы ее удочерили чужие люди? Я подумал, что человек, бросивший своего собственного ребенка, не годится на то, чтобы быть отцом.

— Я думал, Пердита — не мой ребенок, — прого-

ворил Лео. — Я думал, ее отец — Ксено.

— Да, я ей не родной, — сказал Паст, — но я любил ее как родную.

— Это правда! — воскликнул Кло.

— Что вы сделали с деньгами? — спросил Лео.

— Лео! — Тон Паулины явно давал понять, что ей за него стыдно.

Паст расправил плечи.

— Я отвечу, мэм. За тем я сюда и приехал. Мне скрывать нечего. Лео, вы из тех людей, кто правит миром. Я из тех, кто просто живет в этом мире. Для вас я ничто, чернокожий… из тех, кто, по-вашему, служит только в охране или курьером в службе доставки. Для вас самое главное — деньги и власть, поэтому вам представляется, что те люди, у которых нет денег и власти, только о них и мечтают. Может быть, так и есть… для кого-то… потому что вы так обустроили этот мир, что человек вроде меня может чего-то добиться, только выиграв в лотерею. Честным трудом и надеждой уже ничего не изменишь. Американская мечта умерла.

— Мне нравится, как мы живем, — сказала Пердита. — Мне нравится все, что ты для нас сделал и делаешь.

— Пердита, — проговорил Паст. — «Овчарня»…

это наше семейное заведение, Лео… бар с живой музыкой и хорошей едой. Пердита, бар принадлежит вам с Кло в равных долях. Половина твоя, половина его. Когда я его покупал, половину я внес из денег его матери. Когда она умерла, нам выплатили страховку. Половина — твоя. Моей доли там нет вообще. Думаю, Лео, в этом вопросе мы очень разные. Я не стремлюсь чем-то владеть. Сдается мне, это стремление только множит страдания и горе.

Лео долго молчал, очень долго. Наконец он сказал:

— Вы украли мою дочь, потратили мои деньги, а теперь еще учите меня жить?

— Так и есть, — сказал Паст.

Долгая пауза. Тишина. Затаенное дыхание. Скрещенные пальцы. Зажмуренные глаза. Страшно смотреть.

Паулина знала Лео лучше, чем кто бы то ни было, но даже она не могла предугадать, что будет дальше. Разобьет ли он это мгновение вдребезги или даст ему раскрыться во время?

Пердита подошла к Пасту и взяла его за руку. Лео смотрел на нее. Смотрел на все годы, которые он не прожил. Смотрел на свое отречение. И он увидел свой шанс.

Лео шагнул к Пасту и протянул руку.

— Спасибо вам, — сказал он. — Жалко, что мы не встретились раньше.

Паст пожал его руку.

Паулина хотела подняться с дивана, но упала обратно.

— Да что с моими ногами?

И напряжение разрядилось. Кло хлопнул Ксено по плечу. Судя по виду Ксено, ему было жизненно необходимо выпить.

Паст вдруг обессилел.

— Можно, я сяду? Можно присесть рядом с вами…?

— Паулина, — представилась Паулина.

— Я только что выписался из больницы. Легкий сердечный приступ. И мы летели всю ночь.

Он рухнул на диван. Паулина взяла его за руку.

— Где вы остановились? — спросил Лео. — В каком отеле?

— Мы еще даже не поняли, в каком мы городе, — сказал Кло.

— Я забронирую вам номера в «Клариджe», вам всем. Где мой личный помощник? ВИРДЖИНИЯ! — выкрикнул Лео.

— Лео! — сказала Паулина. — Зачем им в отель? Это наша семья. Пусть поживут у меня.

— А мы все думали, что ты еврейка, — сказал Лео.

Ксено, Лео и Паулина поехали в одном такси. Паст, Кло, Пердита и Зель — следом за ними в другом. Пердита сидела рядом с отцом и просто держала его за руку.

В первом такси Лео спросил у Паулины:

— Ты знаешь, как найти Мими?

— Ты никогда раньше не спрашивал.

— Я боялся, ты знаешь ответ.

— Время остановилось на восемнадцать лет, — сказала Паулина, — а теперь тебе хочется, чтобы все было мгновенно и сразу.

— Я хочу, чтобы Мими узнала о Пердите.

Такси подъехало к большому кирпичному дому, стоящему в глубине сада.

— Хороший дом, — сказал Паст.

— Раньше здесь была свалка, — сказала Паулина. — После войны здесь поселились евреи, освобожденные из лагерей. У моих дедушки с бабушкой было много друзей. Ходишь по улицам, и отовсюду слышны аккордеоны и скрипки, губные гармошки и мандолины. Сплошная музыка и меблированные комнаты. В этом доме тоже сдавались комнаты, пока я его не купила. Одна квартирантка прожила тут в подвале еще десять

лет. Держала в саду осла. Да что мы стоим на пороге? Пойдемте в дом.

Они вошли в просторную, гостеприимную прихожую, где на столике стояли цветы.

— Лео! Ксено! Идите на кухню и заварите нам чай! Зель! Кло! Несите сумки сюда. У меня тут шесть спален, а занята только одна. Я всегда думала, что у меня будет большая семья… Знаете, как говорится: построишь его, и они все придут? Но никто не пришел.

Паст подошел к пианино, стоящему в эркере.

— Хороший инструмент. Вы играете?

— С детства, — ответила Паулина.

Паст рассмотрел ноты.

— Наверное, вы хорошо играете. Моцарт. Бетховен. Я самоучка. Не умею играть по нотам.

— А я не умею играть на слух, — сказала Паулина.

— Умеете, просто не знаете, что умеете, — сказал Паст. — Я вам покажу. Можно?

Он уселся за пианино и начал играть «Летней порой» Гершвина. Паулина невольно засмотрелась на его большие руки — такие сильные, уверенные и красивые.

— Прекрасное пианино. Чудесно звучит.

— Если судить по тому, сколько я за него запла-

тила, — сказала Паулина, — оно должно стоять в Карнеги-холле.

Пердита подошла, встала рядом и запела:

— Тише, малыш, не плачь… однажды утром…

Паулина опустилась на стул. Какой голос! Такой же чистый, как у Мими, но более плотский, более глубокий.

Лео и Ксено вернулись из кухни. Кло пришел из прихожей.

— Моя сестра, — сказал он с неприкрытой, бесхитростной гордостью.

Паст начал импровизировать, насыщая мелодию сочными басами.

ТЫ ПРОСНЕШЬСЯ И ЗАПОЕШЬ:

ТВОЙ ПАПА БОГАТ.

ТВОЯ МАМА КРАСИВА[8].

В тот же день, ближе к вечеру, когда все собрались на ужин за большим столом в кухне и стали рассказывать свои истории, Паулина на минуточку вышла и забронировала билет на первый же утренний поезд в Париж.

Ксено заметил, что Паулина ушла. Он поднялся из-за стола, застыл в нерешительности и в итоге

---

[8] Примечания: 8

Цитата из арии для оперы «Порги и Бесс» (1935) Джорджа Гершвина: Летний зной, жизнь — проста,/Рыба плещет и хлопок высок./Твой Папа богат, а Мама красива,/Так тише, кроха, не плачь.

подошел к разделочному столу и взял еще порцию пирога с курицей. Зель тоже накладывал себе добавку.

— Зель, — сказал Ксено, — как думаешь, мы можем поговорить?

— О чем? — спросил Зель, не глядя на Ксено.

— О том, что я испоганил себе всю жизнь. Что ты мой сын и я тобой горжусь.

Зель так и не посмотрел на него. Он вернулся к столу.

Ксено налил себе вина. Потом подошел к раковине, вылил туда вино и достал из холодильника бутылку минеральной воды.

Половина пятого утра. Все спят, не спит лишь Паулина. Она тихонько выходит на улицу, совершенно пустую в такой ранний час, и идет за угол, где ее ждет такси. Не у самого дома, а за углом. Чтобы никто не проснулся, чтобы никто не узнал.

Но Ксено тоже не спит. Он знал, что она уезжает. Услышав тихий щелчок замка, он подходит к окну. Потом садится за стол и открывает ноутбук.

Там, в игре, он стоял на холодной улице и смотрел вверх, на окно Мими, всегда темное. В эту ночь у него не было крыльев.

В ее окне горел свет.

Коль это колдовство…

Паулина спустилась в метро и доехала до Сите.

У собора Парижской Богоматери она спустилась на набережную и целый час ходила туда-сюда между кассами прогулочных катеров и каналом Сен-Мартен.

На набережной было людно. Люди сидели в кафе. Группа скучающих школьников, утомленных историей собора, дожидалась *vedette* к Эйфелевой башне. Закрытые до вечера теплоходы-рестораны дремали у причалов. Смотрители парков подключали поливальные установки на зеленых газонах.

Это она? Говорят, это она.

Паулина подходит к миниатюрной женщине в огромном пальто, неподвижно стоящей у парапета и глядящей на воду. Паулина достает из сумки простую пластиковую папку размером А4. В папке лежит нотный лист, исписанный от руки. С заголовком «ПЕРДИТА».

И жизнь продолжается, независимо от нашей радости и отчаяния, от счастья какой-то одной женщины, от потери какого-то одного мужчины.

Мы не знаем, не можем знать, что происходит с жизнями других. Мы даже не знаем, что происходит с нашей собственной жизнью, за исключением отдельных деталей, с которыми мы в состоянии справиться. То, что меняет нас навсегда, происходит без предупреждения. И никогда не узнаешь заранее, что будет дальше.

Это мгновение не отличается от остальных, но именно в это мгновение вдруг разбивается сердце или, наоборот, исцеляется. И время, такое устойчивое и уверенное, вдруг впадает в неистовство. Как мало времени нужно, чтобы изменить целую жизнь, а чтобы понять изменения, порой не хватает и целой жизни.

Пусть звуки музыки ее пробудят

ХоллиПоллиМолли приехали в Лондон.

Лео справлялся со своими переживаниями, развернув бурную деятельность, чтобы можно было притвориться перед собой, что у него все под контролем.

«Твоя музыкальная группа. «Отчужденные», да? Зови их сюда!»

Пердита связалась с Холли по Скайпу, а Паст позвонил их отцу.

Лео сказал, что оплатит билеты, но отец девочек был непреклонен: одних он их не отпустит, им нужен сопровождающий.

— И кто с ними поедет? — спросил Кло. — Своим друзьям я в таком деле не доверяю.

— Я могу позвонить одному человеку, — сказал Паст. — Он навещал меня в больнице.

— Придется им спать в одной комнате, Лео, — сказала Паулина. — У меня в доме уже нет места.

— Паулина! Мы живем в столице мира. Здесь есть отели. Каждому, кто приезжает в Лондон, вовсе не обязательно останавливаться в твоем доме.

— А чем плох мой дом?!

Паулина похудела, обновила гардероб и стала улыбаться гораздо чаще.

— Ты счастлива, да? — спросил Лео. — Да, точно счастлива. Потому что ты перестала покупать одежду в «Маркссе и Спенсере».

— Счастлива? — Паулина пожала плечами. — Счастье, это для гоев… но, наверное, я… у меня… да, это *квелл*.

— Я когда-нибудь научусь понимать, о чем ты говоришь? — сказал Лео.

А потом вдруг спросил:

— Так что там с Мими?

— У сефардов есть поговорка…
— Даже не сомневаюсь…
— Дай времени время.

ХоллиПоллиМолли репетировали в Раундхаусе вместе с Пердитой и Пастом, и вдруг кто-то захлопал в ладоши в зале. С освещенной сцены было не видно, что происходит в затемненном зале, но вскоре из сумрака выступила знакомая фигура и помахала рукой Пасту.

Это был Автолик.

— Пердита, привет! Я слышал, ты нашла своего папу.

— Я его и не теряла. Он здесь, со мной.

— Какая хорошая девочка… Вот бы мои дети были такими.

— Я не знала, что у вас есть дети.

— Давайте по одной истории за раз, иначе у нас тут начнется «Тысяча и одна ночь».

ХоллиПоллиМолли снова запели, а Паулина ушла ненадолго и вернулась с огромным пакетом, набитым сандвичами.

— Есть хочу, умираю! — воскликнул Автолик. — Спасибо, барышня. Большое спасибо.

Он вгрызся в багет с сыром и ветчиной.

— Это кто? — спросила Паулина. — Он тоже поселится у меня?

Зель и Пердита гуляли по городу. Шли, держась за руки, сквозь жаркий вечер.

— Никто не поверит, если кому-нибудь рассказать, — проговорила Пердита. — Еще месяц назад мы были нормальными людьми.

— Думаю, это все из-за нас, — сказал Зель.

— В смысле?

— Я уже говорил… и в этой, и в другой жизни… в той, которую они сломали, и в этой, которую они сломать не могли, потому что не знали о ней… мы все равно были бы вместе. И будем вместе.

— Прямо как в Голливуде.

— Судьбу придумали не в Голливуде.

— То есть мне суждено провести жизнь с тобой?

— Нет, как раз тут у тебя есть свобода воли. Ты можешь не выходить за меня замуж.

— Ты что, делаешь мне предложение?

Зель подхватил ее на руки и закружил, как в истории со счастливым концом.

Паст и Паулина сидели в саду. Паулина рассказала ему все, что знала. Когда она дошла в рассказе до Тони Гонсалеса, Паст схватился за голову.

— Так вот что он произнес! Его последнее слово. *Паулина*. Я думал, так зовут девочку, но мы назва-

ли ее Пердитой. Из-за песни на нотном листе. Это значит «потерянная малышка», да?

Паулина кивнула.

— Тони произнес мое имя?

— Да, Паулина, клянусь. Я всегда думал, что поступил правильно. А теперь… даже не знаю…

— Вы все равно не спасли бы Тони.

— Я пытался, Паулина, поверьте. Мы с Кло — не герои, но мы не уехали прочь. Мы поспешили на помощь.

Паулина погладила Паста по руке.

— Не вините себя ни в чем. У вас красивые руки, вы знаете? У Тони были красивые руки — рабочие, сильные руки.

Паст улыбнулся ей и перевернул ее руку ладонью вверх.

— У вас добрые, щедрые руки… широкие ладони. Но, Паулина… Если бы я отнес Пердиту в полицию, ее вернули бы матери.

— И во что превратилось бы ее детство? Развод, весь этот ужас, который был после. Мило. И Пердите пришлось бы разрываться между матерью и отцом. Половину времени — с Лео, половину — с Мими. Неустроенность, вечное ощущение потери, когда мама с папой не разговаривают друг с другом и ты как будто меж двух огней. С

вами Пердита счастлива.

— У нее никогда не было матери.

— Я не уверена, что Мими была бы ей хорошей матерью. В Мими что-то сломалось. И не только из-за Пердиты. Из-за Мило тоже.

— Вы поддерживали связь с Мими?

Паулина кивнула.

— Но Лео об этом не говорила. Впрочем, он и не спрашивал.

— Как вы сумели его простить?

— Он не хочет, чтобы его прощали. Но как жить самому, если ты не умеешь прощать?

Паст сказал:

— Наверное, я ждал прощения от жены… И вряд ли дождался бы, потому что она умерла. А поскольку она умерла, то и я тоже умер. Мое сердце умерло. Когда жены не стало, я забыл, как любить. Как будто она забрала с собой все инструкции. А потом появилась Пердита. Как чудо. Собственно, это и было чудо. Новый старт, новый шанс. Ночь, проливной дождь, Луна, такая огромная, словно она сейчас рухнет на Землю, и малышка, завернутая в белое, словно ее одевала сама Луна, и я пытался ее вернуть, но не смог, потому что она стала моей инструкцией, как любить.

Паулина накрыла его руку своей рукой. Он

накрыл ее руку свободной рукой.

Паулина сказала:

— Мне так нравится, что вы все живете в моем доме. Мне кажется, я вас знала всю жизнь. Я прожила здесь много лет, но только теперь у меня появилось чувство, что я вернулась домой.

— Вы бывали в Луизиане? — спросил Паст.

Задняя дверь распахнулась, и в сад вышел Автолик. Он помахал им рукой.

— Иду в свою одинокую пастушью хижину. У вас замечательный дом, Паулина. Вы играете в покер?

Паст с Паулиной вернулись в дом. Паст уселся за пианино и начал импровизировать. Паулина подтащила второй табурет и села рядом.

— Жалко, я так не умею.

— Сейчас я вас научу… Я буду играть левой рукой, а вы добавляйте мелодии моим аккордам.

Они стали играть. Паулина постоянно сбивалась — и заливалась смехом.

— Как у вас получается брать такие мощные аккорды?

— Это школа игры пятидесятников. Как я понимаю, среди евреев нет пятидесятников?

— Может, я просто их не встречала.

— Это аккорды для партитуры «Второго при-

шествия».

— Боюсь, у меня ничего не получится… Мы еще не дождались и Первого пришествия Мессии.

Но Паулина играла искусно и очень ловко подхватывала мелодию, которую задавали аккорды Паста.

— Ну, вот! Все у вас получается! Устрою вам небольшие гастроли в нашей «Овчарне». Приедете к нам погостить, заодно подработаете. Теперь давайте двумя руками. Мелодию вы уже уловили. Осталось освоить аккорды. Я вам помогу.

Паст встал за спиной Паулины, наклонился над ней, протянул руки вперед, как бы обняв ее с двух сторон. Он направлял ее руки и местами вносил в мелодию немножечко джаза. Он придвинулся ближе. Она откинулась назад и прижалась к нему спиной. Он оторвался от клавиш и обнял ее.

Наступил день концерта.

Пердита нервничала, потому что вчера им с девчонками не удалось прорепетировать на сцене: театр закрыли на «техническое обслуживание». Вечером они с Зелем ходили гулять и на обратном пути специально прошли мимо Раундхауса. В окнах горел свет. Изнутри доносилась музыка.

— Странно, — сказала Пердита. — Похоже, там

репетируют.

Они попытались войти, но все двери были заперты.

Вернувшись домой, они рассказали об этом Паулине, которая встретила их в прихожей и сама собиралась куда-то идти.

— Просто технические неполадки, — сказала она. — Я как раз еду туда.

— Уже полночь, — сказала Пердита.

— У меня все равно бессонница, — отозвалась Паулина. — Так что не переживайте.

Наступил день концерта.

— Плохие новости, Лео, — сказала Паулина.

— Да плевать, — сказал Лео. — Сколько мы потеряли?

— Тебе плевать?

— Потери в бизнесе неизбежны. Зато мы нашли Пердиту.

— Министр отменил разрешение на застройку на месте Раундхауса.

— Но оно уже было утверждено.

— Нашего главного инвестора обвиняют во взяточничестве, коррупции и попытках воспрепятствовать осуществлению правосудия.

Лео вздохнул с облегчением.

— Ну, так наймет знающих адвокатов, и с него

снимут все обвинения. Какие проблемы?

— Он признал себя виновным.

— Охитович признался?

— По договоренности со следствием. Согласованное признание вины. Как я понимаю, на нем висели еще и убийства.

— Убийства? Почему ты мне ничего не сказала? Это уже сложнее. И какие у нас варианты?

— Либо отстаивать свое право в суде, либо вообще не сносить Раундхаус.

— Я пытался его снести с тех самых пор, как…

— Там пела Мими.

— Ладно, не отрицаю. Это личное.

— Лео, вся жизнь — это личное. Ты держал ее на вытянутой руке, и как только она придвинулась слишком близко, ты ее убил.

— Паулина?

Лео тяжело осел на пол, привалившись спиной к стене. Уже совсем не молодой человек. Мальчик, который так и не повзрослел. Он закрыл лицо руками и зарыдал. Паулина опустилась на колени рядом с ним.

— Я столько раз думал о том, чтобы наложить на себя руки. Но не убил себя. Не потому, что я трус, а потому, что это был бы легкий выход. Что у меня за жизнь? Я делаю деньги и мучаюсь

воспоминаниями. Это не жизнь. Я не покончил с собой, потому что приговорил себя к жизни. Это мой пожизненный приговор. Я не прошу, чтобы ты меня пожалела, Паулина. Я просто хочу, чтобы ты знала.

— Я знаю, — сказала Паулина. — Поэтому я никуда от тебя не ушла.

Наступил вечер концерта.

Днем Паулина специально поехала в Голдерс-Грин, чтобы Элейн сделала ей укладку.

— Давай попышнее, Элейн. Особо торжественный случай.

Элейн сделала ей начес, так что волосы встали дыбом, словно Паулина увидела привидение. Из тех, которых никто не видит.

— С лаком, думаю, будет держаться. Прямо так и оставить, торчком?

— Прямо так и оставить, Элейн. Только сделай красиво.

Автолик смотрелся весьма импозантно в новом костюме из Камден Тауна.

— Вы такой стильный, Толи, — заметила Паулина.

— Меня только мама так называла, Толи, — сказал Автолик. — Если приедете к нам на Запад,

могу подобрать вам отличную машину. Кстати, вы любите куриный суп?

— А как вы думаете? — отозвалась Паулина. — Толи, я хотела у вас спросить… Зель… он хороший мальчик? Да, я знаю, что он не еврей, но он хороший?

— Главное, чтобы он не услышал, что я сейчас скажу, — Автолик заговорщически понизил голос, — а то еще возгордится, и потом с ним не сладишь. Он лучше всех. Этот мальчик, он самый лучший. Ну, у него был хороший учитель…

Ксено стоял на крыльце.

Зель вышел из дома в черном костюме и белой футболке. Сам Ксено был в черных джинсах, черной футболке и розовых замшевых туфлях.

— Вид у тебя очень гейский, — заметил Зель.

— Ты еще не родился, а мы уже диктовали стиль, — сказал Ксено. — Кстати, хороший костюм.

Зель замялся. Потом неуверенно улыбнулся. Ксено замялся. Потом улыбнулся.

— Мне бы хотелось узнать тебя лучше.

Зель замялся.

— Я собираюсь пойти пешком. Пойдем вместе?

Впервые в жизни Кло встретил женщину одно-

го роста с ним.

— Сколько тебе было лет, когда ты в первый раз прочитал Хемингуэя? — спросила Лорина Латроб.

Кло не мог признаться, что вообще не читал Хемингуэя. Потрепанный томик, подаренный Автоликом, так и валялся в кармане куртки, ни разу не открытый. Кло совершенно забыл о книжке, и она приехала вместе с ним в Лондон, а потом он оставил куртку в кабинете Лео, и когда Лорина Латроб взяла куртку, чтобы отнести в гардероб, книжка выпала из кармана, и Лорина ее подняла.

Лорина Латроб была весьма сексапильна.

— «И восходит солнце» — мой любимый роман Хемингуэя, — сказала она. — И еще мне очень нравится «Праздник, который всегда с тобой». Воспоминания о его жизни в Париже. «Шекспир и компания».

— Да, точно, — ответил Кло. — Тот книжный.

Лорина Латроб провела властной крепкой рукой по внутренней поверхности крепкого бедра Кло.

В гримерке ХоллиПоллиМолли уже одевались в новые концертные платья.

Пердита еще не вышла из душа. Она волнова-

лась и никак не могла сосредоточиться. Это было совсем на нее не похоже.

Паст постучал в дверь. Пердита вышла к нему в халате и с полотенцем на голове.

— Привет, папа.

Паст вошел в гримерку.

— У тебя все хорошо? Что случилось?

Случилось все, но она не могла говорить об этом. Слишком много всего, но она не могла этого объяснить. Она не понимала, что с ней происходит: случилось то, чего она хотела, но ей это не нужно. Она чувствовала себя Евой, вкусившей яблока.

— Сегодня пятница. Нам надо быть в баре, подавать суп с моллюсками и спрашивать у людей, какую они хотят песню.

— Мы скоро вернемся домой.

Нет, не вернемся, подумала она, *потому что того дома, из которого мы уезжали, больше не существует. Если бы я могла отмотать время назад, я бы не задумалась ни на миг.*

Паст понял, о чем она думает.

— Да, все правильно. Нельзя вернуться к той жизни, которая была раньше, или к тем нам, какими мы были прежде. Но все равно можно вернуться домой.

Он ласково обнял ее.

В дверь постучали. Вошли Кло и Лорина Латроб.

— Мы зашли пожелать тебе удачи, сестренка, — сказал Кло.

Лорина Латроб была в обтягивающем комбинезоне из лайкры и туфлях на высоченных каблуках. Ее волосы, собранные в высокую прическу, были выкрашены в ярко-красный цвет. Как сигнал светофора.

— Выглядишь потрясающе, — сказала Пердита. — Ты на велосипеде приехала?

— У меня нет и не было велосипеда. Велосипеды, они для веганов.

Она обняла Кло за талию.

Вид у него был глуповатый и совершенно ошалелый.

— Привет, папа.

По коридору прошла Паулина с полотенцем на голове.

— Все готовы? Уже пора! Привет, Лорина.

— Здравствуйте, миссис Леви, — сказала Лорина. — Мы сядем в первом ряду.

Она взяла Кло за руку и увела за собой.

— Знойная женщина, — сказал Паст.

— Она транссексуал, — сказала Паулина.

— Транс чего? — не понял Паст.

— Не забивай себе голову, папа, — сказала Паулина.

— Так вы готовы? — спросил Паст. — Уже пора.

Вечер концерта.

В зале нет ни одного свободного места. Зал освещается красным светом. Сцена — серебристо-белым. На сцене — концертный рояль, ударная установка и достаточно места для маленького духового оркестра. В программе, помимо прочего, две местные молодые рок-группы, два поэта со своими стихами, один комик разговорного жанра и один огнеглотатель.

«Отчужденные» отыграли свое отделение. Публике они понравились.

— Я мог бы их раскрутить, — сказал Лео.

Паулина изобразила лицом *ой-вей. О горе мне!*

— Знаешь старую поговорку: не вываривай кости своих детей, чтобы сделать из них ложки?

— Давай ты избавишь меня от перлов еврейской мудрости и объяснишь человеческим языком, что происходит, — сказал Лео. — Почему они расчищают сцену? Что это за музыканты? Они откуда?

— Это ее группа, — сказала Паулина.

— Чья группа? — не понял Лео.

Свет на сцене и в зале погас. Полное затемнение. Черная ночь в глубоком сне. А потом в черноте зажегся крошечный огонек, высоко-высоко, словно свеча в окне под самой крышей. Что это значит? Что это падает сверху: белые перья или хлопья снега? И что там сверкает посреди снега и перьев, что искрится алмазным светом как обещание, как новый шанс?

А потом яркий прожектор высветил пространство, что пустовало, сколько мы себя помним, но что есть память, как не веревка, перекинутая через время?

Женщина стоит, как статуя, в круге света. Простое черное платье, красная помада. Густые темные волосы, короткая стрижка.

Она стоит неподвижно. А потом оживает.

— Эту песню я посвящаю моей дочери. Она называется «Пердита».

Лео встает и выходит в проход. Откуда-то из глубин зала выходит Ксено и встает рядом с ним. Он обнимает Лео за плечи. Теперь Лео плачет долгими слезами дождя.

Потерянное нашлось.

Сейчас мы оставим их, в театре, вместе с му-

зыкой. Я сидела на последнем ряду и ждала, что будет дальше, а теперь я вышла на улицу, в летнюю ночь, и дождь течет у меня по щекам.

Я написала эту кавер-версию, потому что уже больше тридцати лет «Зимняя сказка» была для меня не просто пьесой, а глубоко личным текстом — частью созданного словом мира, жить без которого я не могу. Хотя вернее будет сказать: *вне* которого. «Без» указывает на отсутствие чего-либо, «вне» означает «за пределами чего-либо».

Это пьеса о брошенном ребенке. В каком-то смысле и обо мне тоже. Это пьеса о прощении и целой вселенной возможных будущих; о том, как прощение и будущее сплетаются воедино и простираются в двух направлениях, вперед и назад. Время обратимо.

Поздние пьесы Шекспира основаны на прощении.

Но что там прощается?

«Зимняя сказка» — отсылка к «Отелло». Герой, который скорее прикончит весь мир, чем изменится сам. Но в этот раз героине не приходится умирать из-за бредовых иллюзий героя. На самом деле Отелло не способен любить себя — не Дездемону. Он не доверяет не Дездемоне, а себе самому,

но когда Шекспир возвращается к этой теме, он дает герою второй шанс.

Гермиона не умирает. Леонт с Поликсеном тоже не умирают. Будущее надежно защищено, потому что Пердита и Флоризель не повторят ошибок своих отцов. Правда?

Прощение. Для всякой истории есть всего три возможных концовки, если отбросить «И жили они долго и счастливо», потому что это не концовка, а кода.

Три возможных концовки:

Месть. Трагедия. Прощение.

Шекспир знал все о трагедии и мести.

На позднем этапе творческого пути он заинтересовался прощением — вернее, *снова* заинтересовался прощением, — потому что во «Все хорошо, что хорошо кончается» есть Елена, как противоположность эгоистичному, избалованному, порнографическому нарциссизму Бертрама; в «Мере за меру» есть Изабелла, как противоположность сладострастной жестокости Анджело. Они обе умеют прощать. И есть еще Порция, поэт милосердия в противовес убийственному мздоимству на фунт мяса. Не в том дело, что Шейлок еврей, а в том, что он еврей не в полной мере. Ибо сказано в Ветхом Завете: не

ожесточись сердцем и прости долги ближнему своему. Прошлое не должно связывать будущее. В высшей мере способность прощать проявляется у Корделии и Гермионы. Корделия в «Короле Лире» умирает во имя любви, в противостоянии с Эдмунтом и Эдгаром, еще одной парой шекспировских враждующих братьев (Шекспир нередко использует этот сюжетный ход — взять тех же Леонта и Поликсена!). Корделия также противостоит своим сестрам, Гонерилье и Регане, двум змеям, столь же убийственным, как леди Макбет, и, как леди Макбет, погрязшим в мужских играх за власть. Лир несостоятелен как отец. Он не способен защитить младшую дочь от своего собственного безумия. Точно так же Леонт бросает свое дитя на милость медведей, волков и хищных птиц. Шекспир не был горячим приверженцем семейной жизни; вам хотелось бы вырасти в доме Монтекки или Капулетти? Вам хотелось бы таких родителей, как у Гамлета?

У Миранды, героини последней шекспировской пьесы «Буря», есть отец, ради которого стоит родиться на свет. Но на острове они только вдвоем, и когда появляется Фердинанд, Просперо балансирует на краю типичной отцовской ревнивой ярости и ограждает себя от будущего, не давая

будущему случиться. Однако он побеждает свой гнев, и Шекспир завершает пьесу, предоставив дальнейшее детям. Пусть в следующий раз они сделают все по-другому. В следующий раз они сделают все, как надо.

Как сказал Эзра Паунд: «Сотворите заново».

В «Зимней сказке» прошлое определяется будущим в той же мере, в какой будущее определяется прошлым. Прошлое здесь не история, а трагедия. Не бывает трагедии без духовных терзаний. Именно масштаб потери, ее смысл и бессмысленность наполняют жестокость и ревность в первом действии столь мучительной болью.

Второе действие с его танцующими пастушками и солнечным, пасторальным весельем нарочито контрастирует с темными, мрачными залами Сицилии.

А простые, бесхитростные добродетели старого пастуха и его сына Клоуна контрастируют с напыщенной заумью столичных жителей.

Поликсен, которому мы сочувствуем в первом действии, во втором действии оказывается ничем не лучше Леонта, когда пытается разлучить своего сына Флоризеля с его возлюбленной Пердитой, угрожая девушке смертью. В своем извращенном садизме Поликсен достоин Леонта.

Простая пастушка Пердита недостаточно хороша для его сына. Его ошибочные представления о Пердите столь же фатальны, как представления Леонта о Гермионе, Лира — о Корделии.

В третьем действии все разрешается в лучшем виде, и можно подумать, что счастливая концовка притянута за уши, но это не так. Леонт раскаялся искренне. Он ненавидел себя на протяжении шестнадцати лет. Твердость духа, проявленная Гермионой, противопоставлена скоропалительной ярости Леонта в первом действии и жестокости Поликсена во втором.

Гермиона делает то, что труднее всего сделать, чтобы восстановить справедливость: она не делает ничего.

«Ничего» — ключевое понятие пьесы. В бредовой речи Леонта о предполагаемой измене жены уже содержится верный ответ, но Леонт не в состоянии его услышать:

Да! так шептаться…

И льнуть щекой к щеке… и носом к носу…

И целовать в полуоткрытый рот,

Смех вздохом прерывать (вернейший признак

Разбитой чести!) Ездить стремя в стремя…

В углах шептаться – гнать часы… желать

Час обратить в минуту, утро – в ночь,

Желать, чтоб все глаза кругом ослепли,

Чтоб на свободе их глазам грешить?

Все это – ничего? Да, но тогда

Весь мир со всем, что в нем, – ничто, и небо

Ничто, и вся Богемия – ничто,

Жена моя – ничто,

Коль это – ничего!

После ядерной катастрофы, сотворенной Леонтом, уже ничего нельзя сделать, пока следующее поколение не будет готово исцелить раненый мир; но и им тоже сначала придется избавиться от омертвелых стремлений прошлого, когда Пердита избегает смерти во второй раз.

Это «старая сказка», волшебная сказка. Однако в сказках угроза обычно исходит извне: дракон, армия вражеского королевства, злой колдун. Шекспир, предвосхищая Фрейда, помещает

угрозу туда, где она пребывает на самом деле: внутри.

«Зимнюю сказку» впервые сыграли на сцене в 1611 году. И лишь по прошествии трехсот лет зарождающийся психоанализ начал нащупывать путь к пониманию, что будущее определяется прошлым и что от прошлого можно освободиться. Прошлое ждет в засаде. Прошлое — переодетый нищий. Шекспир любил маскарады и переодевания, когда одно представляется другим: девочка, переодетая мальчиком, переодетым в девочку. Принцесса — пастушка — богиня. Статуя, которая оживает. Все не то, чем кажется. В этом и заключаются ужас и великолепие «Зимней сказки».

И время, которое устанавливает пределы, дает нам единственный шанс вырваться за установленные пределы. Время все-таки не ловушка. От него можно освободиться. Потерянное найдется…

Предоставим последнее слово ей.

ПЕРДИТА

Скоро мы станем жить вместе, и нам придется жить в этом мире, как всем остальным. Придется ходить на работу, растить детей, обустраивать дом, готовить еду, заниматься любовью, но сейчас в мире так мало искренней доброты, что вся

наша жизнь может запросто пойти насмарку. Мы будем мечтать, но суждено ли им сбыться, нашим мечтам?

Может быть, мы забудем о том, что с нами однажды случилось чудо. Наш волшебный сад зарастет сорняками, забытый, заброшенный, никому больше не нужный. Может быть, мы разойдемся. Может быть, жизнь и вправду тяжелая штука. Может быть, любовь бывает только в кино.

Может быть, мы причиним столько боли друг другу, что откажемся от всего, что случилось. Мы найдем убедительные доказательства, что ничего этого не было. Тех людей просто не существовало.

Может быть, однажды ночью, когда за окном бушует непогода и ты слишком крепко сжимаешь мои запястья, я возьму фонарик и выйду под дождь, подняв воротник, чтобы защититься от ветра, и в темном небе не будет звезд, и птица в испуге выпорхнет из куста, и лужи будут блестеть в тусклом свете фонарика, вдалеке — шум движения на дороге, а здесь только молчание ночи, мои шаги и мое дыхание.

Может быть, тогда я вспомню, что, хотя история повторяется, и мы всегда падаем вниз, и я

несу в себе историю, чья мимолетная экскурсия по времени не оставляет следов, я знала что-то, что стоило знать — исступленное, невероятное, наперекор всему.

Как карман воздуха под перевернутой лодкой.

Любовь. Ее протяженность. Ее масштаб. Невообразимая. Необъятная. Твоя любовь ко мне. Моя любовь к тебе. Наша любовь друг к другу. Настоящая. Да. Я иду в темноте, освещая дорогу фонариком, я — свидетельство и свидетель того, что знаю: этой любви.

Атом и миг моего времени.

Благодарности

Хочу поблагодарить мою подругу и литагента Кэролайн Мишель. Сотрудников «Chatto», особенно Джулиет Брук и Бекки Харди; Рэйчел Каньони и Айне Малкин из «Vintage». Моих коллег в Манчестерском университете, особенно Джона Маколиффа. Лору Эванс, которая редактировала этот текст и выслушивала мои сумасшедшие предложения, и Вэл Макдермид, которая решила проблему. И Сьюзи Орбах — мою спутницу жизни.

И, конечно, Уильяма Шекспира. Где бы ты ни был.